~~А XVI.5~~

~~7-913-9~~

Яцевич А.

Пушкинский Петербург.

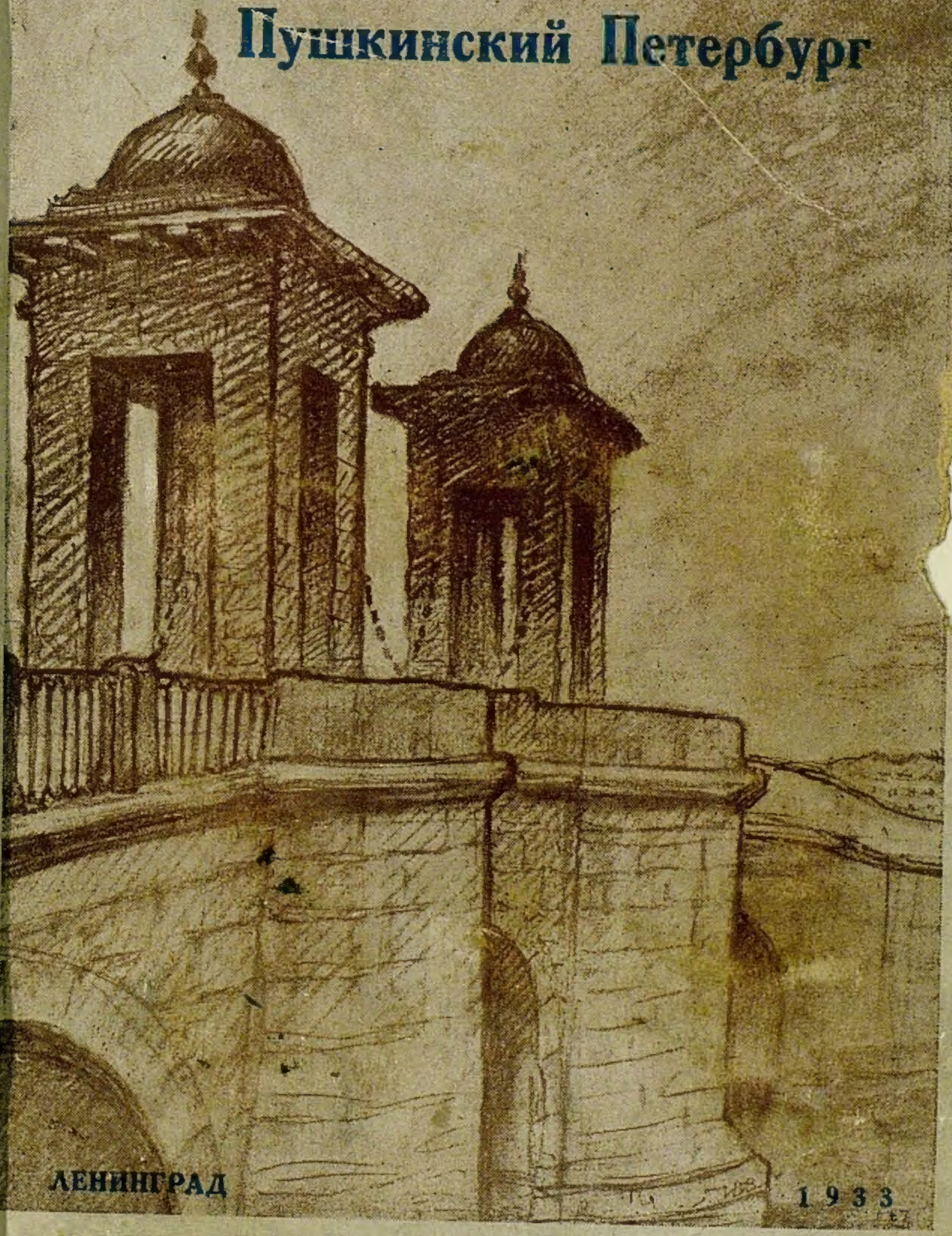
Изд. 2.

Л., 1933.

1994 г.

А. ЯЦЕВИЧ

Пушкинский Петербург



ЛЕНИНГРАД 1933

47373

На дом не выдается

732
РЭ
Я-924
47373

А. ЯЦЕВИЧ

Пушкинский Петербург

Издание второе

Вступительная статья
П. Н. Столпянского

Оригинальные рисунки и обложка
И. И. Ваулина

Издание О-ва „Старый Петербург—Новый Ленинград"
ЛЕНИНГРАД
1933

Государственная Академия Искусств

ТРУДЫ

Общества „Старый Петербург—Новый Ленинг,

Выпуск второй.

Печатается по постановлению Совета Общества.

Председатель Общества Н. М. Осипов

Тот век прошел и люди те прошли

Лермонтов

Дом Муравьевой на Фонтанке, ныне № 25.

Здесь жил декабрист Никита Муравьев.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вступительная статья П. Н. Столпянского	5—7
От автора	8—10

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фонтанка.—Дом Клокачева.—Здесь жили А. Пушкин и Карло Росси.—Дом Стройновского.—Стройновская—прообраз пушкинской Татьяны.—Дом А. Н. Оленина.—Встреча А. С. Пушкина с А. П. Керн.—М. Ю. Лермонтов и М. А. Щербатова	11—30

ГЛАВА ВТОРАЯ

Фонтанка.—Дом Муравьевой.—Здесь жил декабрист Никита Муравьев.—Дом Кочубея.—Декабрист А. И. Одоевский.—Н. К. Загряжская.—Третье Отделение.—Дом Голицына.—А. И. и Н. И. Тургеневы.—Собрания „Арзамаса“.—Тут А. Пушкиным написана ода „Вольность“.—Дом Голашевской.—Здесь жил декабрист П. И. Пестель.—Дом Мижуева.—Тут жили Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский и Элиза Хитрово.—Моховая ул.—Дом принцессы „Зельмиры“.—Дом Кленберга.—Здесь жили С. Л. и Н. О. Пушкины.—Пантелеймоновская ул.—Дом Оливио.—Тут жил А. С. Пушкин.—Гагаринская наб.—Дом Баташева.—Здесь жил А. С. Пушкин.—Дом Самборского.—Тут родился С. И. Муравьев-Апостол.—Гагаринская ул.—Дом Бибиковой.—Здесь у Карамзиных с Петербургом прощался М. Ю. Лермонтов	31—72

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стр.

Лиговская ул.—Дом Моденовых.—Здесь жил баснописец А. Е. Измайлов.—Сергиевская ул.—Дом стихотворца Д. И. Хвостова.—Дом И. А. Ганнибала.—Дом М. М. Сперанского.—Фурштадтская ул.—Дом Алымовой.—Здесь жил А. С. Пушкин.—Дом А. С. Шишкова.—Спасская ул.—Дом декабриста А. М. Булатова.—Кирочная ул.—Дом архитектора Ф. И. Демерцова.—Здесь жила С. М. Салтыкова.—Ее роман с декабристом П. Г. Каховским.—Загородный пр.—Дом Тычинкина.—Тут умер поэт А. А. Дельвиг.—Семеновский полк, 5-я рота.—Дом Ежевского.—Здесь жил поэт Е. А. Боратынский.—Б. Казачий пер.—Дом Дмитриева.—Тут жила О. С. Павлищева, сестра А. Пушкина . . . . . 73—104

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исаакиевская площадь.—Дом Нарышкиных.—Здесь жил Дидро.—Г-жа де-Сталь.—А. Шлегель.—Поэт И. П. Мятлев.—Морская ул.—Дома Демидова.—Аврора Шернваль.—Дом Закревского.—Здесь жила Аграфена Закревская.—Дом Булатова.—Тут жили декабристы А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер.—Мойка.—Дом Рос.-Америк. Компании.—Здесь жили декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев . . 105—124

ГЛАВА ПЯТАЯ

Миллионная ул.—Дом Верта.—Здесь жил и умер художник В. Л. Боровиковский.—Дом композитора Д. С. Бортнянского.—Дом Ланского.—Здесь жил В. Ф. Одоевский.—Дом Эбелинг.—Здесь жил А. А. Дельвиг.—Дом Деринга.—Здесь жил балетмейстер Дидло.—Дом „Княгини Полночь".—Дом Гагарина.—Тут жила актриса Катерина Семенова.—Екатерининский канал.—Дом иезуитов.—Здание Государственной Типографии.—Здесь жил товарищ А. С. Пушкина М. Л. Яковлев.—Стихотворение Пушкина „19 октября 1836 г." . . . . . 125—144

Список иллюстраций 145

Примечания . . . . . 146—155

Указатель местожительств . . . . . 156—157

Именной указатель . . . . . 158—160

„Пушкинский Петербург"—таково содержание второго выпуска трудов Общества „Старый Петербург—Новый Ленинград" и это содержание не случайно, так как Общество не в первый раз позволяет себе связать свою деятельность с именем Великого Поэта.

После революции Общество обратило внимание на последнюю квартиру, в которой умер поэт. В квартире этой долгое время помещалось охранное отделение, сумевшее, как и следовало ожидать, в достаточной степени изгадить квартиру великого поэта. Общество постаралось эту квартиру восстановить, после чего она была передана Академии Наук, в лице Пушкинского Дома.

Общество неоднократно возбуждало перед местным Откомхозом вопрос об охране памятника Петра—знаменитого Пушкинского Медного Всадника, причем Обществом была исправлена пострадавшая от времени горделивая надпись на памятнике, так характерная и для самого памятника и для Екатерины II, надпись, в которой распускавший свои крылья российский империализм нашел вполне соответствующую для себя форму самовосхваления.

И данная работа является естественным и логическим развитием предшествующего. Эта работа

будет одинаково интересна и для знатока и любителя литературы, как и для рядового обывателя. Первого эта работа избавит от необходимости производить ряд многочисленных затруднительных изысканий, давая готовые выводы; для второго эта работа оживит немые улицы и дома города, заставит их заговорить, произведет то впечатление, которое зовется—власть места.

Одно дело—знать что в таком-то и таком-то доме, на такой-то и такой-то улице произошло то или иное событие, а совершенно иное—пойти на это место и вспомнить, что здесь развертывалось, какая звучала трагедия жизни или как улыбалась эта жизнь веселой молодой улыбкой. И в этом отношении „Пушкинский Петербург“ прямо неистощимый кладезь. Недаром же Пушкин был для одних символом нового, прогресса, шагом вперед, в то время как другие не могли изобретать достаточные средства для его уничтожения. Говоря „Пушкинский Петербург“—мы особенно подчеркиваем, что это—центр прогресса того времени.

Пушкинский Петербург—и должны восстать перед нами квартиры, где жили те, которым пришлось прибегнуть к первому вооруженному восстанию; перед нами проходит ряд местожительств декабристов, при чем удалось розыскать и рисунки этих домов, в их первоначальном виде—дома перестроены, но в архивах был скрыт ряд интереснейших изображений—они публикуются впервые.

Пушкинский Петербург—друзья Пушкина, лучшие деятели искусства, науки, художества и безусловно интересно подчеркнуть где же, в каких улицах и квартирах находили себе приют эти „избранные“.

Пушкинский Петербург—это также ряд тех, кто накладывал свою тяжелую руку, кто душил все свободное, мощное, это — Бенкендорфы, Булгарины e tutti quanti.

Громаднейший материал и для экскурсий по русской революции и по русской литературе и вообще по русской жизни. Конечно, автор не задавался специально целью дать спутник экскурсанта, но то, что автором тщательно собрано в различных архивах и мемуарах, воспоминаниях, переписке и пр., является бесценнейшим материалом, которым с благодарностью будут пользоваться при экскурсиях. А ведь экскурсия является в настоящее время не только пособием, но и существенною частью метода образования. И как будто далекая от современности тема „Пушкинский Петербург“ принимает актуальность, отвечает вполне на запросы момента.

А тем самым и Общество „Старый Петербург—Новый Ленинград“ вносит и свою лепту в начатое, в таких грандиозных масштабах, переустройство жизни.

П. Н. Столпянский.

ОТ АВТОРА.

„У каждого здания,—сказал Франс,—своя история, каждое несет через столетия рассказ о жизни своих обитателей и о происшествиях того времени. В них стиль, вкус и характер эпохи дней прошлого“.—О чем же говорят нам эти безмолвные свидетели минувшего?

Александровское время и первое десятилетие царствования Николая это эпоха расцвета петербургского строительства. Волею самодержавных властителей творчество великих художников призвано было служить идее прославления монархии. Не только величественная арка Главного Штаба, Адмиралтейство и Сенат должны были являться памятниками могущественной империи. Стасов строит прекрасные Павловские казармы для забитых шпицрутенами солдат,а Шарлемань отделывает для несчастных узников грандиозный Литовский замок. „Самодержавные цари,—сказал современник,—любят оставлять потомству огромные памятники своего царствования; и замечательно, что чем более народ был угнетен, унижен, тем выше они воздвигались“.

Но не для одного зодчества начало XIX столетия является золотым веком. Это была также эпоха расцвета русской литературы и целый ряд великих людей нашел себе тогда приют в Петербурге.

Тут на Мойке умирал Пушкин.—В этом небольшом доме на Торговой Грибоедов переписывал свое „Горе от ума“.—Здесь в стенах и поныне стоящего дома на Морской горьким смехом своим смеялся Гоголь.—Тут у Синего моста последнюю ночь перед арестом провел Рылеев.—В обветшавшем ныне доме на Гагаринской ул. прощался с Петербургом Лермонтов.

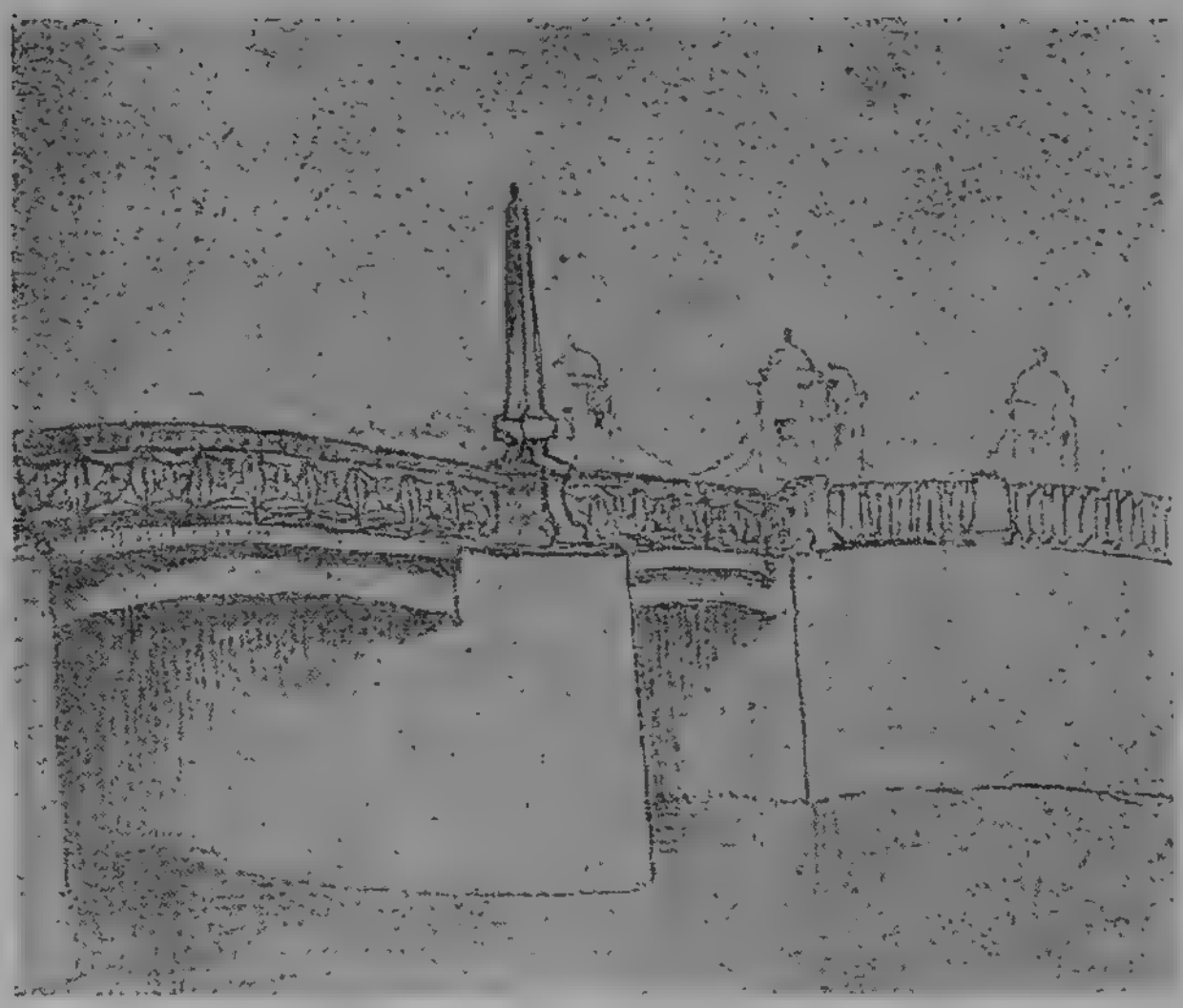
Но к сороковым годам ни одного из них уже небыло в Петербурге.—Эти годы знаменуют собою также конец эпохи расцвета архитектуры. Кваренги, Захаров и Росси не находят себе последователей.—Петербург вступает в новый период своей истории.

Ряд выдающихся памятников Петербурга, его дворцы, соборы и замки, давно нашли себе историков. Но есть еще множество интересных домов, связанных с именами великих людей, их современниками и событиями той эпохи. Они не нашли себе еще исследователя и настоящая работа является первой попыткой этого рода.

При ее составлении автор пользовался рядом планов, атласов, табелей, указателей и справочников города. Однако, для настоящей книги этот материал оказался недостаточен. В основу работы положены весьма ценные документы бывшего архива Петербургской городской управы, систематически до сего времени никем не исследованные и дополняющие историю застройки города новыми данными. Чтобы не перегружать текста книги излишними ссылками, автор не делает указаний ни на архивный, ни на справочный и плановой материал. Все же остальные источники особо оговорены в примечаниях.

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность К. А. Костенко за добрую помощь, оказанную мне при составлении настоящей работы. Вместе с тем должен поблагодарить П. Н. Столпянского за несколько ценных указаний и А. А. Савельева, так же, как и весь нынешний состав сотрудников Центрального архива Лен. Отдела ком. хозяйства, за содействие работе в архиве. Не могу также не указать на большую помощь, оказанную мне А. И. Колотушкиным при печатании этой книги.

Наконец, полагаю необходимым отметить ряд оригинальных рисунков с натуры члена Общества И. И. Ваулина, зарисовавшего, по поручению Общества, ряд зданий города, в большинстве своем, совершенно неизвестных и воспроизводящихся в печати впервые.



Коломна у Калинкина моста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У Покрова колокол ударил шесть раз. Старик фонарщик приставил лестницу к мостовым фонарям и потушил лампы. Петербург просыпался. Степенный дворецкий повел молодого конюха в часть „наказывать“. Барин был нервический и не выносил на дворе криков. Двое полицейских солдат провели сданного в рекруты дворового. За ними шли, причитая, три женщины. Старуха в рваном салопе вынула из платочка копейку и подала парню.

На набережной Фонтанки показались дрожки. Старая лошадь еле передвигала ноги. Извозчик

остановился у небольшого каменного трехэтажного дома вице-адмирала Клокачева. Молодой человек в плаще и высокой шляпе легко соскочил с дрожек и исчез в воротах. Это юный Пушкин возвращался домой с заседания „Зеленой Лампы". Здесь, в доме Клокачева, в старой Коломне, жили его родители.

Переехав в Петербург, отец поэта, Сергей Львович, окончательно устранился от каких-либо хозяйственных забот. День его и без того был достаточно заполнен. Он начинал свои светские визиты по родным и знакомым с самого утра и обычно лишь к вечеру выцветшая карета, запряженная старыми клячами, стуча и громыхая, доставляла хозяина домой.

Все обязанности по управлению домом Сергей Львович возложил на свою жену. Но Надежда Осиповна, не меньше своего мужа любившая светскую жизнь, была совершенно равнодушна к порядкам в своем доме. „Дом их,—рассказывал лицейский товарищ А. Пушкина Корф,—всегда был на-изнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой—пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословной неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечным недостатком во всем, начиная от денег до последнего стакана". Действительно, когда у Пушкиных обедало двое—трое посторонних, за посудой приходилось посылать к соседям. Парадные комнаты освещались канделябрами, а в комнате молодой Ольги Сергеевны горела сальная свеча, купленная на сбереженные ею деньги.

К сожалению, сохранилось немного указаний о жизни молодого поэта в доме родителей, на Фонтанке. Один современник оставил нам все же такое

описание обстановки жизни Пушкина в доме Клокачева: „Мы взошли на лестницу; слуга отворил двери, и мы вступили в комнату П. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого".

Много друзей перебывало у Пушкина в стенах клокачевского дома. Самыми частыми его гостями бывали, конечно, товарищи поэта по лицею. Один из них, Модест Корф, был ближайшим соседом Пушкиных, так как его семья жила в этом же доме Клокачева, этажем ниже. Корф прожил, по его словам, пять лет под одной кровлей с Пушкиным [1]. Добрые отношения между обеими семьями были однажды нарушены дракой, возникшей между камердинерами А. Пушкина и Корфа. Барон Корф, выйдя на шум, прибил тогда пушкинского камердинера. Александр Сергеевич, узнав об этом, со свойственной ему горячностью вызвал письмом Корфа на дуэль.—„Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы,—отвечал Корф,—не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер".

Но это был, конечно, исключительный случай. Крепостные люди Пушкиных привыкли к суровому обращению и не доставляли обычно особых хлопот своим хозяевам. Особенно резка бывала Надежда Осиповна. Урожденная Ганнибал, она привыкла в своей семье к тому, что „людей выносили на простынях", как обычный результат барского гнева. Своей прислуге Надежда Осиповна позволяла отращивать одни лишь бакенбарды, не терпя „борода-

чей". Не допускалось в доме и курение. Даже Сергей Львович до самой смерти жены курил украдкой. Среди слуг в доме выделялся безотлучный камердинер при особе Сергея Львовича—красавец Гавриил Калашников. С его сестрой Ольгой, осенью 1824 г., у Александра Сергеевича произошло в деревне сближение, последствием которого было рождение ребенка [2]. Тут же в клокачевском доме жила Арина Родионовна, а также известный Никита Козлов, любитель литературы, поэт, пестовавший Александра Сергеевича с детства. Он провел с ним годы ссылки и время женитьбы. Наконец, после смерти поэта, Козлов проводил тело своего барина из Петербурга в Святогорский монастырь. Он в полном смысле слова не покидал его от колыбели до могилы.

Годы пребывания Пушкина в доме Клокачева были временем подъема в русской жизни после испытаний 1812—15 гг. Молодое поколение принесло с собой из похода новые настроения и было окрылено мечтами о свободе. Молодежь с жаром рассуждала о реформах, конституции, освобождении крестьян. В эту жизнь, заполненную свободолюбивыми беседами, театром, вином и любовью, окунулся молодой, только что окончивший учение в лицее, Пушкин. К старым друзьям прибавились новые, явились иные чувства, иные настроения и мысли.

В этом скромном клокачевском доме Пушкин дал волю своей дерзновенной музе. Когда же он осмелился однажды показывать в театре портрет Лувеля, убийцы французского принца, с подписью „урок царям", поэт был отправлен в ссылку на юг. 6 мая 1820 г. Пушкин на долго простился с Петер-

бургом. Его лицейские друзья, Дельвиг и Яковлев, провожали его до Царского Села.—В этот день опустилась завеса над бурной юностью поэта.

Какова же история этого дома, в котором расправил свои крылья его гений?—Дом Клокачева стоял в старой Коломне, где жили маленькие, скромные ремесленники, бедные торговцы [3]. Тут селились, из-за дешевизны квартир, и мелкопоместные дворяне, приезжавшие в столицу хлопотать по тяжебным делам, и бедные вдовы, привозившие в Петербург дочерей на выданьи. В начале XIX-века Коломна была одной из самых бедных частей города.—„Здесь,—писал современник,—при свете сальной свечи, согнувшись, сидит трудолюбие; в тесной квартирке, обращенной во двор окнами, скрывается огромный талант; в бель-этажах здешних домов не бывает раутов; есть лавки, но нет магазинов; по улицам не только гуляют, но и ходят пешком; здесь встают, когда там еще спят и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним выездам".

Тут стояли тогда небольшие деревянные домики кузнеца Димшукова, трубача Тячькина, ундера Шумарева. Единственной значительной постройкой являлся каменный дом генерал-майорши Игнатьевой (согласно сенатскому атласу 1798 г. участок этот значился тогда еще ведомства СПБ. полиции). Однако, дом принадлежал Игнатьевой не долго, перейдя вскоре во владение вице-адмирала Клокачева, архангельского генерал-губернатора.

Клокачевский дом стоял на правом берегу Фонтанки, в конце ее, у Английского пр.; это был второй дом за нынешним небольшим Калинкиным

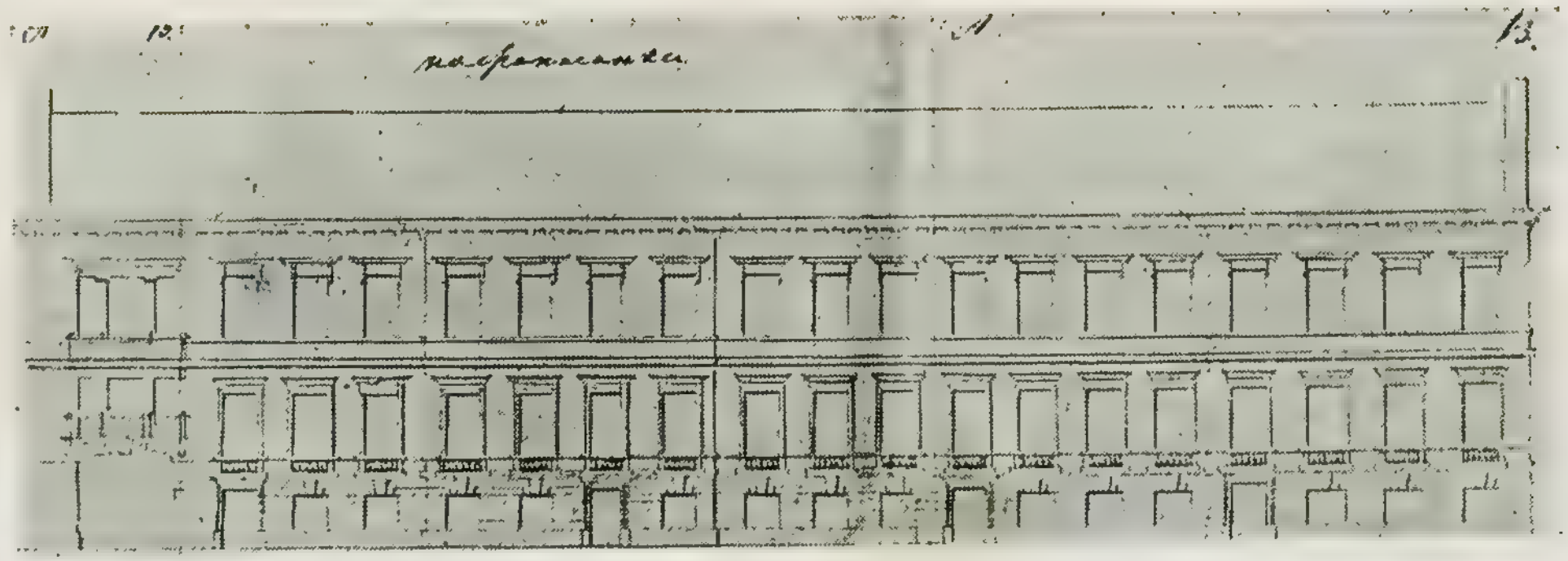
пер. Теперь этот участок № 185 по Фонтанке. В то время это был трехэтажный дом (с очень низким первым этажем), в 10 окон, с небольшим садом в глубине двора. До нас дошли планы дома и, насколько можно судить по ним, в квартире С. Л. Пушкина, довольно поместительной, было семь комнат, из них три на улицу; службы выходили во двор [4].

Адмирал Клокачев умер в 1823 г. [5], но еще до его смерти дом этот, с 1821 г., стал собственностью стат. советника Путятина. С середины же 30-х годов он уже принадлежал И. Д. Трофимову, сенатору (с 1835 г.) [6], увеличившему дом пристройками по фасаду: с правой стороны—в 8 окон, с левой—в 3 окна (внизу ворота).

Средняя часть дома простояла нетронутой до 1856 г., когда новый владелец дома, капитан Трофимов, в целях увеличения доходности, надстроил по всему фасаду четвертый этаж. Наконец, в 70-х годах уничтожили старый сад. Когда, пройдя через несколько рук, дом попал во владение купца Урусова, последний совершенно перестроил его в 1903 г. Он надстроил пятый этаж и, окончательно изменив внешний вид дома, превратил его в обычное, безвкусное доходное строение.—Клокачевский дом перестал существовать *.

---

* От прошлого в этом доме уцелели до нашего времени лишь интересные черные лестницы во дворе. В квартирах второго и третьего этажей (Корф жил под Пушкиными—следовательно те жили во втором или третьем этаже) средней части дома ничего не сохранилось от старой отделки дома. Лишь во втором этаже, в двух комнатах, уцелели от пушкинской эпохи красивые карнизы. Но уже печи везде новые.—См. не вполне точные сведения о клокачевском доме в „Московских Ведомостях". 1855 г., № 143.



Дом Трофимова, ранее Клокачева, в Коломне, ныне Фонтанка № 185.

Здесь жил А. С. Пушкин и Карло Росси.

Архив Лен. Отд. ком. хозяйства.

Здание перестроено. Линия „А—В“ означает пристройки 1836 года.

Уничтожение дома тем более печально, что он связан не только с именем юного Пушкина. В нем жил в 40-х годах, „почив от дел своих“, талантливый архитектор Карло Росси [7].

Давно было сказано, что гений не имеет предков. Таков и Росси, не знавший имени своего отца [8]. Зато мать его, знаменитая танцовщица своего времени, Гертруда Росси, пользовалась в Петербурге большой известностью. Близкий в юности к архитектору Бренна, Росси, благодаря своим выдающимся способностям, быстро сделал свою карьеру. В эту эпоху российские самодержцы стремились, в сооружавшихся, по их воле, постройках, явить миру грандиозное могущество российской империи. И Росси воплотил в жизнь тщеславные устремления монарха.

Длинный ряд лет работал он в Петербурге над созданием своих шедевров, достигнув непревзойденного совершенства. Арка Главного Штаба, Александринский театр и Михайловский дворец являются достойными памятниками его гения. Но несмотря на необычайную щедрость к нему Николая I, материальное положение Росси оказалось, к концу его жизни, чрезвычайно затруднительным. Продолжительная болезнь самого Росси и его жены поглотила все средства. В эту эпоху столь частых злоупотреблений при возведении монументальных зданий (известны неблаговидные в этом отношении поступки некоторых виднейших русских архитекторов), Росси, через руки которого прошло, за период его зодчества, свыше 60 милл. руб., когда умерла его жена, не имел даже денег на ее похороны. Состарившийся, больной, огорченный интригами и отклонением его новых проектов, Росси, волею судеб,

должен был отойти от работы. И за последние десять лет своей жизни он не построил ни одного здания. Росси умер 6 апреля 1849 г. от холеры. Но ни одна газета того времени, за исключением краткой заметки о его смерти, не упомянула об этом замечательном художнике [9]. Он во время ушел, однако, с жизненной сцены. Ему не пришлось, подобно его высокому покровителю, пережить позор падения огромной империи. Крымская война положила конец славе „непобедимой николаевской России". С нею умер и ее стиль.

Замечательна судьба этого дома на Фонтанке, давшего приют двум величайшим представителям поэзии и архитектуры. С ним связано имя певца Петербурга, Пушкина, творца „Медного Всадника", „Пиковой Дамы", „Домика в Коломне" и „Онегина". Но с ним соединено также и имя великого зодчего, своими творениями создавшего из северной столицы один из прекраснейших городов мира.— Как различны были, однако, дни, проведенные обоими великими людьми в стенах этого скромного дома. Один жил тут на заре жизни, в ореоле нарождающейся славы. Другой познал здесь печаль заката жизни и забвения. Пушкин горделиво мечтал тут о будущем, Росси здесь с горечью думал о прошлом.

Расставшись со старой Коломной, Пушкин, десять лет спустя, в 1830 г., вспомнил в своем „Домике в Коломне", те места, где он провел дни своей юности:

Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву.

В Коломну, к Покрову—и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

И в памяти поэта воскресли образы прошлого.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).

Но сквозь эту гордость поэт прочел в ее глазах иную повесть: „долгие печали, смиренье жалоб“...

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам,—она была несчастна...

Плетнев в своей переписке с Гротом называет имя молодой графини [10].—Это Стройновская, дочь генерала Буткевича, послужившая прообразом пушкинской Татьяны [11]. Посещение ею отдаленной церкви у Покрова говорит о том, что она жила в Коломне. Действительно, по той же стороне Фонтанки, где стоит бывший дом Клокачева, в котором жил Пушкин, отделенный от него всего лишь пятью домами, стоял в те времена трехэтажный дом генерала Буткевича. Большой участок этот у Калинкина моста, на углу Фонтанки и Садовой ул., числится теперь по Фонтанке под № 199. Из многочисленной семьи Буткевича своей редкой красотой выделялась дочь Екатерина. Короткие годы своего

детства она провела здесь, на Фонтанке, в доме отца, человека замкнутого и сурового. Он занимал первый этаж, семья же его помещалась во втором. Однако, безрассудные траты старика скоро привели его к разорению. Единственным спасением для семьи мог быть удачный брак красивой дочери. Мать на коленях умолила дочь пожертвовать собой для семьи. Вскоре Екатерина Буткевич вышла замуж за семидесятилетнего гр. Стройновского. Его внучка была ровесницей невесте, но граф владел крупным состоянием. Их венчали поблизости родного дома невесты, у Покрова, в той самой церкви, где Пушкин встречал ее впоследствии.

Стройновский купил для своей юной жены, недалеко от дома Буткевичей, небольшой особняк, ныне стоящий на Фонтанке под № 167. Дом свой он украсил прекрасно подобранной картинной галлереей, привезенными из Италии статуями Кановы. В первую зиму после свадьбы Стройновский вывез свою жену в свет. Первый контрданс на балу графиня танцовала с Александром I, а затем от нее весь вечер не отходил известный красавец Чернышев, впоследствии светлейший князь и фаворит Николая I. Но этот столь блестящий первый выезд оказался и последним для юной графини. По воле мужа, она стала пленницей в своем роскошном доме, двери которого закрылись для посторонних глаз. Грустной чередой потекли ее дни. Не внесло отрады и рождение в 1823 г. дочери, с первых дней жизни носившей яркий отпечаток старческой дряхлости.

Жизнь в золотой клетке закончилась неожиданной катастрофой.

Состоя членом высшего судебного органа—Сената, Стройновский счел возможным заниматься в Сенате ведением судебных дел частных лиц. При проигрыше им одного такого дела обнаружилось, что он совмещал обязанности судьи и адвоката. Действительный тайный советник граф Стройновский был немедленно уволен со службы. Ему пришлось при этом уплатить своему бывшему доверителю миллионную сумму, что повлекло за собой полное разорение Стройновского. Он должен был продать свой дом на Фонтанке, со всеми его ценностями, и переехать в деревню, где он вскоре и умер в 1835 году [12]. Через год его молодая вдова вышла замуж за генерала Зурова.

Дом же, в котором она жила еще со Стройновским, сохранился до наших дней. Это небольшое трехэтажное здание в 11 окон простояло без изменений до 1888 года [13]. Его новый владелец, купец Карякин, увеличил окна третьего этажа, уничтожил старый карниз и украсил вход целующимися амурами, „отделав", как гласят документы, дом. Такова судьба этого дома, где протекла печальная молодость той, которая олицетворила собой трогательный образ пушкинской Татьяны.

Как было сказано выше, тут же, на Фонтанке, стоял дом, где Екатерина Буткевич провела свою юность. По смерти ее отца этот дом перешел к его вдове, „генерал-лейтенантше Буткевичевой". Впоследствии им владели ее наследники и в царствование Александра II он принадлежал ее внуку Зурову, владевшему домом еще в начале XX века. Так простоял, без особых изменений, этот дом до 1911 г.,

когда вдове ротмистра Кудрявцевой, его следующей владелице, было разрешено выстроить новый дом. Она построила на свободном по фасаду набережной Фонтанки месте многоэтажное здание и, надстроив старый дом Буткевичей, объединила все в одно новое громадное здание. Но и теперь с правой стороны, здесь видна инкорпорированная трехэтажная постройка. Это единственные сохранившиеся до нас следы дома Буткевичей.

Ближайшим соседом их и постоянным посетителем являлся генерал гр. Ивелич, владевший домом рядом по набережной Фонтанки (ныне № 197). Его старшая дочь, Екатерина Марковна, чрезвычайно некрасивая девица, отличалась замечательным остроумием. Ее эпиграммы ранили подобно ядовитым стрелам. Она была в доброй дружбе со своими соседями Пушкиными, называвшими ее „милой кузиной“ и „добрейшей нашей графинюшкой“. Частым гостем дома Ивеличей бывал и А. С. Пушкин, состоявший с Екатериной Марковной в дружественной переписке.

После Ивеличей домом этим владели последовательно генерал-штаб-доктор Гаевский и жена генерал-лейтенанта Арбузова. Но старая Коломна осталась близка сердцу бывшей графини Стройновской и она купила вскоре этот дом, стоявший рядом с тем, где она провела свое печальное детство [14]. Однако участок под № 197 по Фонтанке является теперь пустопорожним местом—стоявший тут старый дом недавно снесен.

Говоря об этих трех домах Буткевичей, Ивеличей и Стройновских, хозяева которых были связаны

между собой дружбой и родственными отношениями, нельзя не упомянуть неизменного посетителя этих домов, капитана Мерлини. Он жил тут же на Фонтанке, против Буткевичей, в собственном маленьком деревянном доме. Откуда был родом этот капитан и точно ли был он Мерлини; об этом никто не знал, да и не заботился. Прошлое Мерлини было покрыто тайной. В настоящем же он владел деревянным домиком и четверкой лошадей, беспрестанно развозивших его по городу. Составленное капитаном подробное расписание всех знакомых домов указывало точно, где ему надлежит завтракать, обедать и ужинать. Апломб у него был при этом изумительный. В продолжении двух десятков лет он аккуратно являлся два раза в неделю к Буткевичам. Всякий раз он протягивал Буткевичу руку и, в ответ на этот жест, Буткевич неизменно засовывал свои руки в карманы. Ивелич, при визите к нему Мерлини, осыпал его ужасной бранью, чуть ли не бил его, но эти „недоразумения“ не могли изменить приятной улыбки Мерлини, а тем более нарушить расписание его дня и отличный аппетит.

Однако, раз в год Мерлини давал обед всем своим кормильцам. И тогда вся Фонтанка, чуть не до Египетского моста, была запружена экипажами. Амфитриона приветствовали, чествовали. А на утро Мерлини отправлялся в свой обычный путь.

В своем столь ценном описании художественных красот Петербурга, В. Я. Курбатов, относительно трех старинных домов у Семеновского моста на Фонтанке (№№ 97, 99 и 101), лишь вскользь отметил, что это—„дома конца XVIII века, за ними же

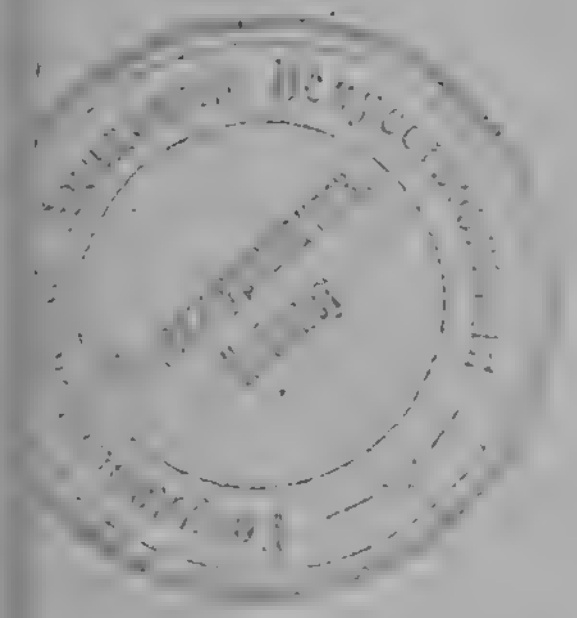
остатки знаменитой Вяземской лавры“ [15]. Между тем, эти три дома, свидетели далекого прошлого, связаны с людьми и событиями, не прошедшими бесследно.

Громадное место это, включавшее четыре нынешних участка по Фонтанке и тянувшееся вглубь до самой Сенной пл., приналежало в конце XVIII века известной Агафоклее Александровне Полторацкой. С ее портрета, работы Левицкого, смотрит на нас ослепительная красавица, с мягкой улыбкой на устах. Кто бы узнал в этом чарующем образе знаменитую своей жестокостью тиранку „Полторачиху“?

Муж ее, попавший когда-то в Петербург из Украины благодаря прекрасному голосу, получил должность „уставщика певческой капеллы“, то-есть ее директора. Его второй женой и была „Полторачиха“, так широко прославившая его имя. Ее исключительная энергия способствовала тому, что к концу жизни состояние Полторацкой исчисляли в 13 тыс. душ. Одинаково жестокая и с крепостными и со своими детьми, она приказала однажды высечь провинившегося пред нею сына-офицера. Интересно отметить, что эта женщина, столь самодержавно правившая своими поместьями, в то же время никогда ничего сама не подписывала, держа для этого особого секретаря. Объяснялось это составленным ею в молодости подложным завещанием, из-за которого Полторацкая чуть не попала под суд. Замяв дело, она дала зарок никогда не брать пера в руки и выполнила его так добросовестно, что не только чужие, но и все домашние считали ее неграмотной.

Полторацкая умерла в 1822 г., но еще задолго до смерти она была однажды опрокинута вместе

Дом А. Н. Оленина на Фонтанке, ныне № 101.



с экипажем и так изувечена, что „все кости ее были поломаны в куски и болтались, как орехи в мешке". Прикованная навсегда к постели, она все же продолжала самостоятельно распоряжаться своими имениями. Почувствовав приближение смерти и жестоко страдая, она приказала собрать в большом зале ее дома, близ Торжка, всю округу. Здесь, при большом стечении крестьян и соседей, неукротимая „Полторачиха" во всеуслышание покаялась в своих прегрешениях, произведя этим сильнейшее впечатление на присутствующих.

Принадлежавшие ей упомянутые участки на Фонтанке розданы были ею в приданое дочерям, в замужестве Мертваго, Сухаревой и Олениной [16]. Чрезвычайно схожие между собой постройки отличались друг от друга лишь раскраской. Дом Мертваго, ныне № 99, с большим фронтоном и колоннами, поддерживающими балкон (колонны добавлены впоследствии), был выкрашен тогда в палевый цвет. Приносивший не много дохода, он был продан Мертваго купеческой жене Зверковой всего за 35000 рублей [17].

Другая дочь Полтаратцкой, Елизавета Марковна, в 1790 г. вышла замуж за Алексея Николаевича Оленина, впоследствии президента Академии Художеств и директора Публичной библиотеки. Олениной принадлежали в начале XIX века два дома на набережной Фонтанки. Первый (ныне № 97) вскоре перешел к старшей дочери Олениных, Варваре, вышедшей замуж за своего дальнего родственника Г. Н. Оленина.

Старики же Оленины жили через дом отсюда, в здании, стоящем ныне по набережной Фонтанки

под № 101. Надо заметить, что в первые годы XIX века, Оленин, тогда еще управляющий юнкерской школой при Сенате, жил тут во дворе, в специально построенном им для себя отдельном флигеле. Греч вспоминает в своих записках это здание, украшенное итальянскими окнами, куда вела тесная лестница с „забегами". Впоследствии Оленины перешли в лицевой флигель участка, так прославившийся своим гостеприимством [18].

Оленин, человек всесторонне образованный, тонкий ценитель искусства, по выражению Аксакова, „как старший брат", собирал вокруг себя русские таланты. Его радушный дом долгое время служил приютом литераторам и художникам того времени. Но и чиновный Петербург любил посещать гостиную этого влиятельного сановника, прозванного Александром I—тысячеискусником, „Tausendkünstler".

Ранней весной 1819 г. у Олениных собрались гости. В зале, близ дверей, стоял хозяин, маленький человек, с большими торчащими ушами. Его хитрые глазки с особым умилением останавливались на гостях, мундиры которых были украшены звездами. А таких здесь было не мало. У окна оживленно беседовала группа блестящих гвардейцев. В углу сидел Пушкин со скучающим видом слушавший Крылова, нараспев читавшего молодежи какую-то басню. Из столовой выбежали две девочки. Меньшая, черноглазая, подбежала к Пушкину.—„Пушкин,—закричала она,—скорей! Начинают фанты". Двадцатилетний Пушкин с досадой отвернулся от девочки. Эта была Аннет Оленина, которой десять лет спустя Пушкин делал предложение, но получил отказ.

В этот момент его внимание внезапно привлекла

показавшаяся в дверях гостиной молодая дама ослепительной красоты. „Трогательная томность“ чувствовалась в ее улыбке, в ее доверчивых, прекрасных глазах. „Кто это?“—спросил Пушкин у сопровождавшего даму своего приятеля Александра Полторацкого.—„Это Аннет Керн, моя кузина“,—отвечал тот. Пушкин не спускал больше с нее глаз. Вскоре стали играть в фанты и Керн приняла участие в игре; в круг играющих вошел тогда и Пушкин. Керн по ходу игры оказалась Клеопатрой. Когда, сияя своей красотой, она, в сопровождении своего кузена, проходила мимо Пушкина, держа в руках корзину с цветами, он ядовито бросил Полторацкому: „Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?“—Во время ужина Пушкин сидел, как зачарованный. Юная красавица сразу властно овладела его пылким воображением.—Настало время разъезжаться. В последний раз перед Пушкиным мелькнул в окне кареты тонкий профиль... и он остался один на опустевшей набережной.

Прошли годы и потускнел в душе поэта образ прекрасной гостьи олонинского дома. Но случай соединил их снова в глуши Псковской губернии и вновь зажглось ярким пламенем в душе поэта угаснувшее чувство.

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Такой явилась она впервые пред взором поэта в доме Олениных на Фонтанке. Такой обессмертил он ее в своих несравненных стихах.

Но дом на Фонтанке, где впервые встретились Пушкин и Керн, уже тогда не принадлежал больше Олениным. Крупные расходы, вызывавшиеся его содержанием, а главным образом общее расстройство дел, заставили Олениных продать этот дом и переехать на Мойку, к Красному мосту. 27 апреля 1823 г. в „СПБ. Ведомостях“ появилось уже объявление о сдаче в наем этого „бывшего оленинского дома“. Его новым владельцем явилась Серафима Ивановна Штерич. Внешне тут мало что изменилось. Многие из тех, кто посещал когда-то Олениных, были теперь гостями Штерич. Здесь бывала и А. П. Керн, поселившаяся даже в доме Штерич весной 1827 г. Известный А. В. Никитенко, наставник сына Штерич, так описал свою встречу с Пушкиным у Керн: „Это человек небольшого роста,—записал Никитенко,—на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем, до самых глаз, выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи—прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные сил и чувства“.

Но в стенах бывшего оленинского дома появились и новые лица. Часть дома, с начала 1829 г., заняло здесь правление Петербургского университета с его канцелярией *. И на лестнице дома встречались теперь сгорбленные фигуры профессоров

* Студенческие аудитории, учебные кабинеты, музеи, камеры для казенных студентов и т. д. помещались тогда на Кабинетской ул. в длинном двухэтажном здании, впоследствии занятом синодальным подворьем.

в потертых виц-мундирах, раздавались и звонкие голоса студентов. Тут же помещалась квартира ректора университета Дегурова. К удивлению являвшихся на прием к нему студентов, ректор обращался к пришедшим по французски. Объяснялось это тем, что Дегуров (du Gour) не знал русского языка [19].

С предоставлением университету в конце 30-х годов помещения бывших 12-ти коллегий на Васильевском острове, правление университета оставило бывший оленинский дом. Потом умерла хозяйка дома, С. И. Штерич, и в управление оставшимся имуществом вступила ее внучка, Мария Алексеевна.

С новой владелицей дома связано имя Лермонтова. Мария Алексеевна Штерич была замужем за кн. Щербатовым, но скоро осталась вдовой. Это была одна из образованнейших и интереснейших женщин Петербурга 40-х годов. Увлеченный Щербатовой поэт, описывая ее красоту своему приятелю Шан-Гирею, выразился, что она „такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать“ *. Лермонтов посвятил Щербатовой свое известное стихотворение „На светские цепи“:

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

---

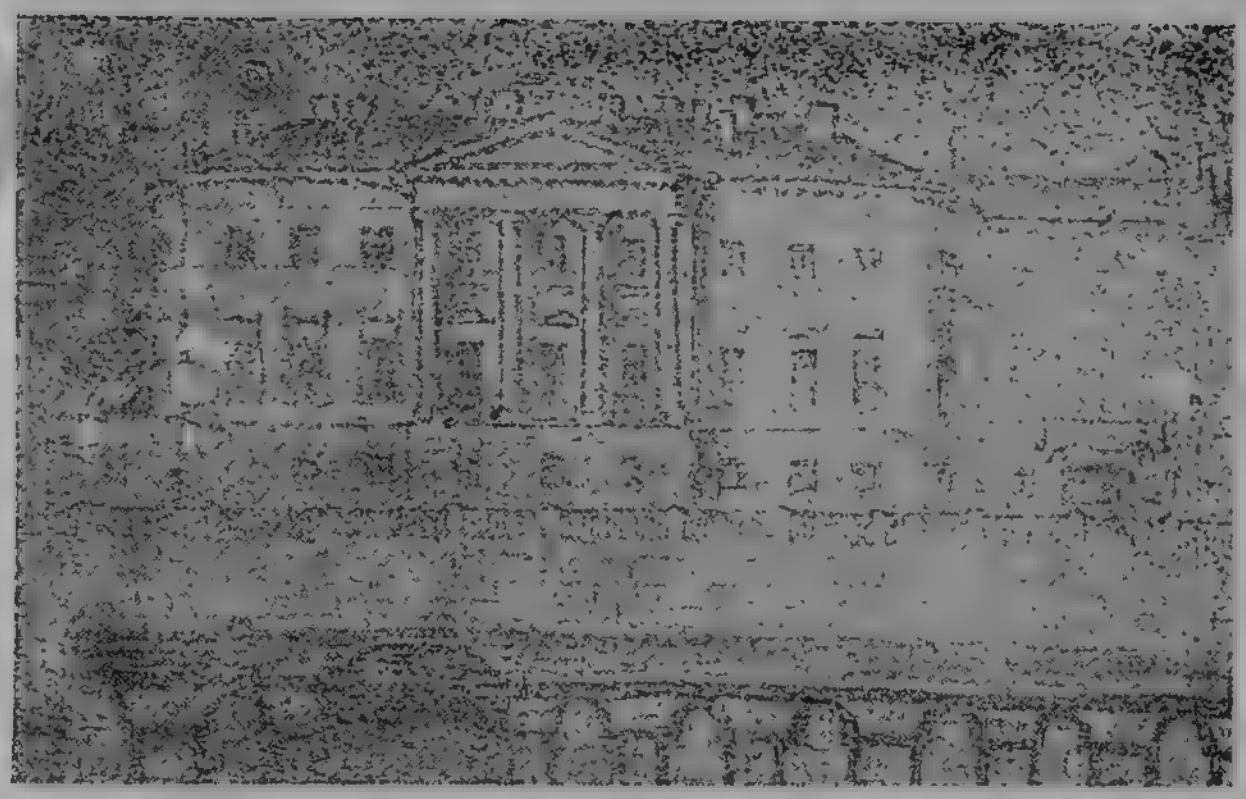
* Досужие языки передавали даже в городе, что Лермонтов был женихом Щербатовой, но, избегая уз брака, на коленях будто бы просил свою бабушку, старую Е. Арсеньеву, не разрешать этого брака.

На Щербатову им также написана была известная эпиграмма:

Ах как мила моя княгиня!
За ней волочится француз...

Этот „француз“ был сын французского посланника де-Барант, с которым у поэта произошел из-за Щербатовой поединок, повлекший ссылку Лермонтова на Кавказ. А год спустя, на другой дуэли, решилась, наконец, судьба мятежного поэта. Щербатова же вскоре вышла замуж за генерала Лутковского, продолжая владеть своим домом до конца 50-х годов.

Связанный с именами Керн и Щербатовой, воскрешающий в памяти образы двух величайших наших поэтов, дом этот и поныне стоит на Фонтанке.



Дом Голицына на Фонтанке, ныне № 20.
Здесь жили А. И. и Н. И. Тургеневы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

От сожженой Пушкиным десятой главы „Евгения Онегина“ дошло до нас, как известно, немного строк. Среди них сохранилось случайно несколько отрывочных слов, посвященных людям, связавшим свои имена с декабрьскими событиями 1825 г. Вспоминая их, поэт сказал:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Свидетелем этих собраний Тайного Общества у „беспокойного“ Никиты Муравьева является дом № 25 по набережной Фонтанки.

Здание это было выстроено в последние годы XVIII века купцом Андреем Кружевниковым и было приобретено от него Катериной Федоровной Муравьевой, матерью декабриста, в октябре 1814 г. [20], вскоре после ее переезда, после смерти мужа, из Москвы, где этот известный писатель занимал должность попечителя учебного округа. Отделав свой дом, Муравьева широко раскрыла его двери многочисленным друзьям и родным. По воскресеньям здесь бывали семейные обеды и случалось, что за стол садилось до семидесяти человек. Тут бывали и почтенные сенаторы и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы—и все это были лишь родственники, близкие и дальние.

Летом все эти друзья собирались у Муравьевой на каменноостровской даче, впоследствии принадлежавшей купцу Утину.

Среди лиц, подолгу проживавших в этом гостеприимном доме на Фонтанке, надо отметить известного поэта Константина Батюшкова, племянника Михаила Никитича Муравьева В одном своем стихотворении Батюшков вспоминал свое пребывание в этом доме летом 1814 г., по возвращении из похода:

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете.

Но этот дом на Фонтанке, видевший поэта в лучшие дни его жизни, раскрыл перед ним свои двери и в печальный май месяц 1823 г., когда Батюшков, потеряв рассудок (это была наследственная фамильная болезнь), был привезен в тяжелом состоянии к Катерине Федоровне, принявшей его с материнской нежностью. Относившийся к ней, в свои светлые дни, с сыновней преданностью, больной Батюшков ее возненавидел, как возненавидел и дичился всех своих друзей. Для него пришлось нанять особую дачу (Аллера) на Черной речке, где Батюшков и любил гулять в одиночестве по небольшому садику.

Очевидно, тесная дружба, в свое время, с поэтом привела в дом Муравьевой известного художника Кипренского, о портретах которого Батюшков сказал, что они полны такой жизни и истины, что „им не достает лишь речи". Но недолго, на свое несчастье, прожил „несравненный Орест" в гостеприимном доме Муравьевой [21]. Злой рок судил ему оставить Петербург для осуществления давно лелеянной мечты—поездки в Рим. Там, окруженный посредственными художниками, он стал рисовать, по совету новых друзей, сухие пейзажи, слащавых и приторных „девочек с плодами", бесконечных „Аполлонов". — Целая бездна отделила навсегда новые произведения Кипренского от прекрасных образцов его прежнего творчества, с такой легкостью рождавшихся когда-то под его вдохновенной кистью в доме Муравьевой на Фонтанке.

Из других представителей русского искусства, проживавших одновременно с Кипренским в этом доме, надо упомянуть известнейшего гравера Ут-

кина [22]. Он был побочным сыном Михаила Никитича Муравьева, но дом Катерины Федоровны стал ему родным кровом и ее сыновья, будущие декабристы, любили художника, как родного брата.

Наконец, нельзя забыть, что этот дом на Фонтанке связан также с именем выдающегося русского писателя и историка Н. М. Карамзина, долго здесь жившего.

Еще Михаил Никитич Муравьев верно оценил всю важность научной работы Карамзина и добился для него доступа к тем драгоценным материалам, из которых создалась „История государства российского“. При переезде Карамзина из Москвы в Петербург, в феврале 1816 г., он сначала остановился на короткое время в помещении, приготовленном для него Катериной Федоровной в ее доме. Когда же осенью 1818 г. тут освободился верхний этаж, Карамзины совсем переехали туда. Прожил здесь историк пять лет, выехав отсюда в 1823 г. на Моховую ул., в дом Мижуева.

Оставил Карамзин этот дом с грустью—узы тесной дружбы соединяли его с Муравьевой, но занимаемые им комнаты понадобились для старшего сына Катерины Федоровны—Никиты Михайловича. Годы шли, ее сыновья—Никита и Александр кончили ученье и оба состояли уже на военной службе. Никита собирался жениться на А. Г. Чернышевой (сестре декабриста) и освобождавшийся за выездом Карамзина третий этаж предназначался молодым. Тут вскоре у Никиты Муравьева стал собираться особый кружок. В нем участвовали будущие декабристы; Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Лунин, Николай Тургенев, Бригген и Мить-

ков. Здесь в свой приезд в Петербург бывал и Пестель, всегда горячо споривший с Муравьевым. Тот очередною задачею ставил конституцию, Пестель же был приверженцем республики, но с единой и сильной властью. Противоположные взгляды разделяли также молодого Муравьева и Карамзина. Тут часто происходили резкие столкновения между историком и „либералистами“ [23]. Карамзин в своем посвятительном письме сказал: „История принадлежит царю“. Муравьев начал свою записку словами: „История принадлежит народам“.

Вскоре настали декабрьские дни, произошли известные события. Страшный удар разразился над семьей Муравьевых. Никита был присужден к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой, а Александр—к двенадцати годам каторжных работ. Множество их родственников оказались причастными к декабрьскому возмущению—Сергей, Матвей и Ипполит Муравьевы-Апостолы, Артамон Муравьев и Александр Ник. Муравьев—ведь это была такая большая семья. Из них Ипполит застрелился после неудачного восстания Черниговского полка на юге, Сергей повешен на кронверке Петропавловской крепости, а остальные сосланы в Сибирь.

Катерина Федоровна чуть не сошла с ума от горя и целые дни и ночи молилась. От долгого стояния на коленях у нее образовались такие мозоли, что она не могла ходить, а от вечных слез она совсем ослепла. Чтобы быть ближе к своим сыновьям, томившимся в Сибири, она переехала в Москву, продав свой дом на Фонтанке [24]. Своими постоянными хлопотами и просьбами она больше всех других матерей и жен декабристов не давала

Николаю I возможности забыть его „друзей 14 декабря“. И отправляя в Сибирь своим сыновьям целые обозы с продовольствием, вещами и книгами, она много, через них, помогала и другим ссыльным.

Ей не удалось никогда больше увидеть своих сыновей и она имела несчастье пережить смерть Никиты, скончавшегося в 1843 г., в Сибири. Оставленный у бабки сын Никиты, после отъезда его матери к сосланному мужу, через год умер. А дочери, лишенные забот матери, тяжко хворали. Одна из них умерла совсем юной, другая не вынесла тяжкого горя, висевшего над их осиротевшим домом, почти монашеского затворничества с ослепшей, убитой горем бабкой, тоски и ожидания свидания с любимой матерью, и сошла с ума. Наконец, в 1848 г. сошла в могилу прежняя хозяйка этого дома, два десятка лет томившаяся в страданиях за судьбу своих близких.

Но дом, где создавалась Никитой Муравьевым „Русская конституция“, стоит и по ныне на Фонтанке, близ проспекта 25 октября. Это небольшой, окрашенный коричневой краской, трехэтажный дом, увенчанный скромным фронтоном. Типичная постройка, хороших форм, XVIII века, она за свое почти полуторавековое существование не подверглась снаружи никаким изменениям. Зато за истекшее время значительно пострадала внутренняя отделка дома. Все же кое-где там и поныне уцелели интересные старинные переходы и красивые розетки и сухарики на карнизах, скромные свидетели дней „беспокойного“ Никиты и его бурных споров с друзьями.

Стоящий тут же на Фонтанке, недалеко от дома Муравьевой, по другую сторону реки, дом № 16 по набережной принадлежал, в начале XIX века, канцлеру И. А. Остерману. Об этом государственном деятеле Безбородко сказал: „Беда была, когда за руль брался—худо правил". Здание это, проданное канцлером в 1806 г. военно-сиротскому дому [25], перешло впоследствии к В. П. Кочубею, окончившему свою, богатую почестями, карьеру на посту председателя Государственного совета. Пушкин в своем дневнике назвал Кочубея „ничтожным человеком".—„Но такова бедность России в государственных людях,—прибавил он,—что и Кочубея некем заменить".

Увеличивший свое состояние, по словам Вигеля, с двух до двадцати тысяч крестьян различными операциями, связанными с именами известных банкиров Перетца и Штиглица, Кочубей жил широко, устраивая вечера и любительские спектакли. На масляницу 1827 г. здесь был разыгран, на итальянском языке, „Дон-Жуан", при чем все роли исполнялись мужчинами. М. И. Глинка в белом пудермантеле, в парике, с распущенными волосами, прекрасным контральто спел партию Донны Анны [26].

У Кочубея был очередной бал. Гремела музыка. Кареты подвозили гостей. Внезапно в конце Фонтанки показался мчавшийся вскачь от Невы длинный поезд кибиток, замыкаемый жандармами. Некоторые из сидящих были в кандалах.—Это отправляли в Сибирь партию участников декабрьского восстания. Кибитки неожиданно остановились.—Кареты кочубеевских гостей преградили им путь. На одно мгновенье яркие огни бального зала осветили бледные лица и печальный поезд исчез во тьме ночи.

Долго потом в ссылке вспоминали осужденные ту минуту, когда на их пути случайно мелькнуло видение блестящего бала [27]. Молодой поэт А. И. Одоевский посвятил этому воспоминанию свое прекрасное стихотворение „Бал“, заканчивавшееся словами:

Глаза мои в толпе терялись:
Я никого не видел в ней;
Все были сходны, все смешались:
Плясало сборище костей.*

Одной из интереснейших фигур на приемах Кочубеев была старая Наталия Кирилловна Загряжская, неизменно восседавшая там в глубоких креслах. В своем высоком чепце, закутанная в шаль, она напоминала, по словам Вяземского, „старые семейные портреты, писанные кистью великих художников“ [28]. Это была тетка хозяйки дома, занимавшая у Кочубеев в нижнем этаже несколько комнат на набережную и державшая хозяев дома в строгом повиновении. Загряжская до глубокой старости живо всем интересовалась, щедро помогала бедным и постоянно хлопотала за других, не терпя отказа в своих просьбах. Сам Николай I побаивался ее.—„Хочется мне заехать к Кочубеям,—передавал его слова С. М. Голицын,—какое бы было

* Герцен записал в „Былом и думах“: „Быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплые слова о родных, друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь взяты. Напротив, являлись фанатики рабства, одни из подлости, а другие хуже—бескорыстно“.

время поудобнее, а то Наталья Кирилловна меня, пожалуй, встретит".

У Загряжской было много причуд, не мешавших, однако, окружающим ее любить. Так, например, Наталья Кирилловна все боялась смерти.—„А ты знаешь,—сказала она однажды Кочубею,—вот Александровская-то колонна ничем не прикреплена, так и стоит. Я кучеру своему запретила ездить мимо, неравно повалится и задавит..."—Ей было в то время около 90 лет[29].

Частым гостем Загряжской был А. С. Пушкин, женатый на ее внучатной племяннице. Высоко ценивший беседы Наталии Кирилловны, он, по словам Вяземского, „ловил в ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли... Некоторые драгоценные частички этих бесед им сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатым".

Старая Загряжская пережила Пушкина, скончавшись несколько месяцев после смерти поэта. А вскоре, в 1838 г., кочубеевский дом был продан казне. Сюда, к Цепному мосту, на Фонтанку, перешли с Мойки III Отделение Собственной его величества канцелярии и Штаб отдельного корпуса жандармов, прославившие навсегда этот—

Большой довольно, белый дом,
Своим известный праведным судом.

В 30-х годах, как об этом будет сказано в своем месте, III Отделение помещалось на Мойке, в доме Таля. Поэтому дальнейшая история кочубеевского дома выходит из намеченных в настоящей

работе рамок. Нельзя, однако, здесь не отметить, что с этим домом на Фонтанке, в особенности с его надворными строениями, пришлось ознакомиться впоследствии ряду наших революционеров. Там для содержания заключенных были устроены специальные, снабженные решетками, камеры, куда попадали с Пантелеймоновской, через особые ворота.

Вот картина приема тут Бенкендорфом просителей в 1840 г., описанная Герценом.—„Мрачно и озабоченно стояли они у стены, вздрагивали при каждом шуме, жались еще больше и кланялись всем проходящим адъютантам... Наконец, двери отворились нараспашку и вошел Бенкендорф... Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво-добрый взгляд... Он мало говорил с просителями, брал просьбу, бросал на нее взгляд, потом отдавал ее Дубельту, прекращая замечания просителя грациозно-снисходительной улыбкой. Месяцы целые эти люди обдумывали и приготовлялись к этому свиданию, от которого зависит честь, состояние, семья; сколько труда, усилий было употреблено ими прежде, чем их приняли, сколько раз стучались они в запертую дверь, отгоняемые жандармами или швейцаром. И как должно быть щемящи, велики нужды, которые привели их к начальнику тайной полиции; ведь предварительно были исчерпаны все законные пути... Когда Бенкендорф подошел к старику с медалями, тот стал на колени и вымолвил: „Ваше сиятельство, войдите в мое положение“.—„Что за мерзость,—закричал граф,—вы позорите ваши медали“ и, полный благородного негодования, он прошел мимо, не взяв его просьбы. Старик тихо поднялся, его стеклянный взгляд выражал ужас и по-

мешательство, нижняя губа дрожала, он что-то лепетал"...

После смерти Бенкендорфа, на смену ему явился Алексей Орлов, человек вспыльчивый и крутой. Среди запуганных обывателей стали ходить слухи о специально устроенных в кабинете Орлова креслах, опускавшихся под пол, вместе с провинившимися, получавшими тут же ощутительное возмездие за свои вины. При этом, однако, ни они не видели исполнителей этого „веского нравоучения", ни те не видели своих жертв[30]. Когда за пропуск одной „вредной" книжки, в III Отделение к Орлову был вызван цензор Крылов, шеф жандармов любезно принял его, сказав: „Садитесь, сделайте одолжение, поговорим".—„А я,—рассказывал Крылов,—стою ни жив, ни мертв и думаю себе: что тут делать: не сесть—нельзя, коли приглашает, а сядь у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь..." Орлов снова приглашает и указывает на стоящее возле него кресло.—„Вот,—продолжает Крылов,—я потихоньку и осторожно сажусь себе на самый краешек кресла. Вся душа ушла в пятки. Вот-вот и жду, что у меня под сиденьем подушка опустится и—известно что... Что уж он мне там говорил, я от страха и трепета забыл. Слава богу, однако же, дело тем и кончилось".

Если так трепетал перед III Отделением профессор и декан Московского университета, то можно себе представить страх простого обывателя.

Ничто не изменилось в этом доме и при преемниках Орлова. Во времена шефства Тимашева по рукам ходили стихи, пародировавшие беседу двух русских столиц. В них говорилось:

У царя у нашего
Верных слуг довольно,
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно;
Влепят в наказание
Так ударов до ста,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

Москва на эти слова Петербурга отвечала:

У царя у нашего все так политично,
Что и без Тимашева высекут отлично,
И к чему тут здание у Цепного моста,
Выйдет приказание, выдерут и просто.

Когда III Отделение, наконец, было уничтожено, особняк на Фонтанке был отведен под квартиру министра внутренних дел. И в тех комнатах, где некогда Пушкин и старая Загряжская вели свои проникновенные беседы, теперь министр Д. Сипягин принимал посетителей.

Только один дом отделяет бывшее III Отделение от красивого барского особняка, занятого в настоящее время Государственным Книжным Фондом (Фонтанка, № 20).

Старый дом этот, с немного утоненными колоннами (какими массивными, по сравнению с ними, кажутся колонны рядом стоящего дома № 18, одного из лучших домов по Фонтанке), несколько раз переделывался и, конечно, утратил свою первоначальную архитектуру, после появления по обеим сторонам фасада пристроек. Следует, однако, отметить, что правая пристройка его произведена в первые годы существования здания и вновь тогда образованный проезд, со стороны двора, даже архитектурно небезъинтересен.

В начале XIX века этот казенный дом был отдан приближенному Александра I, А. Голицыну.

Обер-прокурор Синода и министр народного просвещения, он ставил себе задачей искоренение „вольнодумства, безбожия и своеволия революционной необузданности“. Переехав на Фонтанку в 1812 году, Голицын тотчас же приступил к переделке дома [31]. Вскоре в верхнем этаже дома, окнами на Фонтанку, поселился в казенной квартире любимец Голицына, Александр Иванович Тургенев, директор департамента духовных исповеданий. Благодаря этому, ближайший друг Тургенева, Пушкин, в переписке с ним, титуловал его „преосвященством“ и всегда „препоручал себя“ его молитвам. Ему же Пушкин адресовал, при пожаловании Тургеневу камергерского звания, послание, начинавшееся словами:

В себе, все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ...

Имя А. И. Тургенева тесно связано с жизнью Пушкина. На заре сознательной жизни поэта он помог определению его в лицей. И он же, четверть века спустя, сопровождал из Петербурга в Святогорский монастырь бездыханное тело своего друга.

Тут же в доме Голицына, вместе с Александром Тургеневым, жил и его брат Николай, о котором когда-то Лагарп сказал, что он „делает честь своей нации и правилами и редким просвещением“. Квартира Тургеневых на Фонтанке служила местом встреч членов литературного кружка „Арзамас“. Здесь бывали: Жуковский, В. Л. Пушкин, Вигель, Вяземский, Батюшков, Никита Муравьев и др. Все они носили тут шутливые про-

звания: А. С. Пушкин — „Сверчка“, В. Л. Пушкин — „Вот я вас“, Вигель — „Ивикова журавля“. Александр Тургенев — „Эоловой арфы“ и т. д.

Вигель рассказывает, что тут в квартире Тургеневых Пушкин написал свою оду „Вольность“, послужившую одним из поводов к его ссылке. „Из людей, которые были его старее, — говорит Вигель, — Пушкин чаще всего посещал Тургеневых. Они жили на Фонтанке, против Михайловского замка, что ныне Инженерный и к ним, то-есть к меньшему, Николаю, собирались нередко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой, тогда забвению брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи. Он по матери происходил от арапа генерала Ганнибала, и гибкостью членов, быстротою телодвижений несколько походил на негров и человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать“.

Так, по рассказу Вигеля, родились тут под пером Пушкина известные стихи:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...

Из двух братьев—Александр Тургенев был очень общителен. Он всюду бывал и всех знал. По утрам у него на Фонтанке начинался, по словам А. Я. Булгакова, „волшебный фонарь или кукольная ко-

медия: то один, то другой, то поп, то солдат, то нищий, то мамзель". В противоположность ему, его брат Николай был замкнут и малодоступен. Этому своему другу Пушкин посвятил несколько строк в десятой (сожженной) главе „Евгения Онегина":

Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, слово „рабство" ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Один из виднейших, как теперь установлено, членов Тайного Общества, принадлежавший к числу его идейных руководителей, Николай Тургенев в период декабрьских событий 1825 г. случайно оказался заграницей, где он лечился. Обвиненный в том, что „участвовал в умысле ввести Республиканское Правление и удалясь заграницу, по призыву Правительства, к оправданию не явился", Тургенев был заочно присужден к вечным каторжным работам. Требования у Англии его выдачи оказались безуспешными. Только тридцать лет спустя смерть Николая I позволила Тургеневу увидеть родину...

Много шуток вызывало у молодых „вольнодумцев", собиравшихся у Тургеневых, церковное пение, доносившееся из домовой церкви Голицына. Она была устроена князем в 1812 г. и в сооружении ее приняли участие выдающиеся русские художники. Архитектору Воронихину принадлежит общая композиция церкви и ее убранства, живопись же иконостаса вышла из-под кисти Боровиковского. На-

конец, окончательное завершение деталей церкви является работой архитектора Витберга.*

Совершенно темный притвор соединявшийся с церковью лестницей из семи ступеней, должен был как бы символизировать духовную тьму павшего человека. Такой же скрытый, мистический характер был придан Витбергом каждой детали храма [32]. Рядом с ним была устроена личная молельня Голицына. Это были две маленькие комнатки, совершенно темные, с наглухо заложенными окнами, чтобы туда не проникал ни один посторонний звук. Посредине стояло подобие гроба, покрытое плащаницей. Молельня освещалась лампадой из пунцового стекла, сделанной в виде человеческого сердца. Это кровавое сердце казалось раскаленным и жутко светило в темноте. Здесь, вместе с Голицыным, часто молился Александр I.

Неудивительно, что про эту церковь, ставшую известной всему городу, сложились легенды. Одна из них гласила, что тут у Голицына, под руководством некоего старца Федора, происходили хлыстовские радения. Когда же Голицын случайно обнаружил, что святой старец является на самом деле орудием какого-то тайного политического сообщества, то старца будто бы завлекли в вырытую ночью перед домом глубокую яму, где и засыпали живого землею. Эти слухи не мешали, однако, высшему петербургскому обществу и крупному чиновному миру собираться к обедне в голицынской церкви. Так,

---

* Красоту этой церкви воспел Державин.—Сочинения Державина под редакцией Я. Грота, т. III, стр. 128. Кисти художника Тыранова принадлежит картина „Внутренность церкви А. Н. Голицына". — „Северная Пчела" от 20 апреля 1839 г.

сюда неуклонно являлись известные обскуранты Магницкий и Красовский, в надежде привлечь усердными поклонами внимание могущественного министра.

5 февраля 1837 г., несколько дней спустя после смерти Пушкина, в эту церковь приезжала молиться Наталья Николаевна [33]. И кто знает в каких своих грехах она приезжала сюда каяться и о чем думала она, подымаясь по семи ступеням лестницы этого полного мистики храма.

Немного сведений сохранилось у нас о домах, связанных в Петербурге с именами декабристов. Тщетны были, в особенности, поиски зданий, служивших местожительством П. И. Пестеля, жившего, как известно, постоянно на юге и в Петербурге бывавшего лишь наездами. При посещениях столицы он останавливался, как об этом будет сказано в своем месте, в Демутовом трактире. Но имеются указания, что он проживал в Петербурге и у своих родителей.

Где же жил здесь отец декабриста, Иван Борисович Пестель, „тиран Сибири", сибирский генерал-губернатор, правивший из Петербурга этим отдаленным краем? Греч случайно обронил в своих записках сообщение, что старик Пестель „жил на Фонтанке, насупротив Михайловского Замка, на одном крыльце с Пукаловой, любовницей Аракчеева, и через нее держался у него в милости". Прославившийся своим взяточничеством, а главное женою, Варварой Петровной, открыто торговавшей милостями Аракчеева, бывший синодский обер-секретарь Пукалов владел в Петербурге, в середине 20-х го-

дов, домом на Торговой ул. и никаких указаний на его жительство на Фонтанке обнаружить не удавалось.

Недавно, однако, мне встретилось в „СПБ. Ведомостях“ за 1821 г. (стр. 547) объявление об отъезде заграницу И. А. Пукалова из дома № 101 Литейной части. Как оказывается—это нынешний участок № 24 на Фонтанке, расположенный, как совершенно правильно указал Греч, как раз против Михайловского замка. Тут, на Фонтанке, следовательно, и жил в одном доме с Пукаловыми старик Пестель.

Но стоявший тогда на этом участке, в центре лицевой линии фасада, небольшой трехэтажный дом купеческой дочери Голашевской не сохранился до настоящего времени. В 1840 г. его надстроили одним этажем и увеличили по сторонам пристройками, превратив в огромное четырехэтажное здание. Впоследствии дом еще несколько раз переделывали.

До нас не дошло таким образом, следов жилища П. И. Пестеля, „души Тайного Общества и главнейшей пружины его действий“,—как характеризуют декабриста следственные документы. Много неясного и противоречивого хранит для нас до сих пор образ этого выдающегося человека, все еще не разгаданного. „Умный человек во всем смысле этого слова... один из самых оригинальных умов, которые я знаю“,—сказал о нем один современник. Эти слова приобретают для нас еще большее значение, если мы вспомним, что они принадлежат Пушкину.

Дом Голашевской, как сказано выше, не уцелел до нашего времени, но рядом с ним, ближе к Симе-

оновскому мосту, сохранилось от прошлого старинное эффектное здание (теперь № 26) [34]. В дни своего сооружения оно, конечно, имело несколько иной вид, так как участок Голашевской, свободный тогда еще от строений, открывал боковой фасад здания, впоследствии измененный. Дом этот, хотя и переделывавшийся за свое долгое существование, носит все же следы работы большого мастера, сумевшего построить редкое еще тогда четырехэтажное здание, хотя и доходного характера, но с тщательно разработанным фасадом, украшенным колоннадой и полукружиями, замкнутыми балконами.

Великолепное здание это сооружено в начале XIX века богатым лесопромышленником Мижуевым, вскоре по переходе к нему этого участка от купца Лыкова. Надо заметить при этом, что точное время постройки мижуевского дома неизвестно, но писатель В. А. Сологуб в своих воспоминаниях указывает, что он родился в этом доме на Фонтанке в 1814 году [35]. Очевидно к этому времени дом уже существовал. Сюда к сологубовскому подъезду днем подавалась нарядная карета, украшенная гербом, с ливрейными лакеями на запятках. Швейцар торжественно открывал дверь—выходил Сологуб (отец писателя), известный щеголь своего времени, в модной высокой шляпе и синем плаще на красном бархате,—он первый ввел в моду такие плащи.

Сологубы недолго жили в этом доме и переехали на Дворцовую наб. А в мижуевском доме поместился статс-секретариат по делам Царства Польского. Здесь жили министр и почти все чиновники его канцелярии. Когда в 1831 г. разразилась холерная эпидемия, народ обвинил в распространении болез-

ии и отравлении города—поляков. Тут на набереж-ной собирались у дома толпы народа, ждавшего лишь случая ворваться к полякам. Успокоение наступило лишь, когда выяснилось, что ни у кого из задержанных 700 подозрительных лиц не было найдено никаких ядовитых веществ. К тому же среди них не оказалось ни одного поляка [36].

Участок Мижуева другой своей стороной выходил на Моховую ул. [37] и на этой его части следует остановиться подробнее, так как тут жил когда-то Карамзин. Здесь была его последняя квартира.

Оставив, как было сказано выше, гостеприимный дом Муравьевой, Карамзин занял тут квартиру в августе 1823 г. и за небольшое помещение во втором дворе платил 5.000 рублей [38], характерное свидетельство цен того времени. „Новая городская квартира не очень мне нравится,—писал он А. Ф. Малиновскому,—однако ж чиста, тепла и суха. Жалко было только расстаться с нашей бывшей доброй хозяйкой“ [39].

Тихо текла в Петербурге жизнь Карамзина. „Живем так бережно, что никого не зовем к себе обедать“,—сообщал он приятелю. Утро историка начиналось обычно в девять часов и, после недолгой прогулки с женой, он уходил в свой кабинет [40]. Лишь в шесть часов его дверь отворялась для всех. Осторожными шажками входил Жуковский. Он усаживался в широких креслах всегда где-либо поблизости Софьи Карамзиной, старшей дочери историка, к которой он питал нежную симпатию. Шумно здоровался А. И. Тургенев, приносивший последние новости. Появлялся Дашков, церемонно раскланивался Греч. Украшением общества являлась жена

Дом Мижуева на Фонтанке, ныне № 26.
Здесь жили Н. М. Карамзин и П. А. Вяземский.

Карамзина, Катерина Андреевна, сдержанная и несколько холодная, но прекрасная, как статуя древности. „И если бы в голове язычника Фидиаса,— говорит Вигель,—могла блеснуть христианская мысль, и он захотел бы изваять мадонну, то, конечно, дал бы ей черты Карамзиной в молодости".

С гостями Карамзин оставался до 11 часов, а потом снова уходил в кабинет работать над последними томами своей „Истории". Вот воспоминания современника, вошедшего во двор мижуевского дома: „заглянул к верху—и сердце у меня забилось: вот где он пишет свою Русскую Историю" [41].

Тут в доме Мижуева были написаны Карамзиным 10-й 11-й томы. Тут они в квартире его и продавались. Тургенев писал Вяземскому 14 марта 1824 г.: „На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина „Истории". Уж 900 экземпляров в три дня продано" [42].

Так, деля свое время между семьей и любимой работой, Карамзин „допивал по каплям сладкое бытие земное". В начале 1826 г. у него внезапно открылась чахотка. Чтобы дать ему возможность дышать свежим воздухом, его перевезли в Таврический дворец. Стали готовиться к поездке в Италию. Начались сборы, приготовления... Но как сказал Фридрих II: „Люди—это муравьи. Они трудятся, строят, а садовник, внезапно вошедший в сад, ногою все разрушает". Так было и с Карамзиным.— Приготовления к отъезду оказались напрасны. 22 мая его не стало. Его похоронили с большой пышностью на Александро-Невском кладбище, где и поныне покоится его прах.

Последние десять лет своей жизни Карамзин

провел в Петербурге. Но он не любил его шума. Старая патриархальная Москва привлекала его к себе. „Там,—писал он, – я провел молодость, начал стариться, там должно мне и умереть; там земля дружелюбнее откроет мне свои недра, как старому знакомому“. Но „дань признательной России к трудам Карамзина“ длилась недолго. Уже через год после его смерти Вяземский писал: „Кто из нас положил цветок на уединенную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами души и сердца, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, как умершие...“

Сто лет прошло со смерти Карамзина, давно уже теперь совсем позабыты его работы, когда-то столь волновавшие современников их преувеличенной сентиментальностью и ревнивым патриотизмом.

В этом же доме на Моховой, связанном с именем Карамзина, жил также его близкий друг, поэт и литератор П. А. Вяземский. Его отец, умирая, поручил заботам Карамзина своего четырнадцатилетнего сына. Брак же Карамзина с сестрой Вяземского—Катериной Андреевной Колывановой, сблизил их еще теснее. „О, мой второй отец,—писал Вяземский,—любовью, делом, словом, ты был мне отческим примером и покровом“. Любящий приемный сын поселился даже впоследствии в доме Мижуева на Моховой, где все напоминало ему его „второго отца“.

Вяземский был неизменным гостем Карамзиных в годы своего пребывания в Петербурге. У них он познакомился с Пушкиным, тесная дружба с кото-

рым оборвалась только со смертью великого поэта. Вяземскому Пушкин посвятил свои известные строки:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Тут на Моховой была холостая квартира Вяземского. Когда же в октябре 1832 г. семья его переехала в Петербург, Вяземским был дан здесь вечер, на котором собрались все его литературные друзья. Тут решено было положить конец журнальной монополии Греча и Булгарина. В связи с этим возник вопрос об основании серьезного политического журнала, который отвечал бы запросам культурного русского читателя.

Поселившись с семьей в доме Баташевых на Гагаринской наб., Вяземский, уезжая в конце 1834 г. заграницу, передал свою квартиру А. С. Пушкину *.

Близость Вяземского к поэту была всем известна. Он оказался в числе тех друзей Пушкина, которым был разослан злостный анонимный пасквиль. Но вот свершилось горестное событие—Пушкина не стало. Свидетели передавали, что во время отпевания в Конюшенной церкви тела поэта, вся обширная площадь перед нею представляла сплошное море человеческих голов. Когда же, наконец, стали выносить гроб из церкви, шествие внезапно остановилось. На пути кто-то бился на земле в рыданиях. Это был Вяземский.

---

* Впоследствии Вяземский снова вернулся в дом Мижуева на Моховой ул.

Длинную жизнь прожил он, пережив Пушкина более чем на сорок лет, оказавшись „среди новых поколений“—„докучный гость, и лишний, и чужой“. Но для нас он навсегда друг юности великого поэта и, вспоминая имена Дельвига и Александра Тургенева, на память невольно приходит и имя Вяземского. Вот его завет „грядущим поколениям“:

Пусть наша память, светлой тенью
Мерцая на небе живых,
Не будет чуждой поколенью
Грядущих путников земных.

Здесь следует упомянуть еще одного пламенного друга Пушкина. Он привлек к себе недавно большое внимание вновь найденными письмами к нему поэта.

В 30-х годах, на Моховой в доме Мижуева, в ближайшем соседстве с Вяземским, жила Элиза Хитрово [43]. Любимая дочь фельдмаршала Кутузова, по первому браку Тизенгаузен, а потом вдова генерала Хитрово, она вела открытый образ жизни. Ее гостиная всегда была переполнена представителями литературы и высшего света. Эта „Лиза-голенькая“, прозванная так за сохраненную ею чуть ли не до пятидесяти лет привычку показывать свои открытые плечи, поздно просыпаясь, принимала своих близких друзей, лежа в постели. Когда гость, допущенный в спальню, собирался, поздоровавшись с хозяйкой, сесть в кресло, Хитрово останавливала его: „Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина; нет, не на этот диван, это место Жуковского; нет, не на этот стул—это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать—это место всех“ [44].

Но эта „Лиза-голенькая“ была в полном смысле слова „другом друзей своих“. По сообщению современника, в ней дружба „возвышалась до степени доблести“. Однако, как рассказывает Н. М. Смирнов, Элиза „к гению Пушкина возымела страсть и преследовала его несколько лет. Она надоела ему несказанно, но он никак не мог решиться огорчить ее, оттолкнув от себя, хотя, смеясь, бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки; но, чтобы не обидеть ее самолюбия, он не переставал часто навещать ее в приемные часы перед обедом“.

Элиза до самой кончины поэта сохранила к нему трогательную привязанность. Она защищала дорогую ей память Пушкина от злобной клеветы, сопровождавшей его имя и за гробом.

Вблизи мижуевского дома на Моховой ул., там, где теперь стоит дом под № 2?, в пушкинское время возвышался блестящий дворец, принадлежавший когда-то одному из родственников Екатерины I—Скавронскому.

Благодаря родству с всероссийской императрицей, Карл Скавронский, простой крестьянин, был пожалован графским титулом и награжден громадным состоянием. Внук этого Скавронского, Павел, был большим чудаком, помешанным на музыке и в доме его разрешалось говорить только речитативом. Благодаря своей женитьбе на племяннице всесильного Потемкина, он, всего 28 лет от роду, был назначен посланником в Неаполь (1785 г.). Его прекрасный дом на Моховой ул., с большим садом, был куплен тогда Екатериной II для принцессы Авгу-

сты Вюртемберг-Штутгардтской [45], известной своей красотой и трагической участью [46].

После женитьбы вел. кн. Павла Петровича на принцессе Вюртембергской, будущей императрице Марии Федоровне, Екатерина разрешила приехать в Россию старшему брату Марии Федоровны—принцу Фридриху-Вильгельму Вюртембергскому, женатому на принцессе Брауншвейгской. Заслужив расположение Екатерины, принцесса получила от нее прозвание „Зельмиры“ (по известной трагедии Belloy) и, вдобавок к этому,—подарок, великолепный дом Скавронских на Моховой ул. Зельмира поселилась тут со своим мужем. Жители Моховой всегда с интересом наблюдали выезд из дворца супружеской четы. Герцог был так толст, что своей необъятной фигурой заполнял все пространство кареты. Он так располнел на русских хлебах, что мог есть только за особым столом со специально сделанным для него выемом.

В своей семейной жизни супруги не обнаруживали согласия и дом на Моховой часто был свидетелем ссор августейших хозяев. После одной из них, принц, избив свою жену и вырвав даже у нее клок волос, запер ее в особой комнате. Но Зельмира сумела написать письмо Екатерине и бросила его в форточку на улицу. Будочник поднял его и оно дошло до дворца. Принца услали в Выборг генерал-губернатором, очевидно, считая его характер вполне соответствующим новым высоким обязанностям. Когда же, спустя некоторое время, Зельмира однажды бросилась перед Екатериною на колени, умоляя о защите, ей было разрешено временно поселиться в Зимнем. Желая,

однако, положить конец непрекращавшимся в городе толкам о громкой семейной истории ближайших родных ее сына, Екатерина отослала Зельмиру в замок Лоде, под Ревелем, купленный когда-то для Григория Орлова. Этим замком управлял доверенный человек Орлова, отставной генерал-лейтенант Польман [47].

Здесь вскоре свершились события, так и оставшиеся навсегда невыясненными.—21 сентября 1788 г. в Зимний дворец пришла эстафета о смерти принцессы, скончавшейся всего 24 лет от роду „от застоя кровей, что с нею и прежде бывало". Окружающие принцессу, по рассказам, слышали крики, но все происшедшее так и осталось покрытым тайной. Передавали, что Зельмира была близка с Польманом и родившийся у нее ребенок был положен в гроб вместе с матерью, повидимому убитой. Гроб принцессы был поставлен в углу местной кирки и простоял там до 1819 г., когда последовало распоряжение предать земле прах Зельмиры и расследовать все это дело. Но Польмана давно уже не было в живых и что произошло тридцать лет назад установить было невозможно.—Когда в 1887 г. чинили пол кирки и раскрыли гроб, там оказался, рядом с костями принцессы, скелет ребенка. Но в следующем году гроб этот из церкви исчез. Видимо считали необходимым уничтожить все следы этого дела.—Такова трагическая судьба Зельмиры, владетельницы указанного дома на Моховой ул.

Следующим владельцем дворца явился швейцарский выходец Рибопьер, друг Лагарпа, рекомен-

довавшего его, как передавали, в наставники к вел. кн. Александру Павловичу.

После смерти Рибопьера, его вдова, славившаяся своей красотой Аграфена Александровна, продолжала вести здесь, как и при муже, открытый образ жизни. С особенным радушием принимались тут иностранные дипломаты, между которыми Сегюр и Кобенцель были постоянными посетителями. Сыну ее, известному красавцу Александру Рибопьеру, Павел I хотел одно время оказать честь, женив его на своей фаворитке Лопухиной. Брак этот не состоялся, но Рибопьер, за якобы оскорбительные отзывы о царской фаворитке, был посажен в секретный каземат Петропавловской крепости [48], мать и сестры его были высланы из Петербурга, все имущество, в том числе дом на Моховой,—конфисковано. Рибопьеры вернулись в свой дом лишь с воцарением Александра.

После Рибопьеров домом этим владели Апраксины [49], сдававшие тут квартиры в наем. Здесь в 30-х годах, вместе со своей тещей, известной Архаровой, поселился А. Сологуб, вынужденный, после своего разорения, продать особняк на Дворцовой наб. Будущий автор „Тарантаса“, В. А. Сологуб, в своих записках вспоминал, много лет спустя, просторный бель-этаж этого дома, огромный, окружавший дом, сад и существовавшую тут тогда домовую церковь. Впоследствии, когда старики Пушкины поселились в доме Кленберга на Моховой, они посещали эту домовую апраксинскую церковь.

Тут же, в доме Апраксина, прожил свои юные годы известный акварелист Петр Соколов, впервые ознакомивший Петербург с достоинствами акварель-

ного рисунка. Покровительство хозяина дома способствовало тому, что портреты Соколова вошли тогда в моду. Переехав с Моховой на Васильевский остров, Соколов женился на дочери художника Брюлло, Юлии, сестре знаменитого Карла Брюллова. Но он не порывал связи с домом на Моховой и его хозяин, Апраксин, был на этой свадьбе посаженым отцом.

В 1837 г. бывший дом Зельмиры перешел к известному богачу, секунд-майору Ивану Акимовичу Мальцову, поселившемуся здесь со своей красавицей женой, урожденной Вышеславцевой. По первому браку она была Пушкина, жена писателя Василия Львовича Пушкина, родного брата Сергея Львовича, отца поэта. Но семейная жизнь Пушкиных сложилась неудачно. Из-за „прелюбодейной связи мужа с вольноотпущенной девкой", брак этот, по требованию жены, был расторгнут и она вышла замуж за Мальцова.

А. С. Пушкин хорошо знал новых владельцев дома, так как он бывал у них еще в Москве, в собственном их доме в Варсонофиевском пер. Поэт навещал там племяника И. А. Мальцова—С. С. Мальцова, молодого филолога, с которым, как и с его братом, И. С. Мальцовым, участником веневитинского кружка „любомудров", Пушкин был связан добрыми отношениями.

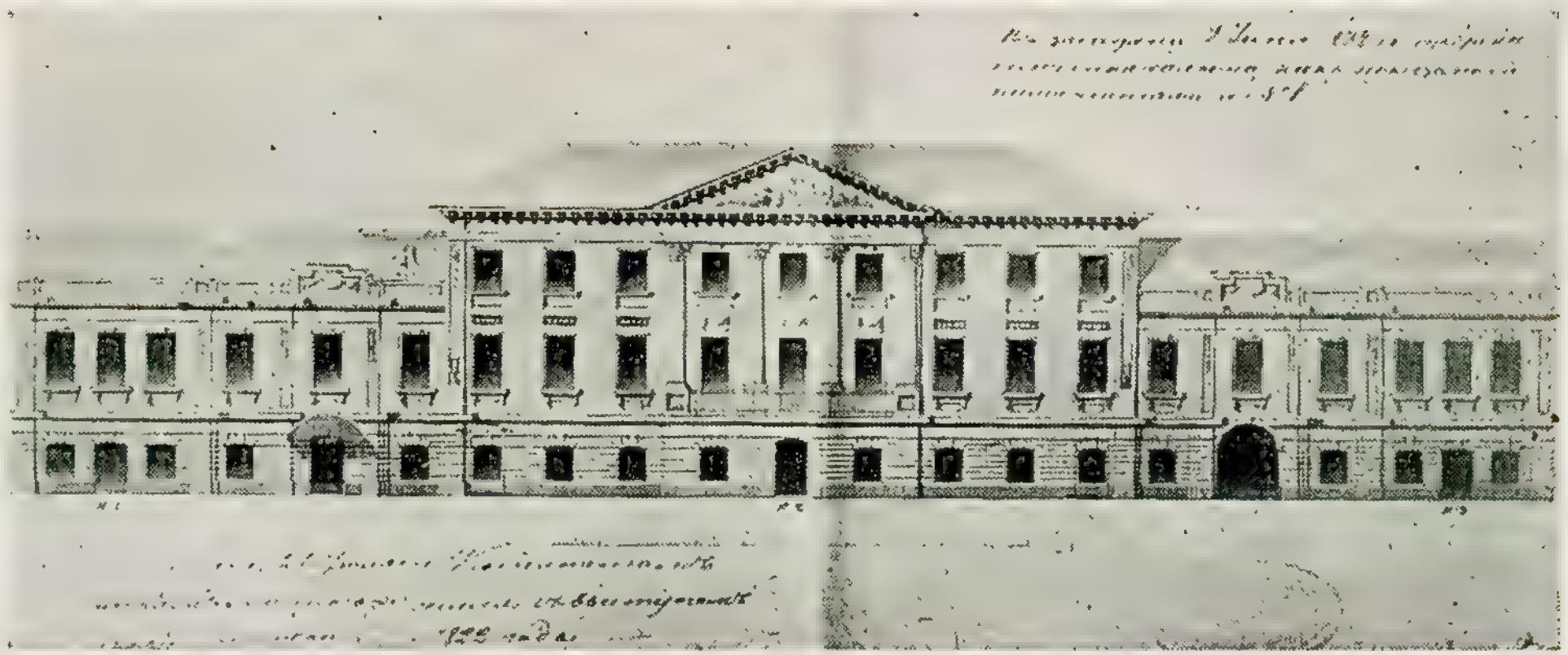
Что стало в дальнейшим с этим домом Мальцовых на Моховой ул.?—Судьба его оказалась печальной.—Блестящее произведение какого-то несомненно выдающегося архитектора, дворец этот простоял нетронутым до начала 80-х годов. Это было прекрасное здание в два этажа,

с рустованным низом. Посреди возвышался, как гласят документы, каменный „мезонин“ в 9 окон, увенчанный великолепным фронтоном с пышной мифологической сценой. Пилястры украшали второй и третий этажи.

Но к этому времени пошатнулось громадное состояние Мальцовых. Единственный сын И. А. Мальцова, Сергей Иванович, отличавшийся огромной предприимчивостью, владелец сотен тысяч десятин земли и известных чугуно-литейных, хрустальных и стекольных заводов, „зарвался“ в своих делах и, резко прервав свою деятельность (на его заводах работало сто тысяч рабочих), уехал умирать в Крым [50]. Его же дом на Моховой перешел к некоему Корнилову, решившему перестроить здание. В 1882 г. его надстроили и перестроили, не сохранив никаких следов блестящего здания XVIII века. Когда дом затем стал собственностью страхового общества „Россия“, весь оставшийся незастроенным еще сад был использован в 1897 г. под двор, который окружили новыми постройками (решетка сооружена по проекту Леонтия Бенуа). И теперь лишь выходящий на Моховую сад бывшего дома страхового общества (№№ 27—29) напоминает нам, своими несколькими чахлыми деревьями, о находившемся тут когда-то великолепном саде принцессы Зельмиры.

Тут же на Моховой ул. стоял дом Кленберга, где жили одно время родители Пушкина.

Надо отметить, что описанная выше квартира Пушкиных в доме Клокачева была далеко не единственной их квартирой в Петербурге. За годы своего пребывания в столице они переменили их



Дом принцессы „Зельмиры“ (Вюртембергской) на Моховой ул., ныне № 27.
Архив Лен. Отд. ком. хозяйства. Здание перестроено.

множество. Кроме домов Клокачева и Устинова на Фонтанке (ныне №№ 185 и 92), нам известны квартиры С. Л. и Н. О. Пушкиных у Синего моста, в доме наследников капитана Касторского в Свечном пер. (теперь № 5) и в доме чиновника 8 класса Ефимова на Гагаринской ул. (ныне № 12). Эта склонность к частым переездам была особенностью Надежды Осиповны Пушкиной. Если по каким-либо обстоятельствам переезжать было неудобно, Надежда Осиповна стремилась изменить в квартире все, что было возможно. Не спрашивая согласия Сергея Львовича, она превращала кабинет в гостиную, спальную в столовую, меняя обои, переставляя мебель и пр.

Квартира в доме Кленберга была нанята для родителей А. С. Пушкиным. К приезду стариков в Петербург, 15 декабря 1834 г., ремонт ее еще не был вполне закончен и Пушкиным пришлось некоторое время прожить на Мойке в гостинице „Демут". Но уже 4 января 1835 г. Надежда Осиповна писала дочери, что письма ее „принес Александр на нашу новую квартиру (на Моховой в доме Кленберга)" [51].

Но А. С. Пушкин не часто баловал своих родителей визитами и в его холостые годы Надежда Осиповна, уже гордившаяся своим знаменитым сыном, заманивала его иногда к обеду любимым им печеным картофелем. Привлечь же сына к обеду чем-либо другим было трудно, так как старики Пушкины далеко не были гастрономами. Поэтому-то Дельвиг, предлагая однажды Александру Сергеевичу обедать у его родителей, писал своему приятелю:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых,—
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Надо сказать, что материальные обстоятельства стариков Пушкиных были к этому времени очень затруднительны. Чрезвычайно красочно описал А. С. Пушкин свои беседы по денежным делам с родителями в начале 1834 г.—„На днях отец мой посылает за мной. Прихожу—нахожу его в слезах, мать в постели—весь дом в ужасном беспокойстве. „Что такое?“—Имение описывают.—„Надо скорее заплатить долг“.—Уж долг заплачен.—„О чем же горе?“—Жить нечем до октября.—„Поезжайте в деревню“.—Не с чем“.

К этому времени, как передавали современники, Сергей Львович превратился уже в беззубого, слезливого старичка, постоянно прилизывавшего скудные остатки волос фиксатуаром. Это не мешало ему, однако, влюбляться в десятилетних девочек и комично их ревновать.

Что касается Надежды Осиповны, то ко времени переезда в дом Кленберга на Моховой, она была уже больна. Лето ей не принесло облегчения и осенью у нее произошел рецидив болезни. Вскоре, 29 марта 1836 г., она скончалась. Сергей Львович, во время агонии жены, рвал на себе в отчаянии волосы и его должны были вынести в соседнюю комнату. Александр Сергеевич никогда не был очень близок с матерью, но, при последних минутах ее, он рыдал, как ребенок.

Надежда Осиповна погребена была в Святогорском монастыре и не прошло еще года, как рядом с ней был опущен в землю гроб ее безвременно погибшего сына.—„Они (Пушкин и его мать),—сказал современник,—лежат теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни".

Еще при жизни матери, Пушкин в 1833—34 гг. жил одно время недалеко от Моховой, на Пантелеймоновской, в доме Оливье. Но до сих пор были тщетны попытки розыскать это здание.

Сохранившиеся известия говорят, что оно стояло „противу Летнего Сада", „близ Цепного моста", „по близости Кочубеев" [52]. Но, несмотря на такие достаточно, казалось бы, определенные сведения, найти дом Оливье не удавалось [53]. Среди петербургских домовладельцев того времени значатся действительно Оливье, но принадлежавшие им дома расположены были совсем в других частях города [54].

Однако, при ближайшем изучении мною плана города оказалось, что один из домов на Пантелеймоновской ул., ныне ул. Пестеля, близ Цепного моста, принадлежал в то время некоему капитану Оливио. Теперь этот дом № 5 по Пантелеймоновской ул. и он несомненно и является пушкинским домом Оливье (тогда № 113 Литейной части). Фамилия владельца дома в официальных списках значится, как Оливио [55], но в надгробии его жены на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры (ум. 1832 г.) она названа Любовью Александровной Оливье [56]. Так же называли домовладельца—„Оливье" и все квартиранты его дома. К. И. Опперман, вдова из-

вестного военного инженера, публикуя о своем отъезде за границу, сообщала: „спросить в Пантелеймоновской улице против церкви в доме Оливье, под № 113“ [57].

Стоявший тут в конце XVIII века каменный дом принадлежал жене генерал-поручика Раутенфельда. В 20-х годах следующего столетия им владел тит. советник Струбинский. В 30-х годах дом стал ненадолго собственностью СПБ. плац-адъютанта, капитана л. гв. Павловского полка А. К. Оливио, от которого в середине 40-х годов снова вернулся к Струбинскому. К сожалению, в архиве городской управы не сохранилось никаких документов об этом доме и установить поэтому в точности историю его не представляется возможным.—В настоящее время это большой пятиэтажный дом на подвалах. Но в свое время, насколько можно судить, он был трехэтажным. Потом его надстроили, приделали балконы и всячески приукрасили. Лишь во дворе уцелели до ныне от прежней отделки дома кое-какие старые детали. Из них обращает на себя внимание украшающая водопроводную трубу курьезная птичья голова, относящаяся к первой половине XIX века.

Пушкины наняли квартиру в этом доме 1 сентября 1833 года [58]. Из писем Н. О. Пушкиной известно, что квартира на Пантелеймоновской была очень велика и хотя цена ее—4.800 руб. была и высокой, Пушкин квартирой своей был очень доволен.

Когда в 1834 г. Наталья Николаевна проводила лето в „Полотняном заводе“, Пушкин, описывая ей свой образ жизни в Петербурге, сообщал, что, по утру, проснувшись, он каждый день гуляет, в халате и туфлях, в Летнем саду.—„Ведь Летний Сад—

мой огород". — Но уже в середине лета Пушкин сообщал жене о возникших у него неприятностях с домовладельцем. „Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На днях возращаюсь ночью домой: двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дво ника. А ему уже несколько раз говорил: прежде моего приезда не запирать. Рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов, чтобы воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление... о сдаче квартиры, а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал" (письмо от второй половины июня 1834 г.).

Решив расстаться с домом Оливье, Пушкин принял тогда предложение своего друга П. А. Вяземского, уезжавшего с семьей за границу, переехать в его квартиру на Гагаринской наб. в доме Баташева [59]. „С кн. Вяземским я уже условился, — писал Пушкин жене, — беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2.500 руб. и велю перетаскивать пожитки". Перевозить обстановку Пушкину было не далеко. Дом Баташева стоял на Гагаринской, потом Дворцовой наб., вблизи Фонтанки. В настоящее время это темный четырехэтажный дом № 32 по наб. Жореса. Участком этим владел в конце XVIII века тайн. советник Сошман. В начале следующего столетия он перешел не надолго к надв. советнику Масальскому, а потом к кол. ассесору Баташеву, владельцу крупных металлических заводов [60].

Из числа обитателей этого дома на набережной, следует отметить упоминавшуюся уже Елизавету Хитрово [61]. В 1823 г. у подъезда этого дома часто видели Елизавету Михайловну, выезжавшую со своими двумя дочерьми, Дарьей и Екатериной. „Лиза-голенькая" была в то время так еще моложава, что трех красавиц принимали за сестер. Младшая дочь была уже тогда замужем за Фикельмон, впоследствии австрийским посланником в Петербурге, человеком умным и образованным, но старше жены на 27 лет. Е. М. Хитрово вернулась в то время из Италии для приведения в порядок своих запущенных дел. Это удалось устроить при содействии Александра I, не оставшагося равнодушным к красоте Фикельмон.

Прошло десять лет и, как прежде, от этого дома по вечерам отъезжала карета. Это уже не была „Лиза-голенькая" со своими красавицами дочерьми.—Это „трехбунчужный паша" Пушкин вывозил в свет свою жену и ее двух сестер.—Пушкин жил здесь, по сообщению Бюлера, в первом этаже и квартиру его Н. О. Пушкина, в письме к дочери, называла „прекрасной" [62]. Однако, плата за эту квартиру была очень высока—6.700 руб. в год. Эта цена объясняется, конечно, величиной квартиры—в ней было 20 комнат, но Пушкин платил за нее пополам с сестрами Наталии Николаевны—Александрой и Екатериной, поселившимися тут вместе с Пушкиными. Эта совместная жизнь устраивала Пушкина с материальной стороны, но, по его собственным словам, все же стесняла его, как хозяина дома.

Квартира первого этажа баташевского дома, за время существования его, в плане своем не менялась (ее занимал в годы мировой войны небезъиз-

вестный нововременский журналист А. Столыпин, „брат премьера“, на редкость безвкусно изменивший ее отделку). Но по своему размеру, всего в несколько комнат (значительная часть первого этажа во дворе занята конюшнями), она совершенно не соответствует описаниям пушкинской квартиры. Следует, вернее, полагать, что поэт занимал второй этаж, но и там, в отделке, ничего не сохранилось от прошлого, кроме принадлежащего к квартире балкона на набережную, с хорошей старинной решеткой.—Предположение, что Пушкин жил здесь не в первом, а во втором этаже, находит себе подтверждение в появившемся 30 сентября 1832 г. в „СПБ. Ведомостях“ объявлении о сдаче в баташевском доме барской квартиры, в бель-этаже, в 30 комнат, с кухней, людскими, и прочими службами. Начало октября 1832 г.—это как раз время, когда Вяземский искал в Петербурге квартиру для переезжавшей из Москвы семьи. Видимо, эта-то квартира в бель-этаже, нанятая тогда Вяземским по указанному объявлению, и перешла от него, в 1834 г., к Пушкину.

Поэт прожил в этой квартире на набережной сравнительно долго—два года, до осени 1836 г.—На Пантелеймоновской Пушкин поссорился с домовладельцем капитаном Оливио. В доме же Баташева у него возникли неприятности с управляющим. „Я вынужден был уехать из дома Баташева, где управляющий оказался негодяем“,—писал Пушкин своему отцу в Москву, в недазно опубликованном письме [63].

Баташевы же владели домом у Прачечного моста еще долго и лишь в 80-х годах он перешел к жене гв. полковника Скалона. Согласно архивным документам баташевский дом первоначально был трех-

этажным зданием на подвалах, с 11 окнами по фасаду. Здание заканчивалось наверху „каменным мезонином“ в 5 окон. Уже в 1889 г. Скалон, по проекту архитектора Нагеля, вытянула „мезонин“ с полуциркульными окнами по всему фасаду. Однако, первые три этажа остались без изменений. Таким образом, встречающиеся в литературе сведения о совершенно новом, стоящем здесь на набережной здании—не вполне точны.

В пушкинское время на Неве, на месте нынешнего въезда на Литейный мост, стояло каменное здание „Литейного двора“, построенное еще в первую половину XVIII века. „Литейный двор“ просуществовал до 1850-х годов, когда его уничтожили при начале работ по сооружению Литейного моста. От этого „Литейного двора“ и улица, именовавшаяся в старину Большой и Московской, получила, наконец, название Литейной.—„Я взглянул на Литейную,—записал в мае 1807 г. будущий член Тайного Общества Н. И. Тургенев, живший в дни своей юности тут поблизости на Фурштадтской,—и сердце мое при сем имяни облилось кровью. Улица сия получила свое имя от литейного двора. Тут льют пушки, пули, бомбы и все, принадлежащее к артиллерии.—Что? для чего льют это? Мать теряет сына и в нем всю свою надежду, утешение; молодая женщина делается вдовою, дети сиротеют. Война! война! При сем имяни сердце чувствительное содрогается“.

Стоявший рядом с Литейным двором последний дом по Гагаринской наб., окруженный прекрасным садом, принадлежал в начале XIX века известному

протоиерею Самборскому. Это был один из просвещеннейших людей своего времени, много лет своей жизни проведший за границей. Декабрист Розен недаром говорит в своих „Записках“, что Самборский, по образованию и понятиям своим, опередил современников на целое столетие. Но православное духовенство негодовало на этого священника, бривше го себе голову и носившего на улице сюртук и круглую шляпу.—Теперь об этом доме Самборского на набережной напоминает здесь лишь Самбургский пер. у Шпалерной; ныне ул. Воинова, куда другой своей стороной выходило указанное здание.

Радушный хозяин, Самборский всегда гостеприимно принимал приезжавших к нему из провинции друзей. Здесь, в его доме, родился Сергей Муравьев-Апостол, будущий декабрист, когда родители его прибыли на некоторое время в Петербург.

Но он родился тут не под счастливой звездой. Ему уготована была смерть на кронверке Петропавловской крепости, в расцвете сил, дарований и способностей. Молодой Муравьев-Апостол мужественно встретил, однако, свою тяжкую участь.—Когда его престарелому отцу разрешили навестить сына в крепости, старый дипломат глубоко огорчился, увидев сына в забрызганном кровью мундире, с раздробленной головой.—„Я пришлю тебе,—сказал он,—другое платье“.—„Не нужно,—ответил заключенный,—я умру с пятнами крови, пролитой за отечество“.

Небольшое расстояние отделяло дом Самборского от стоявшего в начале Моховой ул. дома чиновника государственного казначейства Кандалинцева. Об-

ширное владение его простиралось вплоть до Гагаринской ул., куда выходили сад с беседкой и двор[64].

Часть участка Кандалинцева, с домом на Моховую, перешла впоследствии во владение известного сенатора Кушникова, выстроившего в 1836 г. на Гагаринской, против Пустого рынка, новый большой дом, стоящий там и поныне. Это дом № 16 по Гагаринской ул., как раз против Рыночной, с видом из окон на Фонтанку и Летний сад. Старое, окрашенное зеленой краской, трехэтажное здание это, с полукруглым окном наверху, типично для построек 20-х и 30-х годов. В нем характерна также строгая симметрия ряда входов в подвалы, в которых окна, к сожалению, повышены. Дом в настоящее время пришел в ветхость и ждет ремонта.

Дочь Кушникова, Софья Сергеевна, „писанная красавица из красавиц", по выражению современников (миниатюра Мартена сохранила нам ее черты), получила дом в приданое при замужестве с Д. Г. Бибиковым, впоследствии министром внутренних дел. Старый сенатор, с дочерью своей и зятем, занимал дом на Моховой ул.; в корпусе же на Гагаринскую ул., в верхнем этаже, поселилась в конце 30-х годов тетка Кушникова, вдова Н. М. Карамзина, Катерина Андреевна[65]. Она жила тут в скромной и патриархальной обстановке. В гостиной, освещенной настольной лампой, стояла простая мебель, обитая красным, сильно выцветшим от времени штофом. Когда же собирались гости, все угощение состояло из неизменного крепкого чая, к которому подавались густые сливки и хлеб со свежим маслом. Но приготовлявшиеся Софьей Николаевной,

дочерью историка, тартинки, своей необыкновенной тонкостью, славились по всему городу [66].

В гостиной Карамзиной собиралась самая культурная и образованная часть русского общества. Здесь были постоянными гостями Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, Плетнев, Гнедич, Брюллов, Глинка и Даргомыжский. По словам А. Кошелева, это был единственный дом, „где не играли в карты и говорили по русски". „В обществе Карамзиных,—писал Гроту Плетнев,—есть то, чего нигде нету—свобода, а следовательно и жизнь"... И дальше он писал: „Там было все, что только есть прекраснейшего между дамами в Петербурге, начиная с Пушкиной (вдовы поэта) до молодой Сологуб" [67].

В весенний апрельский день 1840 г. у Карамзиных собрались гости. В столовой у чая суетилась не молодая уже Софья Карамзина, прозванная „Самовар-паша" за постоянное разливание чая. Кого-то, видимо, ждали.—Вдруг в дверях показался небольшого роста армейский офицер в старом дорожном сюртуке. Высокий лоб его был обрамлен черными мягкими волосами. Взгляд темных глаз был тяжел. С красивыми выхоленными руками не гармонировали кривые ноги,—последствие падения в школе на уроке верховой езды. Вся фигура его дышала внутренней силой и привлекала внимание.

Это был Лермонтов, приехавший к Карамзиным проститься перед отъездом в ссылку.—Дуэль с Барантом послужила причиной перевода его на Кавказ, в армейский пехотный полк. Отсюда, с Гагаринской ул., не заезжая уже домой, он собирался отбыть в свой дальний путь.

Лермонтова окружили и забросали вопросами Он был молчалив и отвечал нехотя. Подали чай Поэт подошел к окну и задумался. Вдали блестела Фонтанка. Летний сад ласкал взор молодой зеленью. По небу скользили легкие облака. Он взял брошенный кем-то лист бумаги и стал писать. Софья Карамзина потребовала прочесть написанное К ней присоединились другие. Поэт помолчал и стал читать:

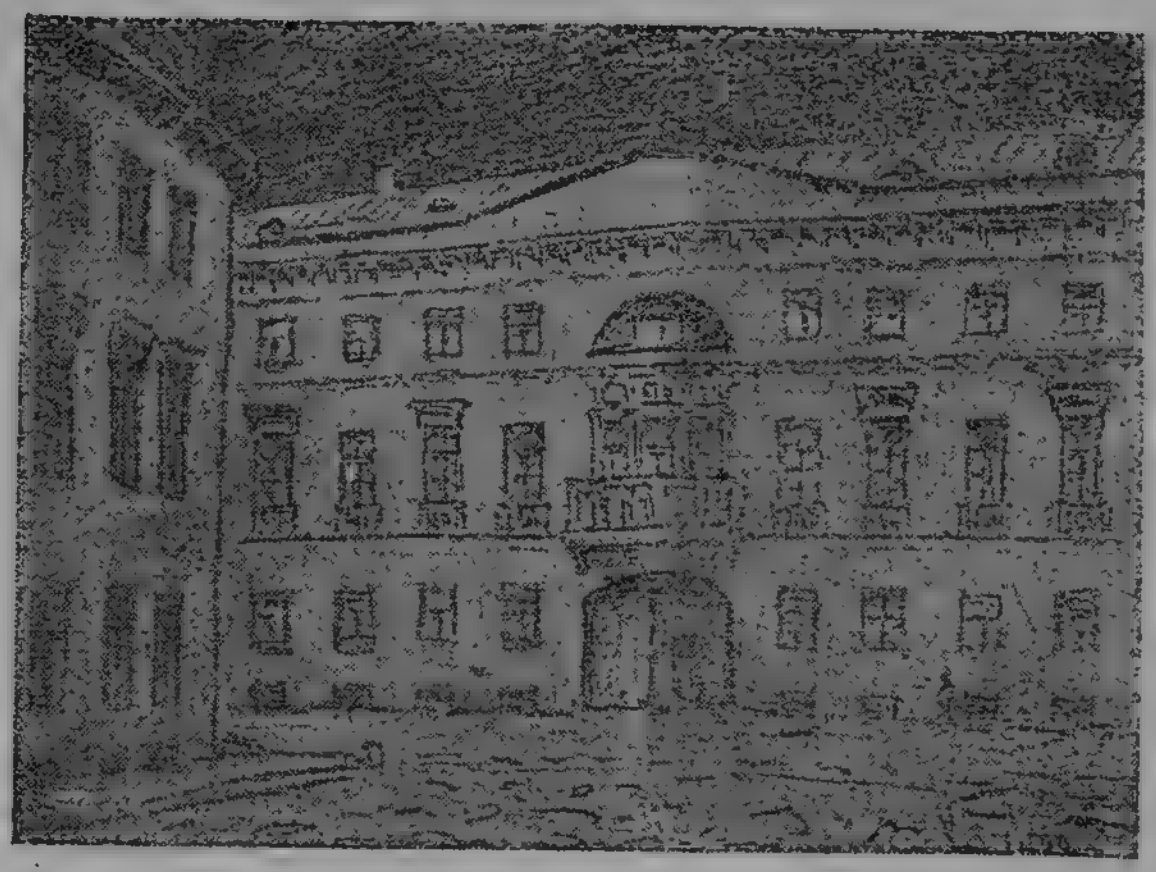
—

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...

И когда он кончил, глаза его были влажны от слез.

На улице зазвенели бубенцы подъехавшей тройки. Лермонтов быстро простился и побежал вниз.

А через год на Кавказе, как холодно гласил документ: „Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов, 27 лет, убит на дуэли". На смертном одре, как сообщал современник, Лермонтов лежал с открытыми глазами, с улыбкой презрения, как бы живой, будто разгадав неведомую ему замогильную тайну. И он, такой невзрачный, в этот момент казался прекрасным.



Дом Бибиковой на Гагаринской ул., ныне № 16.
Здесь у Карамзиных прощался с Петербургом М. Ю. Лермонтов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Небольшой скромный дом № 11 по Лиговской ул., стоящий недалеко от Знаменской пл., ныне площади Восстания, принадлежал в начале XIX века некоей чиновнице Кудрявцевой, от которой перешел впоследствии к губ. секретарю Модену.

В 20-х годах темная лестница дома заканчивалась наверху грязной стеклянной галлереей. Во втором этаже, на обитой оборванной клеенкой двери, виднелась розовая обложка известного журнала „Благонамеренный". Тут помещалась контора журнала и здесь же жил его издатель, Александр

Ефимович Измайлов. Известный литератор и баснописец, он был чрезвычайно популярен среди петербуржцев, знавших наизусть множество его стихов.

Каждый входивший в квартиру Измайлова сначала попадал в комнату, исполнявшую назначение залы и столовой и всю заваленную запыленными пачками журналов. Эти же журналы наполняли и кабинет хозяина, освещавшийся во всю стену итальянским окном, выходившим на стеклянную галлерею. Поднесенная кем-то в подарок бронзовая чернильница, стоявшая на письменном столе, была без употребления, а ее назначение выполняла старая банка из-под помады. У окна в клетках весело заливались канарейки. На огромной лежанке хрипела старая моська по имени „Венерка нумер второй", так как „Венерка нумер первый" кончила свои дни много лет назад [86].

Тут у этого стола почти всю жизнь и провел в доме Модена Измайлов, сочиняя свои басни, эпиграммы и статейки. Он был несказанно ленив и журнал свой издавал неисправно. Бывали годы, когда подписчики еженедельного журнала получали только 35 или 40 номеров. Был случай, когда июньский номер вышел в октябре и им закончен был год. Но издатель самым добросовестным образом старался впоследствии разъяснить подписчикам причины неисправности.—Дочь, мол, в институт отвозили, много хлопот было; родственников добрых в далекий путь провожали и т. д. Однажды невыход в свет на маслянице своего журнала Измайлов объяснил еще проще:

Как русский человек, на праздниках гулял:
Забыл жену, детей, не только что журнал.

Утром он повязывал себе шею аннинской лентой и торжественно надевал фрак с золотыми пуговицами. Облачившись затем в широчайший синий сюртук и украсив голову цилиндром, он наполнял необъятные карманы сюртука всякими рукописями, газетами и журналами. — „Александр Ефимыч в должность пошел,—говорили лиговские лавочники,—время-то как идет, побаловаться чайком уж, выходит, можно“.—Они знали, что ленивый Измайлов на службу рано не пойдет.

А вернувшись, он набрасывал на себя старый засаленный халат и, забыв по рассеянности, снять свой орден, усаживался в кресло и подзывал к окну голубей. Приходили приятели-литераторы. Начинались обычные споры. Передавались на ухо, под „честным словом“, рассказанные уже всему городу последние журнальные сплетни. Равнодушно внимал всему этому Измайлов.—„Лукьянушка,—кричал он, наконец, когда уж очень его донимали,—Лукьянушка, принеси-ка нам троечку апельсинчиков, да захвати графинчик квасу“. А потом, помолчав и как-будто над чем-то серьезным раздумав, прибавлял: „Замени-ка квас пожалуй, очищенной. Ко времени будет“. Входил Лукьянушка с вечно пасмурным и недовольным лицом и нехотя ставил на стол угощение.—„Добро,—говорил Измайлов,—приступим“.—И приступали.

Не менее популярным, чем А. Е. Измайлов, лицом в Петербурге являлся тогда известный стихотворец гр. Д. И. Хвостов. Он жил в Литейной части, в собственном доме на Сергиевской ул., вблизи Литейного пр.

Ему принадлежал одно время дом № 57б в Московской части, вблизи Загородного пр. Продав его, Хвостов приобрел на Сергиевской, через дом от Сергиевского собора, некрасивый, желтый двухэтажный дом, который он занимал еще в первые годы XIX века [69].

Сначала сенатский обер-прокурор, потом сенатор и действительный тайный советник, Хвостов являлся притчей во языцех всего города, благодаря страсти своей к сочинению стихов. Эта его болезненная причуда вызывала кругом одни насмешки и молодые писатели обыкновенно оттачивали об него свое перо. Без эпиграммы на Хвостова, сказал Вигель, как-будто нельзя было вступить в литературное сословие.

Дом Хвостова на Сергиевской был известен всему городу. Хозяйка дома говорила только по французски и, разодетая в пестрые блонды и шелка, принимала гостей. Их бывало тут много, так как хвостовский дом славился гостеприимством и „скатерть тут не снималась с утра до поздней ночи". Надо заметить, что кротость и добродушие являлись одним из главных достоинств Хвостова и кошелек его был всегда широко открыт для нуждающихся. Многие литераторы и журналисты того времени охотно пользовались помощью стихотворца.

У Хвостова часто устраивались литературные чтения, главным образом, конечно, произведений хозяина, и тогда торжественно устанавливался длинный стол, покрытый малиновым сукном с золотыми кистями. В другие дни, когда в гостиной играли в карты, Хвостов, уведя намеченную жертву в кабинет, читал там до ужина стихи. По утрам же

слушать его поэзию входило в обязанность секретаря. Но обыкновенно никто не выдерживал принудительного слушания поэзии больше года. Один отставной ветеринар сумел пробыть у Хвостова несколько лет. Но это объясняли его чрезвычайно крепкой комплекцией [70]. А злосчастный стихотворец, величавший себя „наперсником муз“, „мудролюбцем“, искренно верил, что его „неувядающий гений“ найдет себе скоро всеобщее признание *.

Знакомые Хвостова, подходя к Сергиевской, боязливо оглядывались по сторонам, опасаясь встречи с голубой графской каретой. И если они, при виде ее, не сворачивали тотчас в сторону, из кареты выходил сгорбленный старик в засаленном, украшенном звездой, сером фраке. Вежливо справившись о здоровьи встреченного, но не выждав ответа, он делал знак двум сопровождавшим его лакеям. Громадные гайдуки, одетые в расшитые серебром камзолы, доставали из своих необъятных карманов пачки листков последних произведений графа. Он хватал свою жертву крепко под руку и начинал тут же на улице свое чтение:

Петрополь славный,
Афинам равный,
Царь невских волн,
Отрады полн...

А гайдуки угрюмо стояли рядом.

---

* Небезынтересно, однако, что этот „наперсник муз“ не брезгал, подобно другим виднейшим представителям российского дворянства, заниматься винным откупом.—„СПБ Ведомости“. 1822 г., стр. 454.

Против дома Хвостова, по другую сторону Сергиевской ул., ныне ул. Чайковского, на углу небольшого Друскеникского пер., стоит двухэтажный дом (№ 29), принадлежавший до революции Нарышкиным.

По сенатскому плану 1798 г. владельцем этого дома значится генерал-поручик Иван Абрамович Ганнибал. Это сын знаменитого „петровского арапа“, родной брат отца Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Ганнибал. Наваринский герой, строитель Херсона, И. А. Ганнибал скончался холостым в Петербурге (надо полагать здесь же, в своем сергиевском доме) 12 октября 1801 г. Он погребен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, где на бронзовой плите надпись гласит:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил.
Стенящие о нем родня его и ближни
Сей памятник ему с усердием воздвигли.

Еще за год до смерти Ивана Абрамовича, брат его, Петр Абрамович Ганнибал, жил здесь на Сергиевской ул., в доме брата, перед своим отъездом заграницу [71]. Петр Ганнибал на много лет пережил своего брата и, несмотря на страсть к вину, достиг восьмидесятилетнего возраста. „Эй, малый, подай водки алой!“—было его любимой поговоркой *.

---

* Точное время смерти Петра Ганнибала до настоящего времени не установлено. Как сообщает П. Анненков, он умер в 1822 г. Но из письма Пушкина к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 г. видно, что дядя его матери жил еще тогда (Пись-

Ближайшие годы после смерти Ивана Абрамовича дом его еще оставался в семье Ганнибалов. По табели 1804 г. он значится принадлежащим „наследникам генерал-лейтенанта Ганнибала“ и оценивается в 12.000 руб. Но уже к 1809 г. дом перешел к Неплюевым, простояв без изменений до середины 50-х годов, когда, по просьбе следующего владельца, Трубецкого, последовало разрешение на переделку дома *.

Тогда по проекту архитектора Боссе дом Ганнибалов подвергся значительным изменениям.—В то время часть лицевой стороны участка слева занимал небольшой домик в 3 окна. Боссе уничтожил как его, так и стоящие рядом ворота и, вытянув главное здание по всему фасаду, прибавил 6 новых окон. Боссе передвинул также влево несколько измененный

ма Пушкина. Ленинград. 1928 г., т. II, стр. 151). В „СПБ. Ведомостях“ мне пришлось, однако, встретить публикацию детей Ганнибала, устанавливающую год смерти их отца.—21 сентября 1826 г. его дети, „оставшись единственными наследниками по смерти покойного родителя нашего генерал-майора Петра Абрамова сына Ганнибала“, вызывали кредиторов и должников покойного в г. Остров, Псковской губ. („СПБ. Ведомости“. 1826 г., стр. 892). Публикации о смерти обычно появлялись в то время в газетах через два—три месяца после кончины наследодателя. Таким образом смерть П. Ганнибала надо относить к лету 1826 г.

* Как гласит помета на докладе, высочайшее соизволение последовало в г. Николаеве, в тяжелые дни севастопольской войны, когда Александр II осматривал на юге войска. Забитая николаевскими шпицрутенами армия, блестяще знавшая только шагистику вахт-парадов, оказалась совершенно неподготовленной к встрече с неприятелем. Но бюрократическая машина работала в обычном порядке и ничтожнейшее дело о перестройке дома в Петербурге на Сергиевской ул. отсылалось в далекий Николаев для всеподданнейшего доклада.

фронтон, украсил его гербом и протянул шесть пилястр. В 1875—76 гг., при некоторых новых работах, архитектором Гедике был уничтожен старый ганнибаловский сад.

Такова история ганнибаловского дома на Сергиевской ул.—Надо думать, что Надежда Осиповна Пушкина знала этот дом. Знал его, вероятно, и А. С. Пушкин.

Был 1812 год. Стояла сырая мартовская ночь. В подъезде небольшого скромного дома в конце Сергиевской ул. заскрипела дверь. На крыльце показались две темные фигуры. Их ожидала почтовая кибитка. Один из вышедших, пожилой уже человек, медленно оглянул дом, как бы прощаясь с ним. Его спутник, полицейский офицер, вкочив в кибитку, крикнул: „Пошел!“ Сани тронулись.—Это увозили в ссылку Сперанского.

Теперь лишь дом на левой стороне Сергиевской, ныне улицы Чайковского, на углу Потемкинской, напоминает нам об этом событии. Но здесь все давно перестроено.

В конце XVIII века на этом месте стоял небольшой дом Ф. И. Елагиной. Он принадлежал ей еще в 1804 г., перейдя вскоре к стат. советнику Борзову. В 1809 г. его купил М. Сперанский [72]. Дом был тогда еще двухэтажным; на Сергиевскую ул. выходило одиннадцать окон и на Таврическую—восемь. Низ дома был рустован, балкон поддерживался четырьмя колоннами. В первом этаже были спальня дочери и тещи Сперанского, зала, гостиная, столовая и приемный кабинет, весь обставленный шкафами с кни-

гами. Рабочий кабинет, служивший Сперанскому и спальней, находился во втором этаже.

В роковой день 17 марта Сперанский поздно вернулся домой. Все уже спали. Тихо ступая по паркету, тогда еще редкой роскоши в Петербурге, Сперанский поднялся в свой кабинет. Там его ожидал министр полиции Балашов, объявивший Сперанскому повеление о немедленном выезде из Петербурга. Но Сперанский уже знал о предстоявшей ему ссылке. Он спокойно присел к столу, собрал несколько бумаг и, написав короткое письмо Александру, вручил его министру. Потом он спустился вниз, где спала его дочь, и ему пришлось пережить чрезвычайно тяжелую сцену прощания с нею. Вырвавшись из ее объятий, он набросил на себя шубу и вышел на крыльцо.

Лошади уже ждали.—На углу Кирочной Сперанский взглянув на дом злейшего врага своего, Аракчеева. Там, как всегда, горел свет, двигались тени. Сперанский поднял воротник, закрыл глаза и задумался. И вся сцена его последнего свидания с Александром воскресла перед ним. О чем говорили они?—Сперанский всю жизнь хранил об этом упорное молчание и даже на вопрос своей любимой дочери отвечал ей впоследствии, что „про то ведает и в том должен быть судьею один лишь бог".

А на следующее утро у дома Сперанского, вместо обычных придворных карет и царских фельдъегерей, сновали полицейские, сваливавшие на простые дровни кипы бумаг Сперанского. Сильный ветер разносил по всей улице небрежно связанные пачки документов.—Это было все, что осталось от вчерашнего могущества, от грандиозных проектов,

Дом же Сперанского на Сергиевской продолжал оставаться в его владении и после ссылки. Он был продан сенатору Н. П. Дубенскому лишь в 1822 году [73]. Этот Дубенский был директором департамента государственных имуществ, составившим себе там, как передавали, огромное состояние.—„Умен, как бес,—сказал о нем сенатор К. Фишер,—дурен, как бес и по правилам бес". Дубенский жил широко и гостеприимно в своем доме. Его прекрасно подобранная библиотека и большое собрание редкостей славились в городе. Однако, дети его не интересовались собранными отцом коллекциями и после смерти Дубенского они разошлись по чужим рукам. Оказался проданным и этот дом на Сергиевской улице [74].

Он был значительно перестроен в 1841 г., после смерти Дубенского, его вдовой.—По проекту архитектора Шарлеманя 2-го его увеличили тогда на 5 окон по Сергиевской ул. и надстроили третий этаж. В 1842 г. дом вытянули дальше по Таврической ул., превратив в огромное строение. Память о маленьком домике Сперанского была уничтожена.

Подобно тому, как громадный дом Дубенских заменил собой домик Сперанского, так на Фурштадтской ул., ныне ул. Лаврова, для постройки многоэтажного дома № 20 пожертвовали славным маленьким домом Алымовых, в котором жил когда-то Пушкин.

Первые известия об этом участке относятся к концу XVIII века, когда он принадлежал штаб-лекарю Биргеру; в 1804 г. им владела уже жена генерал-майора Борисова, причем стоявшие здесь постройки расценивались всего в 4.000 руб. При следующем

владельце, генерал-майоре А. А. Беклешове, брате известного генерал-прокурора, постройки, видимо, были значительно увеличены, так как участок расценивался к началу 20-х годов уже в 25.000 руб. Беклешов, в свою очередь, недолго владел этим домом—в 1821 г. он уже значится принадлежащим тит. советнице Алымовой и кол. ассесорше Духовской (сестры?). Вскоре же Екатерина Петровна Алымова является уже единственной владелицей дома [75]. Она была урожденная Чернышева, но видимо, не принадлежала к известному роду гр. Чернышевых. Быть может, она была все же с ними в родстве, так как в доме Алымовых жил одно время декабрист Ф. Ф. Вадковский, мать которого, Екатерина Ивановна, была урожденная гр. Чернышева. Богато одаренный человек, поэт, страстный музыкант, Вадковский, за „неприличное поведение“ [76], был переведен из кавалергардов в армейский полк. Там он приютил у себя бедного юнкера Шервуда и, обладая от природы пылким и легкомысленным характером, по неосторожности, посвятил его в планы Тайного Общества. А этот Шервуд, впоследствии Шервуд-Верный (прозванный „Шервуд-Скверный“), как известно, вероломно предал Вадковского и всех его друзей.

Весной 1832 г. в небольшой дом Алымовой, вероятно в ту самую квартиру, которую занимал ранее Вадковский, переехал Пушкин. Он, надо думать, давно знал Алымовых, так как его хозяева, очевидно, были сродни опочецкому предводителю дворянства Алымову, через посредство которого Пушкин поддерживал связь с родными местами [77].—„Г. Алымов отправляется сегодня ночью в Псков и Три-

горское,—писал Пушкин П. А. Осиповой в середине мая 1832 г.,—и он любезно взял на себя передать вам это письмо...“ И тут же Пушкин прибавлял: „По поводу крещения,—я тоже буду вскоре иметь его на Фурштатской в доме Алымова“.— Предсказания Пушкина оправдались очень скоро.— 19 мая у него родился здесь первый ребенок—дочь Мария. Поздравляя Пушкина с новосельем, Гнедич писал ему 26 того же мая:

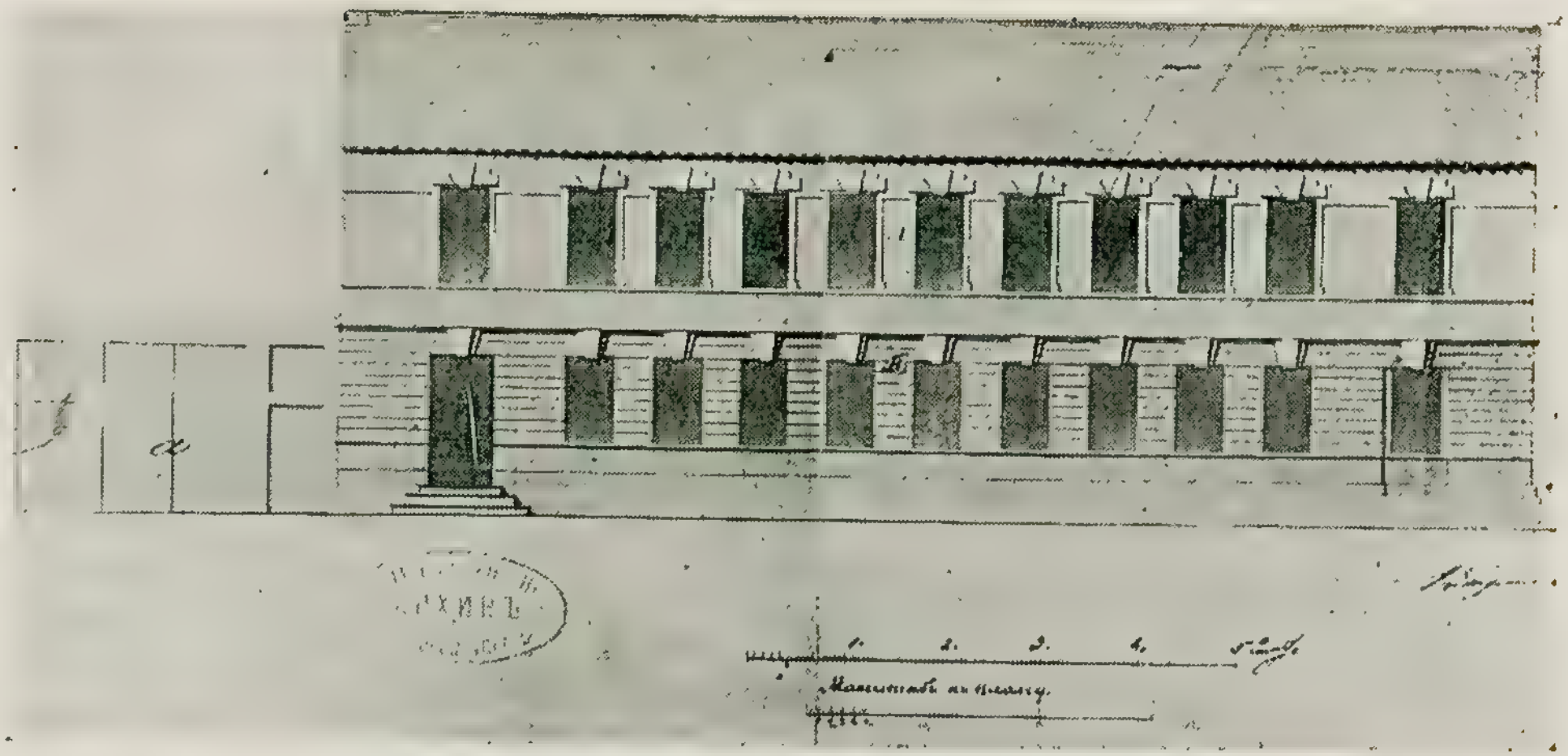
Пушкин, прийми от Гнедича два в одно время привета:
Первый привет с новосельем; при нем по обычаю предков,
Хлеб-соль прийми ты, во образе Гекзаметрической булки *.
А другой привет мой—с счастьем отца, тебе новым,
Сладким, прекрасным, и самой любви удвояющим сладость.

Сюда, в дом Алымовой, известный Хвостов прислал Н. Н. Пушкиной написанное им и положенное кем-то на музыку стихотворение „Соловей в Таврическом саду“, оканчивавшееся куплетом:

Любитель муз, с зарею майской
Спеши к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштадтской,
Поет где Пушкин соловей.

Однако, „пушкинский соловей“ пел на Фурштадтской недолго. Вероятно квартира в этом небольшом домике представляла мало удобств. Во всяком случае, по возвращении осенью 1832 г. из Москвы, Пушкин переехал отсюда с семьей на Б. Морскую, в дом Жадимеровского. Как объяснял

* Она, как часто случается с Гекзаметрами, изломалась.



Дом Алымовой на Фурштадтской ул., ныне № 20.

Здесь жил А. С. Пушкин.

Архив Лен. Отд. ком. хозяйства.

Здание не существует.

Пушкин Нащокину в письме от 2 декабря 1832 г.: „Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец, нанимать новую квартиру“...

Как показывают документы архива городской управы, алымовский дом в пушкинское время являлся небольшим двухэтажным зданием, с каменным низом и деревянным вторым этажем. Дом этот в начале 20-х годов был заново отделан. Старая черепичная крыша заменена железной. Первый этаж предназначался под торговые помещения; во втором этаже была барская квартира в 14 комнат, с паркетными полами, кухней, людской и прачечной [78]. В бывшем архиве городской управы сохранились два чертежа фасада алымовского дома, исполненные в 1832 и 1849 гг. Последний чертеж, как наилучше сохранившийся, воспроизводится при настоящей работе.

Этот скромный дом с простыми деревянными воротами как-то сразу переносит нас в далекое прошлое города [79]. И глядя на сохранившееся до наших дней изображение старого алымовского дома, нам теперь яснее рисуется жизнь великого поэта в его стенах. Алымовский домик просуществовал без каких бы то ни было изменений вплоть до 70-х годов. В 1875 г. нижегородская купчиха Зайцева, новая владелица участка, решила использовать ценность его и тогда, по выражению документов, „ветхие строения“ были снесены. На месте же алымовского дома архитектором Богомоловым было возведено безвкусное четырехэтажное здание в русском стиле, столь излюбленном впоследствии Але-

ксандром III.—Через восемь лет Богомолов надстроил на возведенном им доме пятый этаж [80].

Через два дома от Алымовых, ближе к Литейному пр., на Фурштадтской ул. стоял когда-то скромный двухэтажный дом в 8 окон, окрашенный зеленой краской. Теперь это дом № 14, принадлежавший до революции председателю Совета министров И. Л. Горемыкину. — В 1874 г. на этом доме надстроили третий этаж, но зато первый почти на половину ушел к нашему времени в землю.

В начале XIX века дом этот принадлежал тайн. советнику Сушкову, от которого перешел к известному адмиралу А. С. Шишкову. Это был государственный секретарь времен войны 1812 г., прославившийся составлением знаменитых манифестов Александра I. Пушкин сказал поэтому о Шишкове:

> Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
> Священной памятью двенадцатого года.

Автор трудов о слоге русского языка, Шишков вскоре был назначен президентом Российской Академии и с нескрываемой ненавистью стал относиться к деятельности министерства народного просвещения, видя во всех училищах „школы разврата“. Такое направление мыслей и ярая защита крепостного права побудила, наконец, Александра I назначить Шишкова министром народного просвещения. Тут Шишков уже мог тогда дать полную волю своим планам, поставив себе задачей „скорое и тихое потушение“ всякого „карбонарства“. Своеобразно понимая задачи своего министерства, Шишков считал, „что обучать грамоте весь народ или несоразмер-

ное оному количество людей принесло бы более вреда, чем пользы". Запрещенными оказались тогда в книги по философии, геологии, политике, а также все, могущее показаться оскорбительным какому-либо (!) правительству или вероисповеданию. Авторы подвергались даже ответственности за те сочинения, которые они, лишь в рукописях, представляли на просмотр в цензуру.

Этот столь либеральный насадитель просвещения осуществлял свою политику до 1828 г., когда однажды на докладе у Николая I Шишков, от старческой слабости, не мог отпереть своего портфеля с бумагами. „Вы много и доблестно трудились,— сказал ему тогда Николай.—Не пора ли вам успокоиться?"

Тогда Шишков вернулся в свой домик на Фурштадтской, который он оставил, заняв первоначально великолепную министерскую квартиру сначала против дворца, а потом в почтовом доме, на Почтамтской улице [81]. Семидесяти лет он женился вторым браком на Юлии Лобаржевской и дом Шишкова наполнился тогда шумом и весельем. Каждое воскресенье тут был обед, а по вечерам танцовали французскую кадриль. И бывший министр выходил из своего кабинета в залу смотреть на танцы. Но у него часто происходило онемение головы и тогда он тут же в зале должен был ложиться среди танцующих на диване и специально приставленная для этой цели женщина начинала растирать ему виски и темя. Ее все звали „чесалкой" и она, как тень, следовала за Шишковым, еле передвигавшим ноги [82].

А по утру худой, белый, как лунь, старик, сидя у письменного стола в маленьком голубом ка-

бинете, все выглядывал на улицу—не едет ли присланный за ним из дворца фельдъегерь. И Шишкову все казалось, что поймут же, наконец, что настало время положить предел общей распущенности и „разврату“. И он начинал размышлять о тех реформах, которые он введет, как только его призовут спасать гибнущую без его помощи и советов империю.

Но напряженные мысли вызывали лишь отлив крови... и приходилось звать „чесалку“.

Недалеко от дома Шишкова, на углу Спасской, ныне ул. Рылеева, и Басковой улиц, против Спасо-Преображенского собора, стоит одно из красивейших зданий Петербурга XIX века. Громадный дом этот напоминает о трагической судьбе декабриста Булатова.

Участок этот принадлежал в первые годы XIX века известному врачу Г. Ф. Соболевскому, составителю выдающихся естественно-исторических коллекций. После смерти Соболевского в 1807 г., его наследники продали все его ботанические, зоологические и минералогические собрания казне, приступив, на вырученные от продажи деньги к постройке трехэтажного дома на Спасской ул. Вскоре, однако, у них не хватило средств на окончание постройки и Соболевским пришлось вступить в долги, приведшие, вследствие неуплаты их в срок, к переходу участка к одному из главнейших кредиторов—жене генерал-майора Булатовой [83]. Последняя, вступив во владение участком, вскоре после 1815 г., закончила сооружение этого великолепного здания [84]. Новая владелица этого дома скончалась в 1822 г., а через

три года, в 1825 г., умер и ее муж, известный боевой генерал М. Л. Булатов.

Старший сын его, Александр Михайлович, несмотря на свои молодые годы уже командир егерского полка, приехал тогда в Петербург из Перми для раздела с братьями наследства. Прослужив долгое время перед этим в Петербурге, в л.-гв. гренадерском полку, он имел множество знакомых в офицерском кругу столицы. Благодаря старым друзьям, в особенности Рылееву, товарищу по кадетскому корпусу, Булатов оказался вовлеченным в Тайное Общество. В его доме на Спасской ул. проводили долгие часы Панов, Н. Бестужев и Щепин-Ростовский. Когда же, накануне восстания, у Рылеева собрались виднейшие члены Общества для обсуждения подробностей выступления, Булатову, как одному из старших в чине, предложено было принять на себя, совместно с Трубецким, звание „диктатора", но он отказался.

Вооруженный пистолетами и кинжалом, Булатов отправился 14 декабря на Сенатскую площадь, с твердым намерением убить Николая I. Проявив в 1813 15 гг. совершенно исключительную храбрость, награжденный за свои подвиги „золотым оружием", он долго простоял вблизи Николая на Адмиралтейском бульваре, не найдя в себе решимости нанести удар. Узнав, по подавлении восстания, об аресте своих ближайших друзей, Булатов сам явился тогда в Зимний дворец. Отправленный оттуда в Петропавловскую крепость, он решил обречь себя на голодную смерть. Булатов вынес там ужасные муки, отказываясь от ставившейся перед ним вкусной пищи и, мучимый голодом, изгрыз себе до крови пальцы.

Наконец, однажды вечером часовые услышали стон в его каземате. Когда туда вошли—Булатов лежал недвижим на полу, разбив себе голову об стену. В своем предсмертном письме он писал: „По последнюю минуту дыхания моего люблю отечество и народ русский и за пользу их умираю мучительной смертью".

Младшему брату декабриста, также молодому офицеру, в память заслуг отца, было выдано для похорон тело умершего. Завернув его в свою шинель он привез его в булатовский дом, на Спасскую ул. Похороны трагически кончившего свои дни декабриста привлекли массу народа.—Впереди процессии вели верховую лошадь под траурным покрывалом, затем шли длинной вереницей, в глубоком трауре, слуги булатовского дома, за ними следовала колесница, запряженная шестью лошадьми; на гробе лежала полученная, за храбрость, золотая сабля. Вскоре на могиле Булатова на Большеохтенском кладбище былые товарищи его по гренадерскому полку, очень любившие покойного, поставили ему памятник[85].

После смерти Булатова, брат его, не желая служить Николаю, вышел в отставку и продал свой дом А. Лисицыну. К последнему перешел тогда же и другой дом Булатовых, стоящий тут же рядом. В нем издавна помещался Экономический Комитет военных поселений и здесь жила писарская команда. Тут в тяжелых условиях провел несколько лет молодой писарь Серяков. Впоследствии известнейший русский гравер, он долго вспоминал беспросветные дни, проведеные в лисицынском доме, когда приходилось работать целые ночи напролет, спать на

жестком полу, получая жалованья 5 руб. 40 коп. в год. В 70-х годах в доме Лисицына, на углу Басковой ул., помещалась редакция „Русской Старины“, а позднее „Русского Богатства“.

Недалеко от булатовского дома, в начале Кирочной ул., за Аннинской школой, стоит скромный дом № 10 известного архитектора Федора Демерцова. Постройки этого зодчего—Знаменская церковь на Невском пр. (1794—1804) и Сергиевский собор (1796—1800) и Новый арсенал (1808) на Литейном, свидетельствуют о незаурядном таланте этого мастера. К этому периоду, очевидно, относится приобретение Демерцовым дома на Кирочной ул., принадлежавшего ему уже в 1798 году *. После смерти архитектора, дом его перешел к некоему кол. ассесору Кушакевичу. Здание это представляло собою тогда двухэтажную постройку с каменным небольшим мезонином в 3 окна, украшенным фронтоном. В 1826 г. Кушакевич вытянул мезонин по всему фасаду и украсил здание аттиком. В таком виде скромный дом этот уцелел до нашего времени. В 1917 г. им владели еще Кушакевичи.

В этом доме в 20-х годах XIX столетия жил Михаил Александрович Салтыков, один из образованнейших людей своего времени. С ним жила его дочь, Софья Михайловна, имя которой связано с воспоминанием о любви декабриста Каховского.

В глуши Смоленской губернии, куда приехали на лето Салтыковы, разыгрался кратковременный

---

* Архитектору Демерцову в первые годы XIX века принадлежали также в той же Литейной части два других участка—в Конногвардейской и Солдатской слободках.

роман между этой представительницей аристократической, надменной семьи и бедным отставным армейским поручиком, все богатство которого составляли восторженность и энтузиазм [86]. „Ах, дорогой друг,— писала вскоре Салтыкова своей приятельнице,—что это за человек. Сколько ума, сколько воображения в этой молодой голове! Сколько чувства, какое величие души, какая правдивость! Сердце его чисто, как кристалл... Я почувствовала, что полюбила его всею душою...“ Однако, это увлечение Каховским длилось недолго. Салтыкова знала, что отец ее никогда не даст своего согласия на ее брак с Каховским и поэтому, возвратившись в Петербург, она уже примирилась с мыслью, что их любви настал конец. Вернувшись в город осенью 1824 г., Салтыковы поселились на Литейном пр., ныне пр. Володарского, в доме Гассе, на углу Бассейной, ныне ул. Некрасова, там где памятная доска свидетельствует теперь, что тут жил когда-то Некрасов.

Но экзальтированный Каховский никак не мог примириться с грустным финалом своего увлечения и его пламенному воображению рисовались тайное венчание и бегство на удалой тройке. Каховский последовал за Салтыковыми в Петербург и тут у ворот дома Гассе часто видели тогда высокую фигуру, закутанную в плащ. Это Каховский с таинственным видом передавал прислуге Салтыковых письма для своей возлюбленной. „Одно из двух,— писал он ей,—или смерть или я счастлив вами; но пережить я не умею. Ради бога, отвечайте, не мучьте меня, мне легче умереть, чем жить для страдания. Ах! Того ли я ожидал? Не будете отвечать сего дня, я не живу завтра — но ваш я буду

Дом декабриста А. М. Булатова на Спасской ул., ныне № 1.

и за гробом". Но Салтыкова „отослала это письмо обратно не распечатанным, не имея ни малейшего желания прочесть его",—как она сообщала своей приятельнице.

„Поверженный в совершенное уныние, похудевший, одним словом, как мертвец", грустно влачил свои дни в Петербурге Каховский. К этому тяжелому и мучительному периоду жизни Каховского относится его сближение с членами Тайного Общества.

Отдавшись ему всей душой, он участвовал в собраниях у Рылеева и, поглощенный идеей свержения „самовластья", сам вербовал новых членов Общества. Из-за своей, однако, бедности, Каховский часто вынужден был пользоваться средствами своих сотоварищей по Обществу. Он опасался вызвать их презрение и все же должен был писать Рылееву: „Спаси меня. Я не имею сил более терпеть все неприятности, которые ежедневно мне встречаются... Я не имею даже чем утолить голод. Вот со вторника до сих пор я ничего не ел".

Когда произошли события 14 декабря и Каховский был арестован, как один из главнейших участников восстания, Софья Михайловна была чрезвычайно подавлена его судьбой. К тому времени она стала женой молодого поэта Дельвига. „Это не пылкая страсть, какую я чувствовала к Каховскому,—писала она,—что привязывает меня к Дельвигу,—это чистая привязанность, спокойствие, восхищение, что-то неземное...".

Каховский же, присужденный к смертной казни, нашел свою смерть в июле 1826 г. на кронверке

Петропавловской крепости. Однако, его сотоварищи до конца не изменили своего презрительного отношения к этому нищему, голодному армейцу. Ни события 14 декабря, ни даже предстоящая казнь не соединили их. Осужденные, выведенные на казнь, братски обнялись друг с другом. И только Каховскому, передает легенда, никто, будто, не протянул даже руки.

Когда С. М. Салтыкова вышла замуж за Дельвига, новобрачные первоначально поселились на Миллионной ул., ныне Халтурина, в доме Эбелинг. Они прожили там около года, переехав затем на Загородный пр., в дом купца Кувшинникова (теперь это участок под № 9, близ Пяти углов), где молодой поэт жил еще в свои холостые годы [87].

Отсылая вскоре Бенкендорфу пушкинских „Цыган“ и отрывки из „Онегина“, Дельвиг уже указал свой новый адрес: „на Владимирской улице, близ Коммерческого училища, в доме Кувшинникова“ [88]. Дельвиг часто выполнял подобные поручения своего старого друга, Пушкина, с которым его связывали, с юношеских лет, самые сердечные отношения. В годы совместного пребывания в лицее Дельвиг явился первым ценителем дарований юного Пушкина. Этому не препятствовала глубокая разница характеров обоих друзей. Вот слова самого Пушкина:

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья;
Ты гений свой воспитывал в тиши,

Любопытную параллель между Пушкиным и Дельвигом провел один современник. „Пушкин,—записал он,—быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье. Дельвиг—ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив“. Дельвига, прибавлял он, надобно лично знать, чтобы понять его поэзию [89].

Искавший тишины и уединения, флегматичный Дельвиг никогда не скрывал своей истинно поэтической беспечности и лени:

Блажен, о, юноши, кто подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам;
Кто час любовников пропустит в сладком сне—
И круг простых друзей предпочитает балам.

„В лицее,—рассказывал Дельвиг,—мне запрещали носить очки: зато все женщины казались мне прекрасны; как я разочаровался после выпуска“.

Как сказано было выше, 30 октября 1825 г. Дельвиг соединил свою судьбу с Софьей Салтыковой. Поэт Боратынский, ближайший друг Дельвига, когда-то сосед его по холостой квартире в ротах Семеновского полка, получив известие о предстоящем браке поэта, писал Дельвигу:

Ты распрощался с братством шумным
Бесстыдных, бешенных, но добрых шалунов,
С бесчинством дружеским веселых их пиров,
И с нашим счастьем вольнодумным.

Пушкин, узнав о женитьбе своего старого друга, написал ему: „Целую руку твоей невесте и заочно

люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига". Однако, явившиеся, после свадьбы, у Дельвига новые интересы, невольно отразились на его отношениях с Пушкиным. Последний писал ему вскоре из Михайловского: „Чорт побери вашу свадьбу, вашу свадьбу чорт побери—когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе".

Молодой жене Дельвига было тогда около 20 лет.—„Она была очень добрая женщина,—сообщал современник,—очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, так что часто делала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии. Она много оживляла общество, у них собиравшееся". Действительно, Софья Михайловна была гостеприимной, умелой хозяйкой и салон Дельвига пользовался в литературных кругах столицы значительным весом [90]. Два раза в неделю, по средам и воскресеньям, у Дельвигов собирались друзья. Наиболее частыми посетителями являлись лицейские товарищи хозяина дома—Яковлев, Илличевский, Лангер, Деларю. Тут же бывали и литераторы и писатели, связанные с Дельвигом работой в ряде изданий. Здесь бывали Вяземский и Жуковский. Тут одноглазый Гнедич, разодетый по последней моде, нараспев читал гнусавым голосом свои гекзаметры. В углу мирно дремал Крылов. Рядом зевал Измайлов, с нетерпением поглядывавший на двери столовой, где гостей ожидал всегда вкусный ужин.

Очень короткое время, незадолго до своей смерти, тут запросто бывал молодой поэт Д. Веневитинов. Всегда чрезвычайно любезный с дамами, он оказывал

особое внимание А. П. Керн, жившей по соседству в этом же доме Кувшинникова [91]. В 1828 г., во время своего пребывания в Петербурге, к Дельвигу несколько раз в неделю являлся Мицкевич.— „Вот, кто был постоянно любезен и приятен,—записала Керн.—Он был так мягок, благодушен, так ласково приноровлялся ко всякому, что все были от него в восторге. Часто он усаживался подле нас, рассказывал нам сказки, которые он тут же сочинял."—Действительно, как сообщает А. И. Дельвиг, двоюродный брат поэта, Мицкевич целыми вечерами импровизировал тут повести в духе Гофмана [92].

Но все же самым дорогим гостем дома был Пушкин. Когда поэт приезжал в Петербург, он тотчас же бежал к Дельвигу и друзья, при встрече, плача и смеясь от радости, всегда целовали друг другу руки. Много вечеров провел Пушкин в гостеприимном доме Дельвига. В октябре 1827 г. он явился однажды к своему другу с человеческим черепом в руках и, протянув его Дельвигу, воскликнул:

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву;
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу...

Оказалось, что этот череп принадлежал одному из предков Дельвига, погребенному в Риге, и был там похищен поэтом Языковым, тогда еще дерптским студентом. Пушкин добыл его уже у своего приятеля Алексея Вульфа, избравшего череп местом хранения табака. Тут же, за обедом у Дельвига,

череп превратили в чашу и из нее присутствующие выпили здоровье праздновавшего в этот день именины двоюродного брата хозяина дома.

В 1830 г. у Дельвига можно было встретить молодого провинциала, только что входившего тогда в столичную литературную семью. На его смешную фигуру смотрели с недоумением. Даже имя его казалось необыкновенным—Гоголь.

Но к этому времени Дельвиг оставил уже дом Кувшинникова. С ноября 1829 г. он жил в стоящем тут же поблизости на Загородном пр., против Владимирской церкви, небольшом доме купца Тычинкина. Тут попрежнему продолжали собираться друзья и часто бывало шумно и оживленно, так как квартира Дельвига являлась тогда и конторой редакции издававшейся поэтом „Литературной Газеты“. Ею руководили Дельвиг и Вяземский. Ближайшее же участие в газете принимал и Пушкин. Сюда приходили подписчики, тут торговались книгопродавцы и спорили авторы статей. Низко склонившись над письменным столом, близорукий Дельвиг, одетый в малиновый шелковый халат, подолгу правил здесь корректуры.

Однако „Литературная Газета“ просуществовала недолго. По проискам врагов газеты, Бенкендорф давно уже искал повода закрыть ее. Он воспользовался, наконец, появлением в газете совершенно невинных стихов Делавиня. Вызвав к себе тогда Дельвига, введенного к нему с жандармами, начальник III Отделения крикнул поэту: „Что, ты опять печатаешь недозволенное?.. Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь“. Эта оскорбительная, ничем не вызванная, выходка так подей-

ствовала на Дельвига, что он тяжело заболел. 14 января 1831 г. его не стало.

По словам Анненкова, Дельвиг „заперся в своем доме, завел карты, дотоле невиданные в нем, никуда не показывался и никого не принимал, кроме своих близких. Под действием такого образа жизни и глубоко почувствованного огорчения, можно было опасаться, что первая серьезная болезнь унесет все его силы. Так и случилось—болезнь не заставила себя ждать и быстро свела его могилу". Большую, однако, роль сыграли тут также и недоразумения, происходившие между супругами, столь несходными по своим характерам, и, конечно, на здоровьи Дельвига гибельно отразились огорчения, так часто причинявшиеся ему Софьей Михайловной.

За три месяца до свадьбы Дельвиг писал своей невесте: „Нет жертв, которых я не принес бы за твое счастье. Для тебя только живу и жить буду. Цель моей жизни будет одна: до гроба стараться быть тобою любимым. Я уверен, что не изменишь мне... Я отдался тебе на жизнь или на смерть. Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сделать высочайшим счастливцем, или скорее скажи: умри, друг—и я приму это слово, как благословение".—Дельвига не стало.

Прошло немного лет и имя поэта потонуло в лучах славы его великого сотоварища.—Но небольшой старинный дом, свидетель последних дней поэта, стоит и поныне на Загородном пр., на углу Щербакова пер., ныне № 1. Характерно, что оба здания, стоящие на Загородном, на углах Щербакова, совершенно одинаковы и, следует полагать, оформлены одним и тем же зодчим. Несмотря на их

видимую простоту, обе постройки являются образцом хорошо продуманной архитектуры первых лет XIX века (в доме № 1 часть дворовых построек носит следы значительно более ранней эпохи). Дом, связанный с именем Дельвига, во время мировой войны был приобретен Литературно-Художественным Обществом, решившим сломать дом и выстроить на его месте четырехэтажное здание под театр, кинематограф, артистическое кабарэ и т. д., но планы эти не были осуществлены [93].

Расположенные недалеко от Загородного пр. тихие роты Семеновского полка воскрешают перед нами образ ближайшего друга Дельвига—поэта Боратынского. Он жил тут в 5-й роте, в доме придворного кофишенка Ежевского (на нынешней Рузовской ул.). Старик Ежевский знал когда-то еще в Гатчине отца поэта, павловского служаку, и развлекал своего молодого жильца рассказами о былом времени.

Одно время с Боратынским жил здесь и сам Дельвиг и от этого времени сохранилось известное стихотворение, рисующее жизнь молодых поэтов:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карманы (перчаток они не имели),
Шли и твердили шутя: какое в россиянах чувство!

Дом Тычинкина на Загородном пр., ныне № 1.

Здесь умер А. А. Дельвиг.

Государственная Академия
Интерпретаторский Кабинет
— 14 —

Вскоре с Боратынским поселился Лев Сергеевич Пушкин, также, как известно, не имевший никогда денег. Было время, когда всюду задолжав, друзья питались одним вареньем, которое отпускал им еще в долг соседний доверчивый лавочник. И это варенье, да еще несколько „промысленных“ где-то бутылок малаги, являлись тогда всей их пищей [94].

Но бедный деньгами Боратынский был богат в друзьях.—Кюхельбекер, Плетнев, Дельвиг, А. С. Пушкин все они дарили его искренней и глубокой дружбой. По словам современников, все существо поэта было проникнуто неизъяснимой прелестью. Его взор „горел тихим пламенем“, бледное задумчивое лицо было чрезвычайно привлекательно.

Но шумное веселье окружавшей его молодежи мало радовало поэта:

Но я безрадостно с друзьями пел:
Восторги их мне чужды были.

Недолго прожил поэт в тихих ротах Семеновского полка. Переведенный унтер-офицером в Финляндию, он расстался в начале 1820 г. с Петербургом. И покидая этот город, где он оставлял много близких своему сердцу, он писал Дельвигу:

Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой,
Товарищ радостей минувших,
Товарищ ясных дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувших?..

Пять лет провел Боратынский в Финляндии и Петербург за это время видел лишь урывками. Произведенный в 1825 г. в офицеры, он вышел

в отставку и поселился в Москве. Но когда смерть внезапно настигла поэта во время его путешествия по Италии, его прах был перевезен в Петербург, где и покоится в „городе мертвых“ Невского монастыря.

В его груди любила и томилась
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
Поэзией дыша.

Воспоминанием о пушкинском Петербурге служил также, всего два десятка лет назад, небольшой старинный двухэтажный желтый дом под красной крышей, в Большом Казачьем пер., близ Гороховой [95]. Этот дом, стоявший на последнем участке, на левой стороне переулка, сменило недавно совершенно новое здание.—В пушкинское же время расположенный тут дом принадлежал купцу Дмитриеву и тут четыре года прожила любимая сестра А. С. Пушкина—Ольга Сергеевна Павлищева.

Брак ее свершился тайно, против воли родителей. Следует думать, что на этот шаг Ольгу Сергеевну, главным образом, толкнула совершенно невыносимая домашняя обстановка, созданная матерью, так как сам Павлищев был человек заурядный и мало привлекательный.

Озабоченный, после венчания, приисканием квартиры, Павлищев остановил свой выбор на небольшом доме Дмитриева в Казачьем пер. А. С. Пушкин сначала часто навещал тут свою сестру, но с течением времени его визиты стали все реже. Однако любимую сестру поэта навещали часто его друзья.—Я полюбил в тебе сначала брата,—сказал Вяземский,—брат

по сестре еще мне стал милей". Своим умом и любезностью Ольга Сергеевна сумела привлечь в свою небольшую квартиру ряд художников и литераторов. Ее любили и уважали за ее ласку, за обходительность, в ней ценили чуткого, доброго человека.

Тут в маленьком домике Дмитриева целыми вечерами просиживал М. И. Глинка, восхищая всех своей блестящей игрой. Иногда здесь устраивались веселые любительские концерты, оживлявшиеся участием молодого певца Иванова, впоследствии известного европейского тенора. Часто бывал у Павлищевых Мицкевич, долгие часы молча проводивший с хозяином за шахматной доской. Когда же бесконечная партия кончалась, он, уступая просьбам хозяйки, дарил слушателей своими вдохновенными импровизациями. Приходил сюда и Жуковский, читавший здесь свои баллады. Они сменялись скоро стихами Дельвига. Поэт часто привозил к Павлищевым свою жену, Софью Михайловну, и А. П. Керн. Но жене Дельвига померещился здесь однажды в темном коридоре какой-то страшный старик, с хохотом будто-бы преградивший ей дорогу. Она так была напугана этим привидением, что уже никогда не решилась больше переступить порога павлищевского дома.

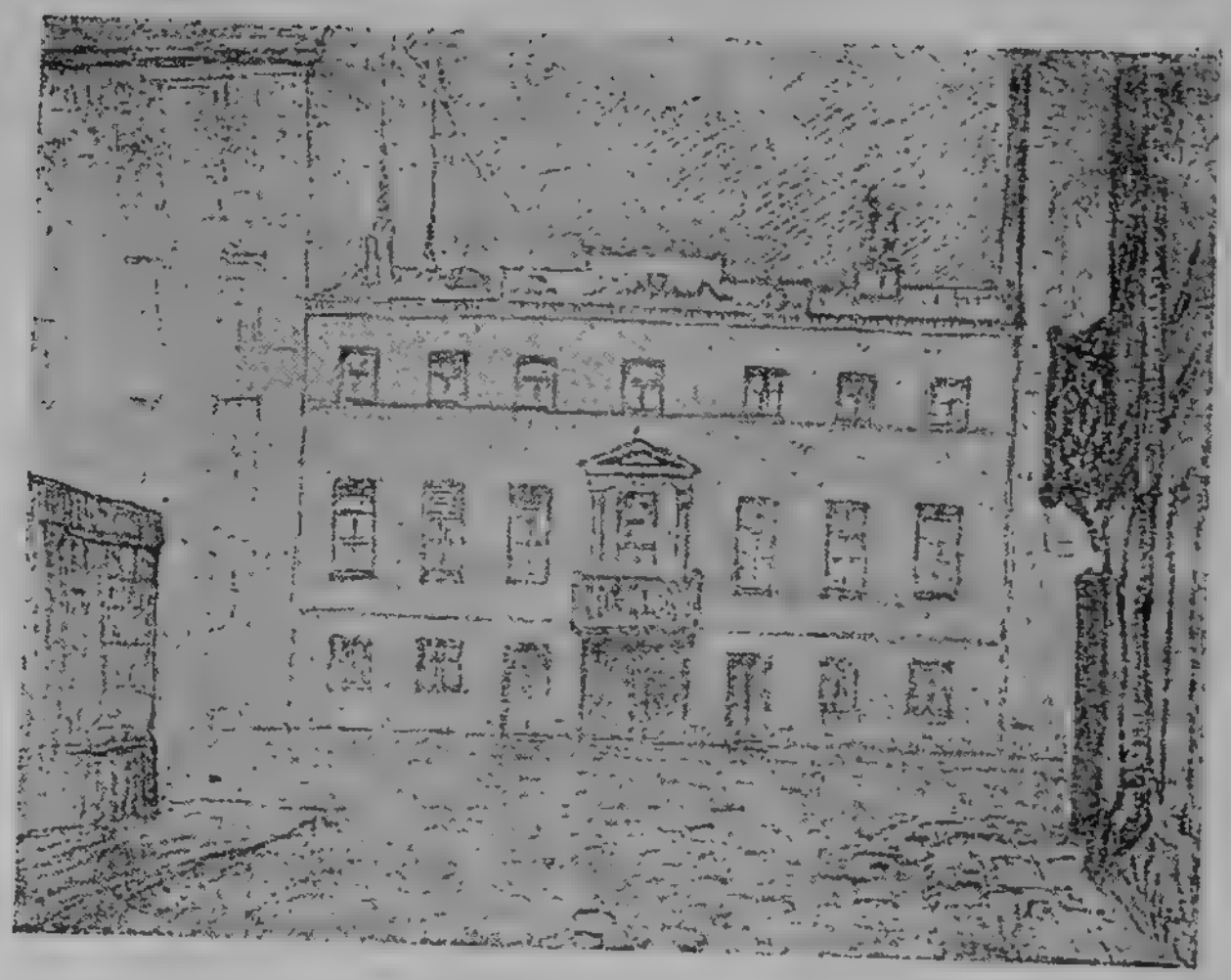
Добрым гением этого дома являлась милая няня Пушкиных, Арина Радионовна, переехавшая в квартиру Ольги Сергеевны тотчас после замужества своей любимицы. Ей недолго, однако, суждено было прожить в доме Ольги Сергеевны. В середине 1828 г. скромная похоронная процессия проводила прах доброй старушки к месту ее последнего упокоения на Большеохтенском кладбище. Когда год спустя

до поэта Языкова дошла весть о кончине няни Пушкина, он сказал:

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.

Но ему не суждено было разыскать эту могилу. Она затерялась и мы так и не знаем в точности места, где покоится прах няни Пушкина, подруги его суровых дней.

Свыше трех с половиной лет прожила еще в доме Дмитриева Ольга Сергеевна. Выезжая в конце июля 1832 г. к родителям в Михайловское, она заливалась слезами, прощаясь с домом, где она оставляла столько милых ее сердцу воспоминаний. Ей казалось, рассказывал ее сын, что комнаты, окна, двери дмитриевского дома все шептали ей: „Зачем и на что ты нас покидаешь?“



Дом архитектора Ф. Демерцова на Кирочной ул., ныне № 10

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На углу Исаакиевской пл., ныне пл. Воровского, и Почтамтской ул., ныне ул. Союза Связи, стоит великолепный особняк, принадлежавший когда-то Нарышкиным. Нельзя не отдать справедливости большому чувству понимания красоты его строителем, сумевшим создать это скромное, изящное здание без каких-либо вычурных украшений; вся отделка его ограничивается хорошими наличниками, двумя небольшими колоннами, поддерживающими балкон, и несколькими лепными панно. Но мы не знаем ни

имени его строителя, ни хотя бы приблизительной даты сооружения здания. Следует, вернее всего, относить его к началу 60-х годов XVIII века. Но едва ли имеются достаточные основания приписывать эту постройку Деламоту или Ринальди, как это делает А. Н. Бенуа [96].

Дидро в одном из своих писем к знаменитому создателю „Медного Всадника", Фальконету, писал: „По правде, потомство было бы неблагодарным, если-б забыло меня, меня, так много думавшего о нем" [97].

Поэтому, говоря об обитателях нарышкинского дома, надо на первом месте вспомнить, конечно, великого энциклопедиста, являвшегося некоторое время гостем Нарышкиных.—Дидро приехал в Петербург по приглашению Екатерины II и, остановившись у Нарышкиных, встретил там самый радушный прием. С чувством живейшей признательности писал он 9 апреля 1774 г. своей жене о хозяевах этого дома: „Они (Нарышкины) были так добры ко мне, обходились со мною, как с братом, поместили у себя, кормили и вообще содержали меня на всем готовом в течение пяти месяцев". Тут, на сохранившемся до нашего времени балконе, можно было часто видеть Дидро, с любопытством наблюдавшего оттуда жизнь северной столицы. Лицо философа невольно привлекало к себе внимание.—„У меня был большой лоб,—писал он Екатерине,—очень живые глаза, довольно крупные черты, голова совершенно характера голов древних ораторов, добродушие, очень близко приближавшееся к глупости... У меня было сто различных физиономий в день, смотря по предмету, каким я был занят"...

В этом доме Нарышкиных Дидро много работал. Здесь им был составлен, по поручению Екатерины, ряд проектов по развитию в России народного просвещения. Много времени посвятил он также вопросу об улучшении положения крестьян, мучившихся под игом крепостного права. Однако, Дидро не удалось осуществить ни одного из намеченных им проектов и он уехал, негодуя в душе на императрицу, обманувшую его ожидания.

Когда, при внуке Екатерины, началась борьба с Наполеоном, в доме Нарышкиных можно было часто видеть энергичную фигуру известного прусского государственного деятеля Штейна, приехавшего к Александру с планами спасения Европы. И любопытно было наблюдать здесь его беседу с другим врагом Наполеона, знаменитой г-жей де-Сталь, с которой он впервые познакомился в стенах нарышкинского дома. „Я не думаю,—записал, однако, наблюдательный Штейн,—чтобы она могла пользоваться здесь большим вниманием, ибо никто не занят литературою и женщины ведут праздную жизнь". У Нарышкиных бывала и дочь г-жи де-Сталь, приезжавшая сюда со своим воспитателем, знаменитым Августом-Вильгельмом Шлегелем. Этот прославленный критик и историк литературы, в белоснежных чулках и башмаках с золотыми пряжками, ничем не напоминал, однако, немца, а скорее утонченного и жеманного французского аббата. Раздававшиеся часто в доме Нарышкиных либеральные речи, критиковавшие политику Александра, чрезвычайно пугали Шлегеля. Он боязливо озирался кругом и шептал: „Тише! Тише! В России есть уши за каждою дверью и занавескою".

Но вот поникли гордые орлы наполеоновской гвардии и нахлынувшие в северную столицу иностранцы стали поспешно разъезжаться. К тому времени дом на Исаакиевской пл. переменил уже своих владельцев.—Подобно всем русским аристократам, Нарышкины мало дорожили созданным талантливым архитектором прекрасным зданием, в котором жили их предки, и продали своей дом Мятлевым.

Мало что изменилось здесь с переменой владельцев. Дом по-прежнему был наполнен картинами, статуями и разными редкостями, вывезенными из Италии. Одной из достопримечательностей его была хозяйка, Прасковья Ивановна Мятлева, известная в городе своим пристрастием к сырой рыбе. Ее стеклянные глаза и громадный горбатый нос придавали ей, по словам одного современника, вид какого-то старого попугая, украшенного огромным чепцом с оранжевыми лентами. В те годы у Мятлевых можно было часто встретить Пушкина, доброго приятеля сына Прасковьи Ивановны, Ивана Петровича, небезъизвестного стихотворца своего времени, „клоуна русской поэзии". Это о нем писал Вяземский Пушкину, приглашая его обедать к Мятлеву:

Любезный родственник, поэт и камергер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер...

Добрый приятель литераторов и музыкантов своего времени, автор чрезвычайно популярной тогда книги „Сенсации и замечания г-жи Курдюковой заграницею, дан л'этранже", Мятлев пользовался в Петербурге очень большими симпатиями, хотя часто разыгрывал в обществе роль шута. Он обла-

дал недурными сценическими способностями и в доме его матери часто ставились любительские спектакли с участием автора „Курдюковой“. В день рождения старой Мятлевой на сцене появилась однажды сама Курдюкова, украшенная мушкой, разодетая в чепец, белую юбку и черный бархатный „шпенсер“. Это был сам Мятлев, прочитавший главу из „Курдюковой“ [98].

Рядом с мятлевским домом возвышается громадное здание германского посольства, построенное немецким архитектором Беренсом [99].

Место это принадлежало посольству еще с начала 70-х годов и до перестройки тут стояло красивое, одноэтажное, угловое здание с „мезонинами“ по 5 окон на Морскую ул. и площадь. Участок этот был приобретен посольством от кн. Львовой, дочери Павла Константиновича Александрова. Это был сын цесаревича Константина Павловича и известной красавицы Ульяны Фридрихс, жены фельдъегеря. Крестник Александра I, молодой полковник л. гв. Конного полка устраивал у себя большие вечера, украшением которых являлась его жена, блестящая красавица Анна Александровна, урожденная Щербатова. Ей когда-то посвятил Лермонтов свои стихи--„Поверю-ль я, чтоб вы хотели покинуть общество Москвы“.

Дальше, два рядом стоящие дома по Морской ул., ныне ул. Герцена,— это редкое наследие Монферрана (кроме его собственного дома на Мойке, домов Лобанова-Ростовского и дачи Зиновьевых на Неве он не оставил других частных построек)--здание

итальянского посольства (№ 43) и дом Гагариной (№ 45) [100]. Оба они были выстроены Монферраном для известного богача Демидова и с несомненностью подтверждают крупный талант зодчего. В доме посольства, с его богатой внутренней отделкой и прекрасным малахитовым залом, [101] чрезвычайно удачно задумана центральная часть фасада. Его ворота, балкон, фонтаны, амуры—все это гармонично сочетается тут в единое целое. Как передает актер Лаферрьер, в Петербурге тогда говорили, что этот дом обошелся Демидову в два миллиона руб. серебром [102]. Не уступает этому дому в красоте стоящая рядом другая постройка Монферрана, с пышным аттиком [103].

Тут, на Морской, Демидов устраивал грандиозные приемы, на которых бывала вся столица [104]. Сильным магнитом, притягивавшим сюди гостей, была жена Демидова, урожденная Шернваль. Также, как и воспетая Лермонтовым сестра ее Эмилия, Аврора Шернваль отличалась большим умом, хорошим образованием и необыкновенной красотой. Виельгорский, в честь ее, сочинил даже „Мазурку Авроры“. А Боратынский, находясь уже в изгнании, воскликнул: „Выдь, дохни нам упоеньем, соименница зари“...

Но судьба, щедро оделившая Аврору, сулила ей ряд тяжелых испытаний. Ее первый жених умер как только она стала его невестой. Второй жених также умер за несколько дней до свадьбы. Выйдя, наконец, замуж за известного богача и мецената П. Н. Демидова, она овдовела через четыре года. В 1846 г. она вышла замуж за чрезвычайно образованного, умного и обаятельного человека—Андрея Карамзина, старшего сына историка. Но ее

счастье было недолговечно.—В 1854 г. полковник Карамзин погиб в Каракальском деле, на пушке, защищая ее от турок.—Передавали, что башибузуки, захватив его в плен, сорвали с него всю одежду. Когда же какой-то турок покусился на висевший на его груди золотой медальон с портретом Авроры, Карамзин, вырвав у него саблю, убил его. Карамзина изрубили тогда в куски.—Вдова его была безутешна в своем горе и провела остаток своей жизни в уединении. Ей суждено было потом пережить еще одно несчастье—смерть сына.

Не одну лишь Аврору Шернваль воспел среди петербургских красавиц Боратынский. Ряд блестящих стихов посвятил он также и известной Аграфене Закревской, образ которой встает перед нами при виде большого темного здания под № 5 на Исаакиевской пл. (ныне Институт Истории Искусств на пл. Воровского).

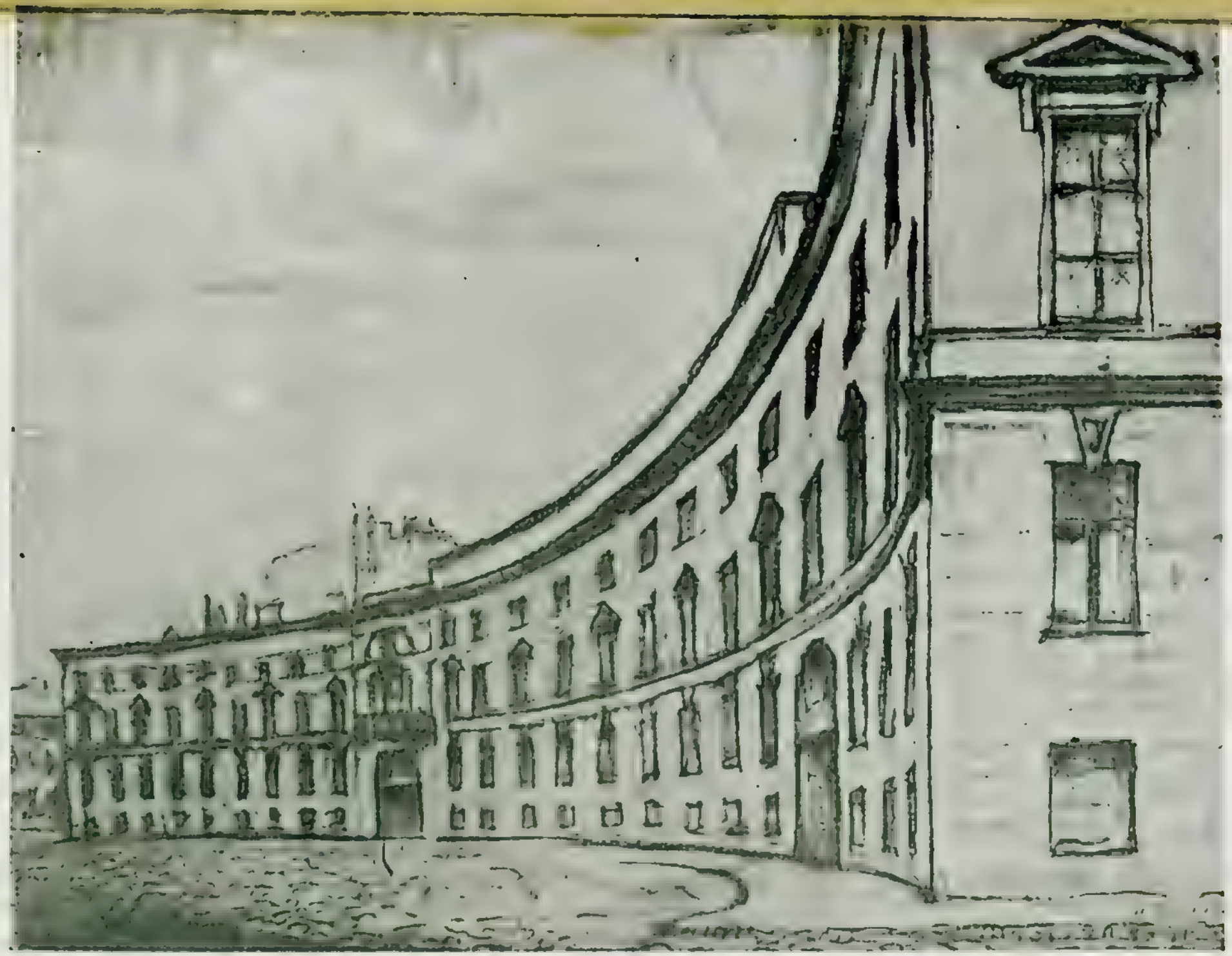
В последние годы XVIII столетия и в течение первого десятилетия следующего века, стоявший тут трехэтажный дом принадлежал камергеру, а впоследствии тайн. советнику Нащокину [105]. В 20-х годах владельцем его оказался стат. советник Путятин, которому принадлежал также бывший дом Клокачева на Фонтанке, где свои юные годы, по окончании лицея, провел Пушкин.

В начале 30-х годов дом этот перешел к Закревскому. Министр внутренних дел при Николае I, прозванный „Чурбан-Паша“, он был уволен за неумение справиться с холерной эпидемией, несмотря на ряд предпринятых им крутых и жестоких мер в отношении населения. Страдая от бездействия,

Закревский занялся вскоре различными работами по отделке дома. Все они показались ему, однако, недостаточными и он в 1843 г. решил совсем перестроить дом. Новый проект был осуществлен академиком Боссе, являвшимся, вместе со Штакеншнейдером, самым модным архитектором 40-х годов. Боссе поднял тогда на одну сажень фасад лицевого флигеля и произвел ряд надстроек надворных корпусов. В своем заново отделанном роскошном доме Закревской возобновил большие балы.

В дни приемов, на площадке расходящейся маршами на обе стороны лестницы, на фоне тропических растений, ярко выделялась стройная фигура пленительной хозяйки дома, в голубом тюрбане и необычайных жемчугах.

Одно время „сей Клеопатрою Невы“ был сильно увлечен Пушкин [106]. Но это не помешало Закревской избрать его поверенным ее сердечных тайн. И „сгорая пламенем любви, потупя голову ревниво“, поэт молил ее: „но прекрати свои рассказы; таи, таи свои мечты: боюсь их пламенной заразы, боюсь узнать, что знала ты“. И поэт завидовал счастливцу, „при ком любовью млеешь явно, чьи взоры властвуют тобой“. Таким счастливцем был одно время поэт Боратынский, очарованный этой красавицей, то „плакавшей, как Магдалина, то хохотавшей, как русалка“. Вся молодежь того времени была безумно увлечена „медной Венерой“, как назвал Закревскую в письме к Пушкину Вяземский, и в часы дневных приемов сюда, к дому Закревских, съезжалась вся блестящая молодежь столицы. А в неурочные часы, тени неудачливых поклонников



Дом Устиновых на Фонтанке, ныне № 92.

Здесь жили родители А. С. Пушкина.

бродили у колонн строящегося собора, в надежде хоть издали увидеть свою избранницу.

Эта „беззаконная комета в кругу расчисленном светил“ приводила в смущение петербуржцев вплоть до 1848 г.—Когда на Западе разразилась революция и ее раскаты донеслись до России, Николай, обеспокоенный настроением умов в Москве, вспомнил о своем опальном крутом министре и назначил его московским генерал-губернатором. Расставшись со своим домом, Закревские уехали тогда в Москву, где грубый произвол и ничем не прикрытый шпионаж ознаменовали собой управление Закревского. Его безграничный деспотизм дал право одному остряку сказать, что Москва стала не только святой, но и великомученицей.

Однако, этот капризный деспот был совершенно жалок в своей семье. Он был не только совсем беспомощным перед причудами своей „Грушеньки“, доставлявший ему не мало огорчений, но трепетал даже перед своим камердинером Матвеем. Много неприятностей причиняла ему и дочь. Из-за ее долгов Закревский вынужден был продать за бесценок, 70 тыс. руб., свой дом в Петербурге известному откупщику Кокореву. А тот через четыре года, в 1855 г., продал его уже за 140 тыс. руб. купцу Голенищеву [107].

При новом владельце была произведена пристройка во дворе большой стеклянной галлереи, украшенной вазами, статуями и т. д. и здесь разместилось испанское посольство. Когда, однако, в конце 60-х годов дом перешел к гр. Зубову, внешний вид здания был значительно изменен по проекту архитектора Шульца. Фасад его украсили

тогда гирляндами и пилястрами, соорудили громадный балкон и увенчали здание наверху большим лепным гербом [108]. Скромный особняк Закревского так „разделали“, что немногое напоминает нам теперь тот дом, в котором некогда царила прекрасная Аграфена, с своей „пылающей душой“.

Рядом с бывшим домом Закревских на Исаакиевской пл., на углу Почтамтской ул., ныне ул. Союза Связи, стоит большой темный дом, принадлежавший, до революции, Китнерам.

В XVIII веке домом этим владел бригадир Пуговишников [109], от которого он перешел к Булатовым (владевшим также описанным выше домом на Спасской ул., где они сами жили). После трагического самоубийства в казмате Петропавловской крепости декабриста А. Булатова, его младший брат, решив навсегда расстаться с ненавистным ему Петербургом, продал в 18 6 г. дом ламповому мастеру Китнеру за 120 тыс. рублей [110].

Тут вскоре открылась одна из первых в Петербурге музыкальных школ [111]. В этом же доме поместилась мастерская часового мастера Штейнера, продававшего в 1837 г. „астрономические часы годового завода, с планетами: солнцем и луною, как на небеси“ [112]. В 1848 г. Китнеры надстроили, со стороны Исаакиевской пл., пятый этаж с овальными окнами, изменив таким же образом окна четвертого этажа.

Дом Булатовых интересен нам, как последнее местопребывание декабриста А. И. Одоевского. Он занимал здесь в 1825 г. большую квартиру в восемь комнат—целый этаж. Блестяще образо-

эскизы и незаконченные картины. Это была квартира известного художника Боровиковского и здесь помещалась его мастерская.

Первоначально он жил на Почтамтской ул. в „доме его высокородия и кавалера Львова, в Почтовом стану". Но уже 1798 г. застает Боровиковского на Миллионной, в „доме придворного мундкоха господина Верта" (ныне № 12 по ул. Халтурина). Тут когда-то была мастерская художника Лампи; от него она перешла к Боровиковскому, проведшему в доме Верта тридцать лет и пережившему владельцев дома. Однообразно и печально протекала тут жизнь художника. Мало оживления вносили и жившие у Боровиковского ученики, боявшиеся шуткой или смехом потревожить своего учителя *. Друзей у него почти не было. Весь день его был посвящен работе. Но не напрасно художник отдал искусству всю жизнь. Его творения и поныне являются непревзойденными образцами портретной живописи.

И эти молодые красавицы с длинными локонами, строгие кавалерственные дамы, надменные сенаторы с обрюзгшими лицами, все они приобретали бессмертие, промелькнув в скромной мастерской художника на Миллионной. Давно превратившись в прах и пыль, они все еще жили в творениях художника, застыв в своих улыбках, с приветствием на только что, казалось, умолкнувших устах. И эти уста, „шептавшие слова любви и уста, произносившие проклятья крепостному веку, очи, за которые жертвовали жизнью, и грозные очи, пред которыми трепетали подвластные люди — все это было здесь живое".

* В числе их был известный впоследствии художник Венецианов.

Дом Тычинкина на Загородном пр., ныне № 1.
Здесь умер А. А. Дельвиг.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

В течение всей первой четверти XIX века у небольшого дома придворного мундкоха Верта на Миллионной ул. собиралась обычно по субботам толпа нищих [125]. Длинной вереницей тянулись они по всей лестнице. Раздача милостыни шла медленно, так как распределявший ее пожилой человек, раздавая на кухне деньги, беседовал подолгу с каждым из нищих, зная многих из них даже по имени. В маленькой кухонке суетилась пожилая стряпуха, пахло борщом и украинским салом. В скромной квартире повсюду расставлены были мольберты, висели

время небольшим двухэтажным строением в 7 окон, с небезъинтересными пилястрами и наличниками. Посреди возвышалось высокое крыльцо со ступенями, спускавшимися по обеим сторонам подъезда. Сооружение дома надо относить к первой половине XVIII века и здание это, вероятно, в свое время являлось одной из лучших частных построек острова. Старинный дом этот был крыт черепицей и только весной 1824 г. его перекрыли железом. Сохранившийся в бывшем архиве городской управы чертеж фасада гурьевского дома, относящийся к упомянутому году, воспроизводится при настоящей работе. Этот небольшой домик, с очень высокой крышей, устоял на углу 7-линии и Глухого переулка, теперь Днепровского, вплоть до девятисотых годов. Лишь в 1907 г. аптекарь Пель (один из его предков, также аптекарь,—владел уже этим участком в 50-х годах XIX века) путем пристроек и перестроек превратил небольшой домик Гурьева в пятиэтажный дом. Тут теперь возвышается громадное здание аптеки.

годам каторжных работ, а Михаил и Николай— к двадцати годам каждый. Двое последних пережили мать, но ей суждено было узнать о смерти Петра и Александра.

Первый сошел с ума на Кавказе и умер в Петербурге, в сумасшедшем доме. На Кавказ же был переведен рядовым из Сибири и брат его, Александр Бестужев-Марлинский, талантливый писатель. Там, получив известие о трагической смерти Пушкина, он написал старшему брату Николаю, остававшемуся в ссылке: „В монастыре св. Давида на могиле Грибоедова слушал я панихиду, которую просил служить в память Пушкина; когда священник возгласил за упокой боярина Александра и боярина Александра, я заплакал, зарыдал; мне казалось, мне чувствовалось, что отец духовный уже поминает и меня“ [122].—Предчувствие его не обмануло. Полгода спустя после смерти Пушкина, не стало и Александра Бестужева.—Беспросветная жизнь на Кавказе, без какой-либо надежды на изменение судьбы, довела его до отчаяния и он в стычках с горцами стал искать смерти. Наконец, при взятии мыса Адлер, Бестужев с мужеством отчаяния, устремился глубоко в ряды горцев и был изрублен в куски.—Получив известие о его смерти, А. В. Никитенко с горечью отметил в своем дневнике: „Новая потеря для нашей литературы: Александр Бестужев убит. Да и к чему в России литература!“ [123].

После жестокого несчастья, постигшего Бестужевых, мать и сестры их переехали на 15-ю линию, в дом купца Штильцова [124], оставив навсегда дом Гурьева, с которым у них было связано столько грустных воспоминаний.—Дом Гурьева был в то

ближе с хозяином, слушая, как он деклимировал свою только что оконченную поэму „Войнаровский“ [120].—На счастье в архиве сохранился фасад этого дома на Мойке, точно рисующий внешний вид последнего жилища Рылеева, места постоянных собраний членов Тайного Общества.

Как упоминалось уже выше, в этом доме Российско-Американской Компании на Мойке жил в дни восстания и декабрист Александр Бестужев. Но подлинным „гнездом Бестужевых“ в Петербурге являлся в то время небольшой, скромный домик мещанина Гурьева на 7-й линии Васильевского острова (ныне это участок № 18), где жила со своими многочисленными детьми мать декабристов, Прасковья Михайловна Бестужева. Там у окон гурьевского дома часто сидел будущий декабрист Н. А. Бестужев, в раздумьи глядя на церковь, на оживленный Андреевский рынок. Иногда к Н. Бестужеву присаживался „брат Александр“ или „брат Михаил“. К ним присоединялась их сестра, Елена Александровна, „Лиошенька“, как звали обожавшие ее братья. Начиналась оживленная беседа, завязывались споры, строились планы на будущее.

Внешне жизнь здесь текла тихо и ничто не предвещало грозных событий. 13 декабря, накануне восстания, тут скромно обедал Рылеев. В тот же день сюда заезжали Батенков и Пущин[121]. А через день грозный удар разразился над семьей Бестужевых. Много слез пролила в гурьевском доме старая мать, оплакивая горькую судьбу своих сыновей.—Петр был разжалован в рядовые и послан на Кавказ, Александр присужден к пятнадцати

в бурных волнах этого моря, кипящего страстями и побуждениями".

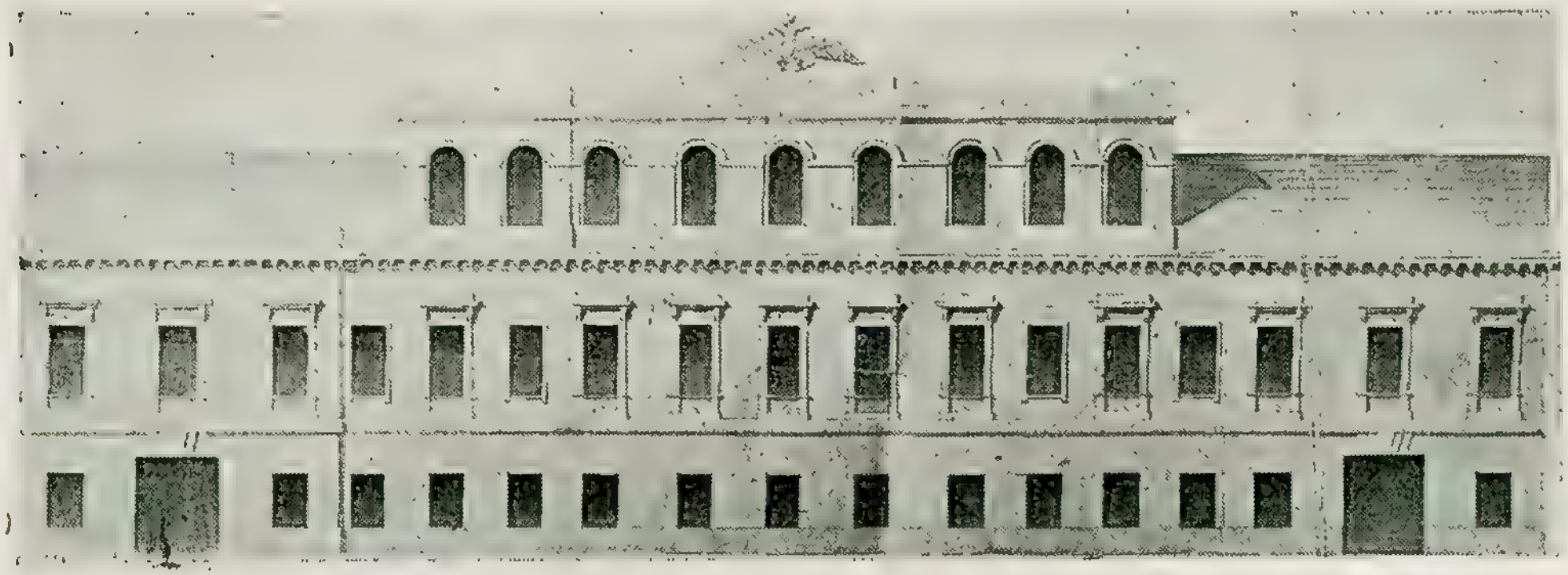
При всей своей восторженности, Рылеев, однако, пон[illegible] инное положение вещей.

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи. когда была
Без жертв искуплена свобода?

Возможность неудачи первой попытки не страшила Рылеева.—„Предвижу, что не будет успеха,—говорил он,—но потрясение необходимо. Тактика революций заключается в одном слове: дерзай, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других". Опасения Рылеева оправдались, „успеха" не было.

В первую же ночь после событий в дом Компании к Рылееву явился обер-полицеймейстер, предъявивший приказ об аресте. Рылеев наскоро оделся, обнял жену и дочь и быстро направился к выходу.—Завеса истории опустилась.

Теперь, при виде этого дома на Мойке, в памяти встает образ молодого энтузиаста, заплатившего жизнью за мечты о свободе.—В то время окна дома были защищены, как рассказывал А. Никитенко, железной решеткой. „Теперь дом перестроен, но он долго был для меня предметом скорбных воспоминаний и я не мог пройти мимо без сердечного волненья. Было одно окно особенно: оно выходило из кабинета, где я познакомился



Здание Российско-Американской Компании на Мойке, ныне № 72.

Здесь жил К. Ф. Рылеев.

Архив Лен. Отд. ком. хозяйства.

Здание перестроено.

вестна. Ежедневно в два часа у него происходили тут „русские завтраки“, на которых собирались его ближайшие друзья. Эти завтраки так назывались не потому, что тут неизменно угощали водкой, кислой капустой и ржаным хлебом. „Русскими“ они назывались потому, что здесь собирались лучшие представители свободомыслящей России. Душой собраний был Рылеев, с его образной, вдохновенной речью. Тут бывали сотоварищи его по Тайному Обществу, а также и виднейшие писатели и литераторы того времени—Гнедич, Ф. Глинка, Дельвиг, Грибоедов и др. Здесь однажды Лев Сергеевич Пушкии, брат поэта, прочитал из „Онегина“ разговор Татьяны с няней, приведший в восторг слушателей.

Когда умер Александр I и члены Тайного Общества решили использовать благоприятный момент для поднятия восстания, тут у Рылеева 13 декабря состоялось известное заседание, предрешившее события на Сенатской площади.

— „Шумно и бурливо,—рассказывал М. Бестужев,—было совещание накануне 14 декабря. Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочно высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобоисполнимые предложения и распоряжения... Зато как прекрасен был в этот вечер Рылеев. Он был нехорош собой, говорил просто, но не гладко, но когда он попадал на свою любимую тему—на любовь к родине—физиономия его оживлялась, черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава... Его лик, как луна, бледный, но озаренный каким-то сверхъестественным светом, то появлялся, то исчезал

ими [119]. Приобретенный Компанией дом представлял собою тогда двухэтажное строение в 13 окон, с „мезонином“. 19 марта 1828 г. Компании было разрешено произвести пристройки, по 2 окна, с обеих сторон здания, и „привести в лучший вид распространением мезонина“. Проект нового фасада принадлежал тит. советнику Урениусу. В 1853 г. здание было украшено пилястрами, посреди был устроен новый подъезд и изменен установленный вверху герб.

В 60-х годах владельцем дома стал небезъизвестный сенатор Г. П. Митусов, внук знаменитого „кнутобойца“ С. И. Шешковского, „домашнего палача кроткой Екатерины“, как выразился о нем Пушкин. Митусовы недолго владели этим домом, продав его в 1875 г. Обществу заклада движимых имуществ (ломбарду). В 1909 г. дом этот принял настоящий вид.

Даже несколько измененный, он все же представляет для нас большой интерес. В 1824 г. Правителем канцелярии Российско-Американской Компании стал К. Ф. Рылеев, поселившийся здесь в казенной квартире, в нижнем этаже дома; во время наводнения 1824 г. его библиотека чрезвычайно пострадала от воды, достигшей в комнатах полутора аршина высоты.

В октябре того же года на обеде у директора Компании Прокофьева, Г. Батенков спросил у А. Бестужева, где живет Рылеев. Тот многозначительно ответил: „внизу до времени“. Там же, „внизу до времени“, в первом этаже дома жил тогда и сам А. Бестужев.

Квартира Рылеева на Мойке была хорошо из-

Недалеко от булатовского дома на Исаакиевской пл., связанного с горькой летописью жизней Кюхельбекера и Одоевского, жил на Мойке, у Синего моста, „Шиллер заговора"—Рылеев.

Этот дом на Мойке (ныне № 72) выстроен был в конце XVIII века и принадлежал в свое время екатерининскому вельможе Каштанинскому, славившемуся, как сообщает Корф, „своим распутством, карточной игрой и небольшим ростом". Этот свой маленький рост он передал по наследству и своему сыну, известному А. Н. Оленину, с матерью которого, урожденной Волконской (теткой декабриста), в замужестве Олениной, Каштанинский находился в близких отношениях. По отъезде Каштанинского в 1798 г. в его смоленские имения, дом его на Мойке был приобретен Александром Воронцовым, канцлером начала александровского царствования, братом известной Дашковой. Человек не чуждый либеральных тенденций, он переписывался с Вольтером и д'Аламбером и покровительствовал Радищеву, назвавшему Воронцова „душесильным" человеком. В то же время Воронцов был ярым противником французской революции и ненавидел „жакобитов". Но „плуг худо пахал в запряжке старого быка с юным" и старику Воронцову было трудно работать с сильной „молодой" партией, окружавшей Александра I. Скоро его уволили в отпуск, „на сколько ему угодно", и Воронцов уехал в свое имение, где и умер в 1805 г.

После его смерти владельцем этого дома стала Российско-Американская Компания, учрежденная в конце XVIII века для промыслов на американских островах морских и земных зверей и торговли

дил на целый день и возвращался в квартиру часу в первом или втором ночи".

14 декабря Кюхельбекер явился на Сенатскую площадь, где и был замечен „в числе мятежников с пистолетом".—„По рассеянии их картечами", он зашел в булатовский дом, надел нагольную шубу своего человека и, взяв у Синего моста извозчика, отправился к Обухову мосту. Пройдя оттуда переулками заставу, он ушел пешком за город.

Счастливо избежав в дальнейшем преследований, Кюхельбекер сумел добраться до Варшавы и был близок уже к границе. Однако, вследствие своей неосторожности, он был опознан и отправлен в Петербург, в Петропавловскую крепость. Десять лет провел он в казематах крепостей, узнав темницы Шлиссельбурга, Динабурга, Ревеля и Свеаборга.

С „14 декабря" для Кюхельбекера остановилось время. Он с полным правом писал Пушкину из Динабургской крепости: „Для меня время не существует: через десять лет или завтра для меня à peu près все равно... Вообще я мало переменился: те же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в лицее. Стар я только стал, больно стар"... В этом заживо погребенном человеке продолжало, однако, жить горячее чувство любви к своим старым друзьям. Смерть Пушкина он почтил полными глубокой скорби стихами:

Он воспарил к заоблачным друзьям—
Он ныне с нашим Дельвигом пирует.
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует,
Я жадно руки простираю к ним.

речью. Отправленный, наконец, рядовым на Кавказ; он скончался в 1839 г. в Псезуапе от местной лихорадки. Через час после смерти у него на лбу выступил крупными каплями пот, а тело все еще оставалось теплым. Бросились за лекарями; их прибежало несколько человек, но все меры оказались тщетными, смерть не вернула своей жертвы [116]. Опального поэта похоронили у самого берега моря.

Трогательными стихами оплакал Лермонтов смерть Саши Одоевского:

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!

Но и после смерти прах поэта не обрел покоя.—Укрепление, где была его могила, вскоре перешло к горцам.—Когда русские войска вернулись туда—могила Одоевского оказалась разрытой. И праха его не нашли.

Не с одним Одоевским связаны скорбные воспоминания этого дома на Исаакиевской пл. Он вошел также в летопись жизни другого декабриста и поэта В. К. Кюхельбекера. Весной 1825 г. он „квартировал“ в казармах Морского экипажа [117]. Прожив затем лето на даче у Греча, [118] он осенью переехал в город. Однако, занимаемая им квартира была сырая и Одоевский предложил Кюхельбекеру у себя комнату. Переехав к нему, Кюхельбекер, этот безнадежный поклонник муз, по словам своего слуги, „с утра до первого или второго часу занимался сочинениями и, сидя в квартире, писал, потом выхо-

ванный человек, даровитый поэт, он был близок к „вольнодумной“ молодежи того времени. Его мысли о современной ему России хорошо передает недавно опубликованное стихотворение „Молитва русского крестьянина“. Вот ее перевод с французского:—„Я орошал землю потом своим, но ничто производимое землей не принадлежит рабу. А между тем наши господа считают нас по душам; они должны были бы считать только наши руки. Моя суженая была красива,—они отправили ее в Москву к нашему молодому барину. Тогда я сказал себе: есть бог для птицы, есть бог для растений, но нет бога для раба. Прости меня, о боже, в милосердии твоем. Я хотел молиться тебе, и вот—я возроптал на тебя“ [113].

Вступив в члены Тайного Общества, Одоевский принял участие в восстании 14 декабря. Когда мятежники были рассеяны картечью, Одоевский, направившись в Екатерингоф, по собственному рассказу, „пошел, куда глаза глядят. На канаве, переходя ее, попал в пролубь; два раза едва не утонул, стал замерзать, смерть уже чувствовал; наконец высвободился, но совсем ума лишенный“ [114]. Совершенно обессиленный Одоевский добрался, наконец, до своей тетки Ланской. Однако, муж ее не только не оказал ему никакой помощи, но не дав Одоевскому ни отдохнуть, ни поесть, сам отвез его на допрос во дворец. Ланская же, после ссылки Одоевского на каторгу, унаследовала его состояние [115].

Там, в рудниках Сибири, он познал „край, слезам и скорби посвященный“... Кто бы узнал, через десять лет, в мрачном, больном каторжнике прежнего Сашу, с его веселым смехом, с увлекательной

Но не изумительная техника и не чарующие переливы красок являются наиболее характерными в творениях Боровиковского. Его портреты всегда выявляют внутренний мир его оригиналов. Однако, во всех его работах есть что-то жутко общее. Боровиковский кажется иногда каким-то „семейным художником", писавшим представителей лишь одной и той же семьи. Так много общего между его портретами и так верно сумел он передать в своих произведениях современную ему эпоху. Но как часто с картин Боровиковского смотрят хитрые и плотоядные лица, улыбаются чувственные губы и смеются циничные глаза. И никогда самые откровенные мемуары современников не расскажут нам об александровской эпохе той правды, которую передал нам в своих портретах великий художник.

Но всякий, кто внимательно всматривался в творения Боровиковского, знает, как, к концу его жизни, стал гаснуть этот замечательный талант. Его нелюдимость и постоянное одиночество сблизили его с мистическим и хлыстовским кружком известной Татариновой. Он стал писать для своих новых собратьев иконы и распятия, пред которыми те били по пять тысяч поклонов. Но как далеки были теперь эти произведения художника от творчества его прежних лет. И злой рок мистики, погубивший четверть века спустя гениального русского сатирика, погубил теперь величайшего русского живописца.—Боровиковский стал суеверен, целыми днями молился и ходил на хлыстовские радения в Михайловский замок. Там он пророчествовал, становился перед Татариновой на колени и целовал ее руки. А вернувшись домой, „приходил в сокрушение",

плакал, давал обет уйти в монастырь.—А к ночи пил.

Он скоро умер тут, на Миллионной, и смерть его прошла незамеченной.

Тут же на Миллионной, ныне ул. Халтурина, против дома Верта, где столько лет жил Боровиковский, до нашего времени сохранился небольшой четырехэтажный дом № 9, украшенный балконами, с великолепными старинными решетками.

В течение четверти столетия, с конца XVIII века, домом этим владел известный композитор Бортнянский, директор придворной капеллы, занимавший тут весь бель-этаж. Это был человек чрезвычайно образованный, долго учившийся заграницей и еще в Италии проявивший свой большой талант. Отличаясь художественным вкусом, он собрал у себя в доме великолепную картинную галлерею. Стремлением к „прекрасному и совершенному“ проникнуты и музыкальные произведения Бортнянского. Знаменитая Каталани признавалась, что прекраснее она никогда ничего не слышала. Композитор был чрезвычайно любим своими певчими, „почитавшими Бортнянского отцом“. Почувствовав, в один из последних дней сентября 1825 г., приближение смерти, он вызвал своих певчих сюда, в свой дом на Миллионной. Они окружили его постель и запели любимый, им же сочиненный концерт „Всякую прискорбна еси, душе моя“. И с последними звуками концерта, сердце Бортнянского перестало биться[126].

Недалеко от дома, где скончался композитор, в небольшом Мошковом пер., ведущем к набережной, в скромном доме гофмаршала Ланского, жил

в 20—30-х годах кн. В. Ф. Одоевский, разносторонне образованный человек, даровитый писатель, тонкий музыкант. Враг предрассудков и честолюбия, „брат всякого человека“, Одоевский не любил ни света, ни своего титула (он был последним представителем рода кн. Одоевских). Женившись на Ольге Степановне Ланской [127], он поселился в Мошковом пер., в доме тещи, „на чердаке“, как называл его квартиру Плетнев [128]. Действительно, занимаемый им скромный флигель, с подъездом с Мошкова, состоял всего из нескольких комнаток. Две маленькие внизу служили для приема гостей. Наверху помещался кабинет князя, наполненный книгами *. Здесь у своего письменного стола он проводил целые дни и так же, как у Гофмана, на его коленях неизменно сидел черный кот—„Kater Murr“. Он отличался, вероятно, от своего ученого собрата лишь тем, что не умел читать книг из библиотеки своего хозяина.

„Когда я первый раз был у Одоевского,—рассказывал современник,—он произвел на меня сильное впечатление. Его привлекательная, симпатическая наружность, таинственный тон, с которым говорил он обо всем на свете, беспокойство в движениях человека, озабоченного чем-то серьезным, выражение лица, постоянно задумчивое, размышляющее,—все это не могло не подействовать на меня. Прибавьте к этому оригинальную обстановку кабинета, уставленного необыкновенными столами, с этажерками и с таинственными ящичками и углубле-

* Одоевскому принадлежит выражение—„библиотека—великое кладбище человеческих мыслей“.

ниями; книги на стенах, на столах, на диванах, на полу, на окнах—и притом в старинных пергаментных переплетах, с писаными ярлычками на задках... различные черепа, какие-то необыкновенной формы стклянки и химические реторты *. Меня поразил даже самый костюм Одоевского: черный, шелковый, вострый колпак на голове и такой же, длинный до пят, сюртук—делали его похожим на какого-нибудь средневекового астролога или алхимика".

Раз в неделю, по субботам, у Одоевского собирались гости. Бывали тут и важные сановники в расшитых мундирах, а также и представители литературы и науки. Тут читал свои басни Крылов и играл на виолончели Виельгорский. Здесь запросто бывал и Пушкин, добрый знакомый хозяина дома, сочинивший тут в декабре 1836 г., вместе с Вяземским, Жуковским и Виельгорским, известный канон в честь М. Глинки:

Веселися Русь! Наш Глинка—
Уж не Глинка, уж не Глинка, а фарфор.

Бывала у Одоевских и жена поэта—Наталья Николаевна Пушкина. Ее встретил здесь однажды В. В. Ленц, оставивший весьма любопытное описание этой встречи: „Однажды вечером, в ноябре 1833 г., я пришел к Одоевскому слишком рано. Княгиня была одна и величественно восседала перед своим самоваром; разговор не клеился. Вдруг—

---

* Одоевский был большим любителем химии и по составленным им специальным рецептам, угощал на своих обедах такими соусами, что В. Сологуб, через сорок лет, не мог вспомнить их без отвращения.

никогда этого не забуду—входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал... Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского Музея, с которой я хорошо был знаком. Князь Григорий (Волконский) подошед ко мне, шепнул на ухо: „Не годится слишком на нее засматриваться“ [129].

Одоевский жил в доме Ланских до начала 40-х годов, переехав отсюда на Фонтанку, к Аничкову мосту, в дом Долгорукова [130], а потом на Литейный, в дом Шлиппенбаха (где жил впоследствии Некрасов). Там попрежнему у него собирались друзья, искавшие общества этого просвещенного человека, когда-то доброго знакомого Пушкина и Грибоедова. Недаром из далекой ссылки писал ему Кюхельбекер в 1845 г.: „Тебе и Грибоедов и Пушкин и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художеству, красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас“.

Одоевский действительно был счастливее своих друзей, дожив до момента крестьянских реформ. С живейшей радостью встретил он осуществление своей, когда-то казавшейся несбыточной, мечты. А когда в середине 60-х годов ретроградное дворянство пожелало повернуть назад колесо истории, Одоевский открыто восстал против его требований, вызвав яростный протест тогдашних крепостнических кругов. Но Одоевский „всю жизнь боролся против неправды и не мог молчать, и слова его, как

всегда, звучали глубокой искренностью". Не напрасно сказал он как-то: „Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови".

Вблизи дома Ланского, где жил Одоевский, по другую сторону ул. Халтурина, под № 26 стоит большой трехэтажный дом, сооруженный известным зодчим Луиджи Руска [131]. Здесь, как обычно это делал Руска, ярко подчеркнута коринфской колоннадой центральная часть здания. Однако, некоторая сухость пропорций, отсутствие фронтона и последовавшее недавно изменение карниза придают зданию несколько скучный и ординарный вид. Памятник пышных построек XVIII века простоял нетронутым свыше ста лет. Когда же он в 1914 г. перешел к вел. кн. Андрею Владимировичу, предприимчивый владелец решил снести здание и выстроить на его месте доходный дом. Новая постройка была уже утверждена городской управой по проекту архитектора Алексеева и лишь вспыхнувшая война и разразившийся строительный кризис предотвратили гибель здания *.

Этот участок принадлежал в конце XVIII века Пажескому корпусу. Следующим владельцем его, в первые годы XIX века, явилась вдова доктора Эбелинг.

---

* Это здание уцелело, следовательно, случайно. А сколько погибло интересных и ценных памятников архитектуры лишь по недомыслию, а иногда преступной алчности „августейших особ" и представителей виднейшей русской аристократии. Вспомним варварскую переделку при Александре III Аничкова дворца и уничтожение при Николае II блестящей отделки царскосельского александровского дворца, работы Кваренги. Вспомним постройку этнографического музея, так иска-

Осенью 1825 г., после своей женитьбы на С. М. Салтыковой, здесь нанял квартиру Дельвиг. 30 сентября он сообщил своей невесте: „С помощью Амальи Ивановны я квартиру нашел, и прекрасную. Красить нечего, она чиста, как игрушечка и в ней будет стыдно не жить опрятно. Она на большой Миллионной, в доме г-жи Эбелинг, в третьем этаже [132]. Вскоре Софья Дельвиг писала одной своей приятельнице: „У нас очаровательная квартира, небольшая, но удобная; веселая и красиво омеблированная. Я не дождусь, когда буду в ней с моим Антошей, моим ангелом-хранителем". Однако Дельвиги, как сказано выше, прожили на Миллионной недолго, переехав в сентябре 1826 г. на Загородный проспект [133].

В 30-х годах дом Эбелинг перешел к прославленному русскому хирургу первой половины XIX века, известному лейб-медику Арендту. Этот „баснословно счастливый оператор" имел грандиозную практику в городе, как среди богатых, так и между бедными, часто снабжая последних даже лекарствами. Рано утром отъезжала здесь от подъезда карета Арендта и доставляла его домой лишь поздним вечером. Характерную фигуру Арендта, в фор-

---

зившего благородные пропорции россиева Михайловского дворца. А разве не приходят на память бессмысленное уничтожение Строгановыми очаровательной дачи, выстроенной когда-то для их же предков на Черной речке Воронихиным, полная переделка нарышкинского дома на Фонтанке и застройка Шереметевыми своего прекрасного старого сада на Литейном пр. Характерно, что старик Шереметев противился этой застройке, но на ней настояло молодое поколение, желавшее даже выстроить в саду театр на 1500 человек.—Н. Лансере. „Фонтанный дом". Записки Гос. Русского музея. 1928 г., т. I, стр. 79.

менном сюртуке, с Владимиром на шее, можно было тогда встретить у постели каждого тяжело больного в Петербурге.—Она подолгу склонялась и над раненым Пушкиным, когда Арендт принял на себя главное руководство его лечением. Но, как гласит документ—„Г-н Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему Его Пр-м господином лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни". И все искусство знаменитого Арендта тут оказалось бессильным...

Рядом, в соседнем доме перчаточного мастера Деринга, жил один старик, с которым всегда чрезвычайно почтительно раскланивался Дельвиг.

С тростью этого дельвиговского соседа весьма близко были знакомы все окрестные мальчишки, с большим трепетом поэтому ожидавшие всегда его приближения. Старик часто лишь поздней ночью возвращался к себе домой и если ему не отворяли быстро дверей, он поднимал невероятный шум, неистово стуча своей палкой в ворота. Он был одет обычно в меховой архалук. Высокие, туго накрахмаленные воротнички на половину закрывали его впалые щеки. Сердитые глаза вечно горели каким-то необычайным огнем. Длинный горбатый нос, острый выдающийся вперед подбородок и темные волосы выдавали его южное, должно быть, французское происхождение. Он имел привычку, при ходьбе, совершенно необычайно выворачивать ноги, отбрасывая их в сторону. При этом его еще постоянно с ног до головы передергивало. Прохожие, при виде старика, всегда боязливо сторонились, принимая его, если не за помешанного, то во вся-

ком случае за больного пляской св. Вита. А он, быстро несясь по улице, вскрикивал поминутно: „Canaille! ah, canaille!“

„Малый,—спросил раз один купец у высунувшегося напротив из дверей приказчика,—что это за образина?“—„Да это известный балетчик, француз Дидло,—ответил приказчик.— Они по субботам сами забирают у нас одеколонскую воду“.

Фасад переделывающегося в настоящее время на ул. Халтурина четырехэтажного дома под № 30, украшенный в центре крупными окнами, вероятно, мог быть разрешен своим строителем более удачно. Во всяком случае, здесь не приходится жалеть стоявшего тут, до переделок, небольшого двухэтажного домика, совсем не отличавшегося какими-либо архитектурными достоинствами. Его, однако, нельзя обойти молчанием при обозрении улицы, так как в этом скромном доме долгое время жила когда-то знаменитая Авдотья Голицына, прозванная „Princesse Nocturne“, „Княгиня Полночь“.

Дочь сенатора Измайлова, выданная замуж за ограниченного и неинтересного кн. Голицына, она оставила вскоре мужа и, купив около 1809 г. у подполковника Семеновского полка И. Л. Альбрехта его особняк на Миллионной, зажила тут отдельным домом [134].

Свое прозвание она получила от привычки превращать день в ночь и принимать своих гостей только по ночам.—Это было следствием предсказания цыганки, что княгиня умрет ночью.

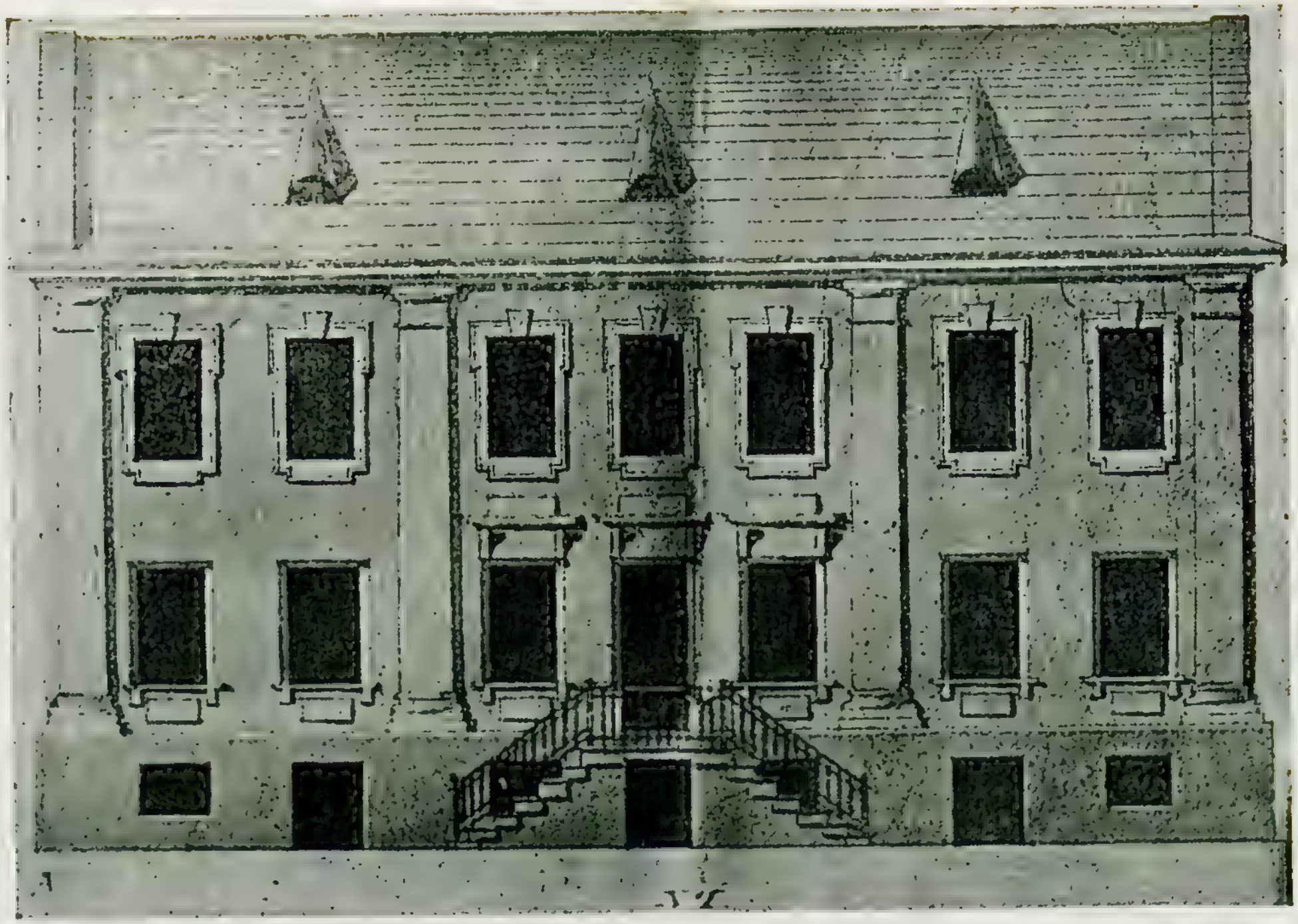
Дом Голицыной на Миллионной, артистически украшенный кистью и резцом лучших русских худож-

ников, славился по всему городу. Все было тут „изящно, но строго“. Тут на Миллионной собиралось тогда по ночам все, что было интересного и образованного в Петербурге. Здесь бывали Карамзин, Жуковский и Вяземский. Молодой Пушкин уплатил также дань увлечения красавицей (ее прекрасный портрет оставил известный художник Реберн) и в 1817 г., как сообщал Карамзин, был „смертельно влюблен в Пифию (Голицына носила и такое прозвание) и теперь проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви“. Но скоро уже Пушкин писал:

...Отечество почти я ненавидел,
Но я вчера Голицыну увидел—
И примирен с отечеством моим.

Однако, княгиня была старше поэта почти на 20 лет, и эту дань „обворожительной, как свобода“, красавице восемнадцатилетний Пушкин платил, конечно, недолго.—Но с уходом Пушкина салон Голицыной не опустел. Другие, более верные поклонники, продолжали наполнять его. Явились и новые друзья. Здесь вскоре Александр Тургенев слушал впервые чтение Грибоедовым его бессмертной комедии.—Но, помимо литературы, хозяйка дома очень любила высшую математику и философию и вела о них со своими друзьями нескончаемые беседы. Считая себя большим знатоком этих вопросов, она печатала даже свои „научные труды“. Однако, в ученом мире эти сочинения княгини вызывали одни лишь улыбки.

Так шли годы, Александра I сменил Николай. Многое изменилось тогда в Петербурге. Однако,



Дом Гурьева на 7-й линии Васильевского острова, ныне № 18.

Здесь жили декабристы Бестужевы.

Архив Лен. Отд. ком. хозяйства.

Здание не существует.

Государственная Академия

ночные собрания у Голицыной продолжались. Но эти постоянные вечерние съезды не могли, наконец, не обратить на себя внимания III Отделения, всюду видевшего, после декабрьского восстания, заговорщиков. И тогда для наблюдения за домом Голицыной был приставлен специальный секретный агент. Об ее образе жизни он так сообщал по начальству: „Княгиня Голицына, жительствующая в своем собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как уже по известности, имеет обыкновение спать день, а ночью заниматься компаниями, и такое употребление времени относится к большому подозрению, ибо бывают в сие время особенные занятия какими-то тайными делами“ [135].

Но агенты Бенкендорфа не помешали Голицыной приглашать своих друзей и ее собрания продолжались.—Так прошли годы. В Персии был убит Грибоедов, пуля Дантеса не пощадила Пушкина, погиб на дуэли Лермонтов.—А собрания на Миллионной все не прекращались и у голицынского подъезда попрежнему по вечерам стояли кареты. Ее средство—не спать ночью—оказалось, значит, верным—смерть все не приходила, время забыло о ней.

Наконец, когда Голицыной наступил уже восьмидесятый год, „пришла та, которой с юных лет так боялась princesse Minuit, пришла смерть. Но когда она переступила порог голицынского дома, она сама устрашилась своей добычи. Смерть увидела перед собой разодетую в яркие цвета отвратительную, безобразную старуху.“ Кто бы узнал в ней прежнюю красавицу, некогда „la belle de nuit!“.

Рядом с бывшим домом Голицыной на ул. Халтурина, ранее Миллионной, на углу Зимней канавки, возвышается четырехэтажный дом. Значительно пострадавший в годы разрухи, он недавно совершенно восстановлен.

Здание это по Миллионной и Зимней канавке имело первоначально лишь три этажа. В 1833 г. чьей-то уверенной рукой дом был переделан и над ним надстроили четвертый этаж. Впоследствии надстроили и корпус по Мойке.—В конце XVIII века дом этот принадлежал надворной советнице Дуроп. Следующим его владельцем явился известный масон кн. И. А. Гагарин. Поклонник искусства, учредитель Общества поощрения художеств, большой театрал, он увлекся знаменитой трагической актрисой Семеновой. Прожив с ней неразлучно 15 лет, Гагарин имел от нее сына и трех дочерей, носивших имена Стародубских. Семенова долго не соглашалась выйти замуж за Гагарина, опасаясь, что титул княгини заставит ее расстаться со сценой. Только в 1828 г. она стала Гагариной. Ряд лет жизни великой артистки в Петербурге связан с этим домом, так ярко вызывающим в нас ее величественный образ.

Необычайна судьба этой женщины.—Мать ее, по имени Дарья, была крепостной крестьянкой одного смоленского помещика. Вместе с другим дворовым человеком, Семеном, она была отослана помещиком в Петербург, к учителю кадетского корпуса Жданову.—Это был подарок за воспитание сына. Вскоре новый владелец выдал ее замуж за Семена. Это произошло как раз, когда она готовилась стать матерью ребенка, отцом которого являлся сам Жда-

нов. Родившаяся дочь, названная Катериной, была вскоре отдана в театральную школу. — Это и была будущая „Семенова большая“, „Семенова - Траге-дия“.

Высокая, стройная красавица с синими глазами и черными, как смоль, волосами, она производила чарующее впечатление. Попеременно—Федра, Клитемнестра, Медея—она казалась моделью изваяния древнего скульптора. „Какой голос! Какое чувство! Какой огонь!—восклицал актер Шушерин.— Стоя на коленях надо было смотреть ее“. В Москве она однажды с таким чувством бросилась на сцене к трупу Танкреда, что „все зрители были в ужасе и невольно приподнялись с своих мест“. Пушкин верно сказал, что „говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой — и, может, быть только о ней“. Когда артистка сошла уже со сцены и жила в Москве, великий поэт поднес ей своего „Бориса Годунова“ с надписью: „Княгине Екатерине Семеновне Гагариной от Пушкина, Семеновой — от сочинителя“.

Соперница Жорж и Рашель, Семенова еще в расцвете своих сил оставила сцену. Ее гордость и тщеславие не могли примириться с наступившим охлаждением публики, с уменьшением триумфов. Великая актриса, дебюты которой на сцене вызывали когда-то трепет и восхищение, на закате своих дней была забыта. Смерть ее прошла незамеченной. Приехав в Петербург по делам своей дочери, она скончалась здесь в 1849 г. в третьем этаже углового дома у Обухова моста, в небольшой скромной квартире.

Муж артистки, при жизни своей, продал этот свой дом на Миллионной ул., дачу на Аптекарском острове

и обширную подмосковную, передав все полученные деньги жене. Где сохранялись они, были ли положены в банк или, по тем временам, в ломбард, осталось неизвестным. Но ни завещания, ни денег, ни квитанций нигде не нашли. [136] Все исчезло, как бесследно исчезла с театральной сцены сама великая артистка, не оставившая после себя ни школы, ни достойных преемников. Яркой кометой осветила она русскую сцену и, как комета, внезапно исчезла.

Строитель пышного дома Эбелинг на Миллионной, связанного с именем Дельвига, архитектор Луиджи Руска, соорудил, в начале XIX века, на Екатерининском канале, ныне кан. Грибоедова, на углу Итальянской, теперь ул. Ракова, великолепный дом иезуитов, блеснув разнообразием его обоих фасадов. По красоте своих пропорций это здание может поспорить с домом Бобринских на Галерной и церковью „всех скорбящих“, прекрасными творениями того же талантливого зодчего. Путешественники с удивлением гово, или об этом здании, „где украшенный колоннами фасад возвещал скорее жилище принца, чем нескольких служителей Христа“ [137]. Действительно было странно смотреть на этот дворец, выстроенный общиной монахов, давших когда-то обет нищеты. Между тем, эти смиренные монахи владели в России на правах помещиков, 14 тыс. душ крестьян и имели ежегодно 700 тыс. руб. доходов.

Этот дом на Екатерининском кан. обязан своим существованием патеру Груберу, пользовавшемуся особым фавором у Павла и испросившему у императора позволение выстроить здесь новое здание

иезуитского коллегиума. Этот угловой участок был в 1801 г. продан казною иезуитам за 20 тыс. рублей [138]. Здание коллегиума было закончено уже в царствование Александра I и в начале 1803 г. здесь открылся благородный пансион для знатного русского юношества.

Не прошло и двух лет, как пансион этот оказался переполненным молодыми аристократами—Голицыны, Вяземские, Одоевские, Гагарины, Толстые, Строгановы, Шуваловы и множество других—стали обучаться тут иезуитскими патерами *. Представители древних русских родов молились по латыни, читали евангелие по латыни и во время католической мессы прислуживали в церкви патерам [139]. Каждому воспитаннику предоставлена была там отдельная комната, но входная дверь в них снабжена была небольшим отверстием для наблюдения брата-гувернера. И этот, поминутно светившийся испытующий глаз, приводил в трепет даже самых исполнительных и скромных воспитанников [140].

Но не долго благоденствовал иезуитский орден в великолепном доме, построенном Руска. В марте 1805 г., в возникшем внезапно ночью пожаре, погиб патер Грубер. А несколько лет спустя, недоверчиво относившееся к деятельности иезуитов правительство решило выслать их из Петербурга. 16 декабря 1815 г. в коридорах иезуитского дома за-

---

* Родители А. С. Пушкина специально ездили в Петербург для переговоров об определении сюда их сына и только открытие лицея изменило их планы.—П. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПБ. 1855 г., стр. 15.—А. С. Пушкин записал в своей автобиографии: „Меня везут в Петербург. Езуиты. Тургенев. Лицей".

стучали солдатские шаги — все иезуиты были арестованы. А через неделю, во избежении отговорок святых отцов в неподготовленности к внезапному выезду, патеры, одетые в казенные шубы и теплые сапоги, были отвезены в Полоцк и Витебск. Ученики их были распущены по домам, училище закрыто. Коллегия иезуитов на канале перестала существовать [144].

Дальше по каналу, на углу Инженерной ул., возвышается новое здание филиала Русского Музея, так называемый „Дворец искусств“. Когда-то на этом участке, еще в екатерининское царствование, стоял дом садовых служителей [142]. При Александре I, в дни господства религиозно-мистических настроений, стоявшее тут здание было передано Библейскому обществу, ставившему себе задачей распространение среди народа библии [143]. Однако Николай I, опасаясь широко развившейся деятельности общества, основавшего 289 своих отделений, закрыл его, вскоре по своем вступлении на престол [144]. Дом Библейского общества перешел тогда в казну и здесь разместилась типография Собственной е. в. канцелярии [145]. Сюда в казенную квартиру въехал вскоре управляющий типографией М. Л. Яковлев, товарищ юности Пушкина [146]. Это был известный „лицейский староста“, восторженный хранитель школьных преданий и устроитель лицейских собраний—„годовщин 19 октября“, связанных с днем основания лицея. Яковлев был очень любим своими товарищами за свой веселый нрав и всякие затеи, заслужив прозвание „паяса“. У него тут постоянно собирались

друзья, играл М. И. Глинка, пела звучная скрипка самого хозяина.

Когда наступил 1836 г., с его 25-летием со дня основания лицея, решено было, по примеру прежних лет, торжественно отпраздновать этот день в „лицейском подворье“ у Яковлева, на Екатерининском канале.

19 октября 1836 г. у Яковлева днем стали собираться лицейские первокурсники. Сначала было шумно; шутили, выпили процветание лицея, здоровье отсутствующих товарищей. Но когда вспомнили Кюхельбекера, томившегося на поселении в Сибири, шутки смолкли. Все задумались.—Пушкин был мрачен, какие-то смутные, тяжелые предчувствия волновали его. К нему приступили с просьбой прочесть стихи. Он вынул из кармана сложенный лист, долго его не раскрывал, наконец, стал читать. И тут зазвучали прекрасные слова:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой...
Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы перебесился:
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш,
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим...

Но при первых же словах его грустной элегии, слезы полились из глаз поэта. Он опустил бумагу на стол и, отойдя в темный угол, бросился на диван. Элегия оборвалась, голос Пушкина смолк.—А через три месяца, уста, которые могли бы сказать еще так много, умолкли навсегда. И лицейский товарищ Матюшкин писал Яковлеву: „Пушкин убит—Яковлев, как ты это допустил—у какого подлеца поднялась на него рука! Яковлев, Яковлев, как ты мог это допустить? Наш круг редеет, пора и нам убираться".

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Дом Муравьевой на Фонтанке . . . . . 2—3
Калинкин мост в Коломне, на Фонтанке 11
Дом Клокачева на Фонтанке . . . . . 16—17
Дом А. Н. Оленина на Фонтанке . . . . . 24—25
Дом А. Н. Голицына на Фонтанке 31
Дом Мижуева на Фонтанке . . . . . 50—51
Дом принцессы „Зельмиры“ (Вюртембергской) на Моховой ул. . . . . 60—61
Дом Бибиковой на Гагаринской ул. 73
Дом Алымовой на Фурштадтской ул. . . . . 84—85
Дом А. М. Булатова на Спасской ул. . . . . 90—91
Дом Тычинкина на Загородном пр. . . . . 100—101
Дом Ф. И. Демерцова на Кирочной ул. 105
Дом Устиновых на Фонтанке . . . . . 112—113
Дом Российско-Американской Компании на Мойке . . 120—121
Дом Тычинкина на Загородном пр. 125
Дом Гурьева на 7-й линии Васильевского острова . . 136—137

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. П. П. Вяземский. Сочинения СПБ., стр. 489.—См. также Указатель Петербурга С. Аллера на 1823 г.
2. П. Щеголев. Пушкин и мужики. М. 1928 г., стр. 160.
3. Пушкарев. Путеводитель по Петербургу. СПБ. 1843 г., стр. 74.
4. Однако, в объявлении о сдаче в этом доме бель-этажа в 1839 г. квартира показана состоящей из 5 комнат.— „СПБ. Ведомости“ от 25 октября и 7 ноября 1839 г.
5. Общий морской список. 1890 г., IV, стр. 88.
6. История Правительствующего Сената. СПБ. 1911 г., V, стр. 154.
7. К. Нистрем. Адрес-календарь СПБ. жителей. СПБ. 1844 г., т. II, стр. 40. „Росси, Карл Ив., кол. сов.“, показан проживающим „по Фонтанке, III Адмир. ч., 4 кварт., близ Калинкина моста, дом Трофимова, № 160“.
8. К. Росси родился в Неаполе 18 декабря 1775 г.— V. Suboff. Carlo di Giovanni Rossi. Ein Beitrag zur Geschichte der Auflösung des petersburger Empire. St. P. 1913, s. 7.
9. Н. Врангель. Русский музей Александра III. СПБ. 1904 г., т. I, стр. XIII.
10. Переписка Грота с Плетневым. СПБ. т. II, стр. 693; „Черновые заметки П. Анненкова о Пушкине“. Б. Модзалевский. Пушкин. Лгр. 1929 г., стр. 200.
11. „Наша Старина“. 1917 г., I, стр. 28; Н. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л. 1929 г., стр. 86.
12. Таковы сведения о Стройновском, сообщаемые племянником его жены („Исторический Вестник“. 1881 г., XI, стр. 560). Однако, согласно списку сенаторов (История Правительствующего Сената. СПБ. 1911 г., т. V, стр. 151) Стройновский умер 12 ноября 1834 г. Документы же архива городской управы свидетельствуют лишь, что Стройновский владел этим домом на Фонтанке в 1822 г. В 1827 г.

дом этот значится уже принадлежащим тит. советнику Смирнову. Последний приобрел его от некоего поручика Воробьева, к которому дом этот перешел от Стройновского. Надо, в таком случае, думать, что, продав свой особняк, Стройновский приобрел себе в Петербурге новый дом, но где стоял он—об этом не сохранилось сведений. Во всяком случае Стройновский владел еще этим домом в 1825 г.—Так, из этого собственного дома отъезжал в июне месяце заграницу „тайный советник Стройновский с супругой, дочерью и сестрою жены своей Татьяною Александровной, дочерью генерал-лейтенанта Буткевича.“—„СПБ. Ведомости“. 1825 г., стр. 576.

13. В 1806 г. здесь стояло двухэтажное здание; в 1827 г. над ним надстроили третий этаж.
14. Е. А. Зуровой принадлежал также в это время небольшой дом в конце Б. Морской, в котором жил одно время известный гр. Киселев.
15. В. Курбатов. Петербург. 1913 г., стр. 542.—Автор, однако, ошибочно указывает там №№ 99, 101 и 103.
16. Помимо жилых домов на Фонтанке, Полторацкая владела там же торговыми банями и водочным заводом. На Охте ей принадлежали костеобжигательный завод и мельница.—„СПБ. Ведомости“. 1826 г., стр. 257 и 1828 г., стр. 644.
17. Записки Д. Мертваго. М. 1867 г., стр. 296; „Русский Вестник“. 1857 г., III, стр. 130.
18. П. Н. Полевому остался в точности неизвестен дом Оленина в Петербурге. В „Истории русской словесности“ (СПБ. 1900 г., т. II, стр. 531) под видом „оленинского дома на Фонтанке“ воспроизведен неправильно снимок с дома № 85 по Фонтанке.
19. „Русский Архив“. 1869 г., стр. 306.
20. К. Батюшков. Сочинения. СПБ. 1887, т. III, стр. 294.
21. „СПБ. Ведомости“. 1816 г., стр. 330.—Известный портрет Пушкина исполнен Кипренским, по преданию, в доме Шереметева, стоящем тут же на Фонтанке, по другую сторону реки.
22. Там же. 1815 г., стр. 1084.
23. „Русский Архив“. 1870 г., стр. 1688.
24. „СПБ. Ведомости“. 1827 г., стр. 235. Дальнейшую историю дома Муравьевых см. в моей статье—„Дом Муравьевых на Фонтанке“ в сборнике „Старина и искусство“, издан-

ном Обществом „Старый Петербург—Новый Ленинград" Лгр. 1928 г., № 1.

25. П. Столпянский. Санкт-Питер-Бурх, ныне Ленинград. Лгр. 1927 г., стр. 190.
26. „Русская Старина". 1881 г., III, стр. 522.
27. А. Беляев. Воспоминания декабриста. СПБ. 1882 г., стр. 204; А. И. Одоевский. Сочинения. СПБ. 1893 г., стр. 4.
28. П. А. Вяземский. Сочинения. т. VIII, стр. 185.
29. „Голос Минувшего". 1917 г., XI—XII, стр. 163.
30. „Исторический Вестник". 1911 г., II, стр. 570.
31. Дом переделывается Голицыным также в 1820 г.—„Русский Архив". 1902 г., XI, стр. 375.
32. Исторический очерк церкви Троицы. СПБ. 1912 г., стр. 4.
33. „Русский Архив". 1879 г. II, стр. 247.
34. Фасад этого дома совершенно справедливо был помещен в „Сборнике планов, фасадов и разрезов примечательных зданий СПБ". 1826 г., л. 79.—В 1841 г. дом Мижуева был приобретен у его наследников СПБ. Управой Благочиния.— „Северная Пчела" от 8 августа 1841 г.
35. Воспоминания В. А. Сологуба. СПБ. 1887 г., стр. 1.
36. „Русская Старина". 1874 г., т. XI, стр. 698.
37. Фасад мижуевского дома на Моховой ул. переделан в 1864 г.
38. Я. Грот и Пекарский. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПБ. 1866 г., стр. 363.
39. Письма Н. Карамзина к А. Малиновскому. М. 1860 г. стр. 71.
40. Щукинский сборник. вып. VIII, стр. 283.
41. М. Погодин. Н. М. Карамзин. М. 1866 г., стр. 313 и 469.
42. Остафьевский архив. т. III, стр. 19.
43. „Русский Архив". 1895 г., V, стр. 112; Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Лгр. 1927 г., стр. 7. Здесь же, в доме Мижуева, вместе с матерью, жила дочь Э. Хитрово, Е. Ф. Тизенгаузен.—„СПБ. Ведомости". 1830 г., стр 2659.
44. Воспоминания В. А. Сологуба. СПБ. 1887 г., стр. 132.
45. Покупка дома обошлась в 54 тыс. руб.—Сообщено П. Н. Столпянским.
46. Сборник Исторического Общества. т. XXVII, стр. 349. Но это совсем не указываемый там, с ссылкой на „Описание Петербурга" Георги, воронцовский дворец. Тот стоял на противоположной стороне Моховой ул.

47. „Его превосходительству сгермейстеру фон-Полиану“ принадлежал в Петербурге дом на Морской ул. - „СПБ. Ведомости“ от 8 июня 1770 г.
48. „Камергер Рибопьер за дурные поступки выключается из службы“. Указ Сенату от 5 марта 1801 г. „Сенатский Архив“. т. I, стр. 720.
49. Дом принадлежал им уже в 1819 г.—Историко-статистические сведения о СПБ. епархии. т. VII, стр. 390.
50. К. Большева. К истории мальцовского стекольного производства. Временник отдела изобразительного искусства Гос. Инст. Ист. Искусства. А. 1927 г., стр. 198.—О Мальцовых см.: „Исторический Вестник“. 1897 г., XI, стр. 534—555 и „Старина и Новизна“. т. VII, стр. 190—91.
51. „Исторический Вестник“. 1888 г., XI, стр. 313. Относящаяся к тому же январю 1835 г. запись П. А. Осиповой в месяцеслове гласит: „Пушкины на Моховой, в доме Кленберха“.—„Пушкин и его современники“. вып. I, стр. 144. Где стоял, в точности, дом Кленберга—неизвестно. Также остается, к сожалению, не установленным точное местоположение дома Марии Алексеевны Ганнибал в Преображенском полку, как и ея квартиры в Измайловском полку, где в последние годы XVIII века жил в Петербурге, у своей тещи, вскоре после женитьбы на Надежде Осиповне, Сергей Львович Пушкин.—„Москвитянин“. 1852 г., № 24, стр. 23.
52. И. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПБ. 1908 г., стр. 203; письма А. С. Пушкина к Нат. Ник. Пушкиной от 8 и 21 октября 1833 г.; „Исторический Вестник“. 1888 г., X, стр. 40.
53. П. Столпянский. Петербургские квартиры Пушкина. „Новое Время“ от 29 января 1912 г.
54. А. Грен в „Воспоминаниях о Пушкине“ сообщает, что он жил тогда у Летнего сада, в доме г-жи Оливей.—„Современник“. 1838 г., т. II, стр. 36; Анненков указывает местожительством Пушкина в 1835 г. дом Оливиера у Летнего сада.—Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПБ. 1855 г., стр. 221.
55. Список генералам, штаб и обер-офицерам Российской армии. СПБ. 1831 г., стр. 225; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833 г., ч. I, стр. 237.
56. Петербургский Некрополь. СПБ. 1912 г., т. III, стр. 305.

57. „СПБ. Ведомости“ от 3 мая 1832 г.; см. также 1831 г., стр. 1853.
58. „Красная Нива“. 1929 г., № 24.
59. Объявление об отъезде из баташевского дома В. Ф. Вяземской с детьми помещено в „СПБ. Ведомостях“ 5 августа 1834 г., а о П. Вяземском—от 14 того же августа.—В середине 30-х годов в доме Баташева на Гагаринской наб. жил известный Николай Иванович Кривцов.
60. При разделе имущества Баташева, после его смерти, между его наследниками, возникли обычные споры. Небезынтересно, что „доверенным лицом“ одного из наследников, отставного коллеж. регистратора Ивана Баташева, выступил лейб-гвардии Конно-гренадерского полка капитан Иван Васильевич Шервуд-Верный.—„СПБ. Ведомости“. 1833 г., стр. 2090.
61. „СПБ. Ведомости“ от 4 сентября 1823 г.
62. „Русский Архив“. 1872 г., стр. 201.
63. „Пушкин и его современники“. Вып. XXXVII, стр. 1.
64. „Русская Старина“. 1904 г., II, стр. 231.
65. Впоследствии Карамзина занимала с детьми второй и третий этаж дома.—„Исторический Вестник“. 1888 г., X, стр. 100.
66. Воспоминания А. Ф. Тютчевой. М. 1928 г., стр. 72.
67. Переписка Грота с Плетневым. т. I, стр. 165 и 647.
68. „Дело“. 1874 г., IV, стр. 164.
69. В доме Хвостова в 1840 г. жила Е. А. Арсеньева, бабушка Лермонтова.
70. К. Касьянов. Наши чудодеи. СПБ. 1875 г., стр. 10; „Русская Старина“. 1875 г., XIII. стр. 396; „Русский Вестник“. 1871 г., IX, стр. 259—61.
71. В числе отъезжающих заграницу в 1800 г. значится: „Петр Абрамович Ганнибал, генерал-майор, живет в Сергиевской ул., в собственном доме“.—СПБ. Ведомости“ от 24 января 1800 г.
72. М. Корф. Жизнь М. Сперанского. т. I, стр. 276.
73. Переговоры о продаже дома Дубенскому велись несколько лет,—„В память М. М. Сперанского“. СПБ. 1872 г., стр. 4.
74. „Исторический Вестник“. 1885 г., VI, стр. 560 и 1908 г., II, стр. 459; „Русская Старина“. 1894 г., I, стр. 21; „Воспоминания“ А. И. Дельвига. М. 1912 г., т. II, стр. 81.

75. Алымова умерла в холерную эпидемию 1831 г. (Петербургский Некрополь. СПБ., 1912 г., т. I, стр. 45) и дом ее перешел к детям,—„наследникам тит. советницы Алымовой". Их было 9 человек и один из них, путей сообщения корпуса инженеров поручик Алымов, оставил хранящийся до настоящего времени в архиве план участка 1832 г.—См. также—Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. т. I, стр. 10.
76. Декабрист Д. Завалишин в своих „Записках" сообщает, что Вадковский как-то расстроил свадьбу дочери Александра I, от знаменитой М. А. Нарышкиной, с известным богачем Шереметевым.—„Записки". 1905 г., стр. 214.
77. И. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПБ., 1903 г., стр. 171.
78. „СПБ. Ведомости". 1823 г., стр. 717 и CDCX и 1823 г., стр. DXXXV.
79. На дворе алымовского дома долгое время хранилась статуя Екатерины II, привезенная из имения Гончаровых.
80. Журнал „Зодчий", издавая в 1878 г., чертежи нового здания (г. VII, л.л. 14—17), сообщал, что „это один из первых, если не единственный, каменный дом, фасад коего скомпанован в русском стиле".—Поклонник творчества Богомолова В. В. Стасов горячо расхваливал этот дом в некрологе архитектора, помещенном в „Вестнике изящных искусств" за 1887 г. (вып. I, стр. 82, где воспроизведен снимок здания).—См. также „Вестник Европы". 1883 г., стр. 451.
81. Е. Карнович. Замечательные и загадочные личности. СПБ. 1884 г., стр. 504; „Исторический Вестник". 1888 г., V, стр. 256.
82. Записки Е. А. Сушковой. Л. 1928 г., стр. 180.
83. „СПБ. Ведомости". 1815 г., № 103.
84. Некоторые переделки булатовского дома относятся к 1846—47 годам.
85. Стоящий близ церкви надгробный памятник Булатова, уже реставрированный в 1886 г., ныне снова значительно наклонился и угрожает падением. Это чуть ли не единственный, уцелевший до нашего времени, надгробный памятник декабриста в Ленинграде.
86. См. Б. Модзалевский. Роман декабриста Каховского. Лгр. 1926 г.

87. К 1829 г. дом Кувшинникова перешел во владение СПБ. городского головы, первостатейного купца Алферовского.
88. С. Сухонин. Дела III Отделения об А. С. Пушкине. СПБ. 1906 г., стр. 43.
89. Воспоминания Фонтона. Лейпциг. 1862 г., стр. 25.
90. Русская поэзия XIX века. Academia. Лгр. 1929 г., стр. 109.
91. Когда Дельвиг с женой уехал на некоторое время в Харьков, А. Керн, с отцом и сестрою, переехала на их квартиру. По отъезде своих родных, Керн поселилась в небольшой квартире, в том же доме Кувшинникова, во дворе.— Л. Майков. Пушкин. СПБ. 1899 г., стр. 253; „Пушкин и его современники". вып. V, стр. 142.
92. А. Дельвиг. Мои воспоминания. М. 1912 г., т. I, стр. 77.
93. „Зодчий". 1917 г., № 19—20.
94. П. А. Вяземский. Сочинения. т. VIII, стр. 238.
95. И. Щеглов. Новое о Пушкине. СПБ. 1902 г., стр. 2.— По сообщению В. В. Малкочи, первый этаж в этом доме был каменный, второй—деревянный.
96. „Золотое Руно". 1906 г., № 11—12.
97. Diderot. Lettres à Falconet. p. 199.
98. Переписка Грота с Плетневым. т. II, стр. 79.
99. Внутренний вид здания—см. „Столица и усадьба". 1914 г., № 4, стр. 10.
00. Как сообщает в своих воспоминаниях художник Павел Соколов, Монферраном выстроена была на Выборгской стороне, вблизи Пороховых, великолепная барская дача, впоследствии принадлежавшая художнику Александру Алексеевичу Козлову, товарищу Соколова по Академии. Этот дом, как отметил Соколов, был выстроен из материала, принадлежавшего Исакиевскому собору, но „по рассеянности" попавшего на Выборгскую сторону.— „Исторический Вестник". 1910 г., XII, стр. 910. Сохранились ли до настоящего времени следы этого дома?
101. Внутренний вид здания—см. „Столица и усадьба". 1914 г., № 7. Недавно посольство выломало малахитовые колонны парадного зала и вывезло их в Италию.
102. A. Lafferrière. Mémoires. Paris. 1876, t. II, p. 11.
103. Дом перестроен в 1875 г. архитектором И. В. Штромом.— „Зодчий". 1875 г., X, стр. 118.—О. Пржецлавский в своих воспоминаниях сообщает, что Монферран построил в Петербурге четыре частных дома: три, один

вовле другого, для Павла Демидова на В. Морской, а четвертый на набережной Мойки для самого себя. Как мало, однако, понимали тогда красоту монферрановских построек видно из того, что, упоминая о работе этого зодчего, Пржецлавский замечает, что „два демидовских и последний (на Мойке) свидетельствуют об отсутствии в строившем всякого рода художественного чувства и один из двух первых может даже назваться образцом безобразия".—„Русская Старина". 1883 г., VIII, стр. 397.—В своих воспоминаниях о Монферране известный литератор Старчевский (купивший впоследствии от вдовы архитектора его дом на Мойке) сообщает, что Монферран выстроил на свои средства, указанные дома на Морской, продав их впоследствии Демидову. Однако, это сообщение Старчевского не подтверждается никакими иными источниками.

104. Воспоминания В. Сологуба. СПБ. 1887 г., стр. 141.
105. Нащокины владели этим участком еще в первые годы царствования Екатерины II.—„СПБ. Ведомости" от 14 октября 1763 г. Приб.
106. „Новый мир". 1927 г.. I, стр. 195—96.
107. „Русский Архив". 1885 г., IX, 155; „Голос Минувшего". 1918 г., №7—9, стр. 231; б. архив городской управы.
108. Балкон уничтожен в 1923 г.
109. „СПБ. Ведомости". 1794 г., стр. 2366; сенатский атлас 1798 г.—П. Столпянский (Дворец Труда, стр. 60), ссылаясь на одну публикацию от того же 1794 г., стр. 2210, указывает, что настоящий дом тогда уже принадлежал портному Китнеру. Но означенная публикация на самом деле касалась не этого дома на Исаакиевской пл., а „смежного с почтамтом дома портного Киршнера".
110. „Русская Старина". 1887 г., I, стр. 203; б. архив городской управы.
111. П. Столпянский. Дворец Труда, стр. 60.
112. „СПБ. Ведомости". 1837 г., стр. 706.
113. Декабристы и их время. М. 1928 г., стр. 212.
114. Восстание декабристов. Материалы. т. II, стр. 258.
115. Записки С. Трубецкого. СПБ., стр. 39.
116. Записки Г. Филипсона. 1885 г., стр. 202.
117. Восстание декабристов. Материалы. т. II, стр. 137.

118. „Русская Старина". 1904 г., II, стр. 384 и 1909 г., X, стр. 84.
119. В „Историческом обозрении образования Российско-Американской Компании и действий ее до настоящего времени" (СПБ. 1861 г.) нет указаний на время приобретения Компанией этого дома.
120. Дневник А. В. Никитенко. СПБ., 1905 г., т. I, стр. 126.
121. Восстание декабристов. Материалы. т. II, стр. 83.
122 Записки декабриста А. Розена. 1907 г., стр. 245.
123. Дневник А. В. Никитенко. 1905 г., т. I, стр. 289.
124. Сборник „Памяти декабристов". 1926 г., I, стр. 192. См. также об имущественном положении Бестужевых „СПБ. Ведомости" за 1837 г., № 56, стр. 514.
125. Существующее здесь здание перестраивалось и надстраивалось в 1850 и 1900-х годах.
126. После смерти Бортнянского вдова его продавала этот дом на Миллионной, дачу в Павловске и „работы лучших мастеров картины и эстампы".—„СПБ. Ведомости". 1828 г., стр. 957. Дача Бортнянского в Павловске была в свое время воспета Хвостовым.—Полное собрание сочинений. СПБ. 1830 г., т. V, стр. 142.
127. Гофмаршал Ланской был двоюродным братом известного екатерининского фаворита. Петр Петрович Ланской, женатый впоследствии на Наталии Николаевне Пушкиной, приходился ему племянником.
128. П. П л е т н е в. Сочинения СПБ. 1885 г., т. III, стр. 531.
129. „Русский Архив". 1879 г., I, стр. 441. Характерно, что свою замечательную красоту Наталья Николаевна передала дочери своей, Наталье Александровне. Небезынтересную встречу с ней, 25 лет спустя после встречи Ленца с ее матерью, описал С. Загоскин, сын писателя: „В жизнь мою я не видал женщины, более красивой... Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на мало правильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла назваться совершенной красавицей и, если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как она была окружена на балах, и как около нее увивалась вся щегольская молодежь, а старички не спускали с нее глаз". „Исторический Вестник" 1900 г., VII, стр. 50.

130. Воспоминания Ю. Арнольда. М. 1892 г., т. II, стр. 197, М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд. Акад. Наук, т. IV, стр. 409.
131. Recueil des dessins de differents bâtimens (sic) construits à St. Pétersbourg par Louis Rusca. St. P. 1818, pl. XXVI.
132. Сборник Пушкинского Дома на 1923 г., стр. 8[1].
133. Б. Модзалевский. Пушкин, Дельвиг и их друзья в письмах С. Дельвиг. Лгр. 1929 г., стр. 179.
134. Об этом доме Альбрехтов см. А. В. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. т. I стр. 13.—Сын этого Альбрехта, Карл Иванович, был женат на известной красавице А. А. Углицкой, двоюродной сестре Лермонтова, которой поэт посвятил шуточные стихи.—Альманах Пушкинского Дома „Радуга". П., 1922 г., стр. 116.
135. Б. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Лгр., 1925 г., стр. 79.
136. „Русская Старина". 1875 г., XII, стр. 727.
137. „Это шедевр архитектуры", — писал об этом здании Христиан Мюллер. Chr. Muller. Tableau de Pétersbourg en 1810—12. Paris. 1814, p. 13; Chopin. Coup d'oeil sur St. Pétersbourg. Paris. 1821, p. 31.
138. Полное Собрание Законов. № 26284.
139. М. Морошкин. Иезуиты в России. 1870 г., т. II, стр. 127.
140. П. Анненков. А. С. Пушкин в александровскую эпоху. СПБ. 1874 г., стр. 45.
141. H. Lutteroth (H. Тургенев). Le Russie et les jésuites. Paris. 1845, p. 63; D. Tolstoï. Le catholicisme en Russie. 1864, t. II, p. 203.
142. „Зодчий". 1916 г., № 38, стр. 343.
143. Шредер. Новейший путеводитель. 1820 г., стр. 168; „Отечественные Записки". 1820 г., № 5, стр. 139—40; Nachrichten von der Wirksamkeit und den Erfolgen der Bibelgesellschaften in Ruszland und andern Ländern. St. P. 1824, s. 10.
144. „Вестник Европы". 1868 г., VIII, стр. 681.
145. П. Майков. Второе Отделение Собствен. е. в. канцелярии. СПБ. 1906 г., стр. 398.
146. Адрес-календарь на 1837 год.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВ.

Баскова ул., 9—Г. Ф. Соболевский. А. М. Булатов.
Васильевский остр., 7-я линия, 18—Н. А. и А. А. Бестужевы.
Володарского пр., 26—М. А. и С. М. Салтыковы. В. Ф. Одоевский.
Воровского пл., 5—А. Ф. Закревская.
„ „ 7—А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер.
„ „ 9—Д. Дидро. И. П. Мятлев.
„ „ 11—А. А. Александрова.
Гагаринская ул., 12—С. Л. и Н. О. Пушкины.
„ „ 16—Е. А. Карамзина.
Герцена ул., 41—А. А. Александрова.
„ „ 43—А. К. Демидова.
Грибоедова кан., 2—М. Л. Лукьянов. „Лицейское подворье".
„ „ 8—Дом иезуитов.
Дзержинского ул., 59—С. Л. и Н. О. Пушкины.
Днепровский пер., 1—Н. А. и А. А. Бестужевы.
Друскеникский пер., 2—И. А. и П. А. Ганнибал.
Жореса наб., 32—Е. М. Хитрово. Д. Ф. Фикельмон. П. А. Вяземский. А. С. Пушкин. Н. И. Кривцов.
Жореса наб., дом Самборского—С. И. Муравьев-Апостол.
Загородный пр., 1—А. А. Дельвиг.
„ „ 9—А. А. Дельвиг. А. П. Керн.
Зимняя канавка, 6—К. С. Семенова.
Инженерная ул., 2—М. Л. Яковлев. „Лицейское подворье".
Итальянская ул., 1—Дом иезуитов.
Казачий Б. пер., 6—О. С. Павлищева.
Кирочная ул., 10—Ф. И. Демерцов. М. А. и С. М. Салтыковы.
Лаврова ул., 14—А. С. Шишков.
„ „ 20—Ф. Ф. Вадковский. А. С. Пушкин.
Лиговская ул., 11—А. Е. Измайлов.
Мойка, 72—К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев.
Моховая ул., 27—В. А. Сологуб. П. Ф. Соколов. И. А. и К. М. Мальцовы.
Моховая ул., 41—Н. М. Карамзин. П. А. Вяземский. Е. М. Хитрово.

Мохбвая ул., дом Кленберга—С. Л. и Н. О. Пушкины.
Некрасова ул., 2—М. А. и С. М. Салтыковы. В. Ф. Одоевский.
Пестеля ул., 5—А. С. Пушкин.
Потемкинская ул., 5—М. М. Сперанский.
Рузовская ул., дом Ежевского—Е. А. Боратынский. А. А. Дельвиг. Л. С. Пушкин.
Рылеева ул., 1—Г. Ф. Соболевский. А. М. Булатов.
" " 3—Л. А. Серяков.
Свечной пер., 5—С. Л. и Н. О. Пушкины.
Союза Связи ул., 1—А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер.
" " " 2—Д. Дидро. П. И. Мятлев.
Фонтанка, 16—В. П. Кочубей. Н. К. Загряжская. Третье отделение.
Фонтанка, 20—А. И. и Н. И. Тургеневы. Собрания „Арзамаса".
" 24—П. И. Пестель.
" 25—Н. М. Муравьев. К. Н. Батюшков. Н. И. Уткин. О. А. Кипренский. Н. М. Карамзин.
Фонтанка, 26—В. А. Сологуб. Н. М. Карамзин. П. А. Вяземский, Е. М. Хитрово.
Фонтанка, 92—С. Л. и Н. О. Пушкины.
" 101—А. Н. Оленин. А. П. Керн.
" 167—Е. А. Стройновская.
" 185—А. С. Пушкин. К. Росси.
" 197—М. К. Ивелич.
" 199—Е. А. Буткевич.
Халтурина ул., 9—Д. С. Бортнянский.
" " 12—В. Л. Боровиковский.
" " 26—А. А. Дельвиг.
" " 28—К. Л. Дидло.
" " 30—А. И. Голицына.
" " 34—К. С. Семенова.
Чайковского ул., 18—Д. И. Хвостов. Е. А. Арсеньева.
" " 29—И. А. и П. А. Ганнибал.
" " 62—М. М. Сперанский.
Щербаков пер., 14—А. А. Дельвиг.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александр I—47.
Александров П. К.—111.
Алымова—84, 85, 86, 87, 88, 153.
Арендт Н. Ф.—135, 136.
Арина Родионовна—14, 105, 106.
Арсеньева Е. А.—152.
Баташев—66, 69, 152.
Батюшков К. Н.—32, 33.
Бенкендорф А. Х.—40.
Бенуа А. Н.—108.
Бенуа Л. Н.—61.
Боратынский Е. А.—102, 103, 104.
Беренс—111.
Бестужев Н. А.—124, 156.
Бестужев-Марлинский А. А.—121, 124, 125, 126.
Богомолов И. С.—87, 153.
Боровиковский В. Л.—46, 127, 128, 129, 130.
Бортнянский Д. С.—130, 156.
Боссе Ю. А.—81, 115.
Булатов А. М.—90, 91, 93, 116, 153.
Буткевич А. Д.—19, 23.
Вадковский Ф. Ф.—85.
Витберг А. Л.—47.
Воронихин А. Н.—46.
Вяземский П. А.—53, 54, 55, 66, 69, 152.
Гагарин И. А.—140.
Ганнибал И. А.—80.
Ганнибал М. П.—151.
Ганнибал П. А.—80, 81.
Гедике Р. А.—82.
Голицын А. Н.—31, 43.
Голицына А. И.—137, 138, 139.
Гончарова А. Н.—68.
Гончарова Е. Н.—68.
Гурьев—124, 125, 126.
Дегуров А. А.—29.
Дельвиг А. А.—14, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 135, 154.
Дельвиг С. М.—96, 97, 98, 99, 100, 101, 135.
Демерцов Ф. И.—93.
Демидов П. Н.—112, 155.
Демидова А. К.—112, 113.
Дидло К. Л.—136, 137.
Дидро Д.—108, 109.
Дмитриев—104, 105, 106.
Дубенский Н. П.—84.
Ежевский—102.
Ефимов—62.
Загряжская Н. К.—38, 39.
Закревская А. Ф.—113, 114, 115, 116.
„Зельмира“ (принц. Вюртембергская)—57, 58.
Зурова Е. А.—21, 22, 149.
Ивелич Е. М.—22.

Ивелич М. К.—22, 23.
Измайлов А. Е.—75, 76, 77.
Калашников Г.—14.
Калашникова О.—14.
Кандалинцев—71.
Карамзин Н. М.—34, 51, 52, 53.
Карамзина Е. А.—52, 53, 72, 152.
Касторский—62.
Каховский П. Г.—93, 94, 95, 96.
Керн А. П.—27, 28, 154.
Кипренский О. А.—33, 149.
Кленберг 61, 62, 63, 151.
Клокачев А. Ф. 12, 14, 16.
Козлов А. А.—154.
Козлов Н.—14
Корф М. А.—12, 13, 16.
Кочубей В. П.—37.
Кривцов Н. И.—152.
Кувшинников—100, 154.
Курбатов В. Я.—23.
Кюхельбекер В. К.—11°, 119.
Лермонтов М. Ю. —29, 30, 73, 74, 152.
Лутковская М. А.—30.
Малкочи В. В —154.
Мальцов И. А.—60.
Мальцова К. М.—60.
Мерлини—23.
Мертваго В. М.—25.
Мижуев—50, 56, 150.
Монферран А. А.—111, 112, 154, 155.
Муравьев А. М.—34, 35.
Муравьев Н. М.—32, 34, 35, 149.
Муравьев-Апостол С. И.—71.
Муравьева Е. Ф.—32, 33, 35, 149.
Мятлев И. П.—110, 111.
Нарышкины—107, 108, 109.
Одоевский А. И.—38, 116, 117, 118.
Одоевский В. Ф.—131, 132, 133, 134.
Оленин А. Н.—25, 26, 27.
Оленин Г. Н.—25.
Оленина А. А.—26.
Оленина Е. М.—25.
Оливио (Оливье) А. К.—64, 65, 66, 151.
Орлов А. Ф.—41.
Павлищев Н. И.—104, 105.
Павлищева О. С.—104, 105, 106.
Пестель И. Б.—48
Пестель П. И.—48, 49.
Полевой П. Н.—149.
Полторацкая А. А.—24, 25, 149.
Пушкин А. С.—12, 13, 14, 18, 22, 26, 27, 39, 45, 64, 65, 66, 68, 69, 85, 86, 87, 145, 146, 151.
Пушкин Л. С.—109.
Пушкин С. Л.—12, 14, 22, 62, 63, 151.
Пушкина Н. О.—12, 13, 22, 62, 63, 151,
Пушкина О. С.—12.
Росси К.—17, 18, 148.
Руска Л.—134, 142.
Рылеев К. Ф.—120, 121, 122, 123, 124.
Салтыков М. А.—93, 94.
Салтыкова С. М.—93, 94, 95.
Самборский А. А.—70, 71.
Семенова К. С.—140, 141, 142.
Серяков Л. А.—92.
Соболевский Г. Ф.—90.
Соколов Павел—154.
Соколов Петр—59, 60.
Сологуб В. А.—50, 59.
Сперанский М. М.—82, 83.
Старчевский А. В.—155.
Столпянский П. Н.—150, 155.
Стройновская Е. А.—19, 20, 21.
Стройновский В. В.—20, 21, 148, 149.

Сухарева А. М.—25.
Тизенгаузен Е. Ф.—68, 150.
Тургенев А. И.—44, 45, 46.
Тургенев Н. И.—44, 45, 46.
Тыранов—47.
Тычинкин—100.
Урениус—121.
Устинов—62.
Уткин Н. И.—33, 34.
Фикельмон Д. Ф.—68.
Хвостов Д. И.—77, 78, 79, 152.
Хитрово Е. М.—55, 56, 67, 68.
Шарлемань 2-ой—84.
Шервуд И. В.—152.
Шернваль А. К.—112.
Шишков А. С.—88, 89, 90.
Штерич С. И.—28, 29.
Штром—154.
Шульц—115.
Щербатова А. А.—111.
Щербатова М. А.—29, 30.
Эбелинг—134, 135.
Яковлев М. Л.—14, 144, 145, 146.

Редактор и техн. ред. *А. И. Колотушкин.*
Сдано в произв. 20/IX-32 г. Подписано к печ. 31/XII-32 г.
Кол. букв в 1 п. л. 51.744. Ст.-форм. бум. 74x105 см.
Ленгорлит № 893. Зак. № 4650. Объем 5 л.—Тир. 1.500 экз.
Тип. Госфиниздата им. Котлякова, Ленинград, кан. Грибоедова, 30-32.

И З Д А Н И Я

Общества „Старый Петербург—Новый Ленинград".

К столетию восстания декабристов (не поступало в продажу).

Популяризация и охрана художественно-исторических памятников ...орода (не поступало в продажу).

Т р у д ы О б щ е с т в а.

Выпуск первый. Сборник статей В. Я. Курбатова, В. Н. Нечаева, ... А. Платонова, М. В. Фармаковского и др. (распродано).

Выпуск второй. А. Яцевич. Пушкинский Петербург ч. I (распродано).

Выпуск третий. А. Яцевич. Пушкинский Петербург ч. II (распродано).

С письменными требованиями обращаться в Секретариат Общества, ...енинград, канал Грибоедова, д. 69, кв. 22, тел. 173-72.

14-17, 20, 21, 8, 4, C, 7, 8,
32, 6, 7, 8, 40, 2, 5, 6, 9,
54, C, 7, 60, 4, 9, 71 (!!) 81, 53, 5-
89, 90, 1, 2, 4, 5-6, 1
100, 110, 112, 18, 123, 19, 30, 32, 35,

P7
A-924
AXVI,5
A-913-9